

Мир Замориний

К. МОИСЕЕВА

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

К.МОИСЕЕВА

Меч Зариньы

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Москва 1965

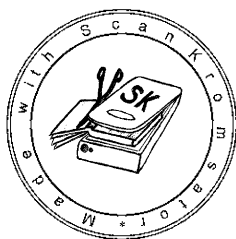
Научный редактор профессор

В. О. В и т т

Есть на Алтае Чуйский тракт — прекрасная автомобильная дорога, протянувшаяся среди гор, по долинам рек, через снежные перевалы. У реки Большой Улаган эта дорога проходит вблизи Пазырыкской долины, где сохранились древние курганы, усыпальницы кочевников-скифов, некогда населявших просторы алтайских степей.

Кто они, эти отважные воины, среди которых были бесстрашные воительницы-амазонки? Что мы знаем об этих людях, живших на нашей земле более двух с половиной тысяч лет назад?

Эта книга познакомит вас с жизнью и бытом кочевников-скифов, которых персы называли саками. Вы узнаете об отважной Зарине, дочери сакского вождя Миромира, побываете в древней Персиде, в царстве Чжоу и в бескрайних степях Алтая.

К РОДНЫМ ОЧАГАМ

Впереди войска мчались гонцы на сытых, статных конях. Сверкала на солнце золоченая сбруя, развевались по ветру расшитые цветным войлоком попоны и полы кафтанов, подбитые алым шелком. Остроконечные шапки были нахлобучены на головы юношей, самых знатных и отважных из первой сотни сакского вождя Миромира.

— Вы хорошие вестники, — напутствовал их Миромир, — вы первыми принесете добрую весть в родные степи. Победа над врагом! Победа над Дарием! Велика наша победа, как степь велика! Воины Ахеменида ушли в свои владения. Мы им не покорились. Мы наплевали на след царственного башмака Ахеменида. Саки повернулись к нему спиной. Он многих победил. Ему платят дань цари двадцати трех сатрапий, а мы не станем!

Миромир хлопнул по плечу своего сына Кидрея:

— Расскажи женам и сестрам нашим, как мы гнали персов до стен их крепости, как славно поживились! Ох, не могу, печень пляшет от радости, когда вспомню

нашу хитрости! Ловко мы окружили персов! А как гнали конницу! Надолго они запомнят скифские стрелы!..

— Запомнят! А мы поспешим с доброй вестью. Пусть она не задержится в пути. — Кидрей поклонился отцу и цокнул громко и весело.

Конь полетел как птица.

Войско саков возвращалось в зеленые долины Яксарта. Оно двигалось медленно, с остановками, не торопясь. Впереди шла конница, за ней громыхали повозки на высоких деревянных колесах, груженные всяким добром. На громадном пространстве степи растянулись отряды пеших воинов, вооруженных луками. У многих за поясом сверкали знаменитые сакские топоры, те самые «сагары», которые запомнились персам в битвах еще во времена великого Кира.

Сейчас топоры и стрелы были уже не нужны. Воины Миромира возвращались домой и гнали впереди себя отобранные у персов стада.

Войско Дария, великого Ахеменида, еще ни разу не терпело такого поражения, какое принесла ему битва с кочевыми саками. Полководцы Дария надолго запомнили бесстрашную конницу саков. Да и хитрость степных воинов поразила персов. Саки ни разу не дали настоящего открытого сражения, где бы могло показать себя многочисленное войско персов. Заманив персов в глубь степей, саки стали отступать со своими повозками и стадами, засыпая по пути колодцы, уничтожая сады. Цветущая степь превратилась в пустыню. Когда, истомленные жаждой и голодом, персы пускались на поиски пищи, на них нападали всадники Миромира и разили их своими скифскими стрелами. И тогда Дарий узнал самое ужасное: его прославленная конница, его всадники, которые покорили уже многие племена, бежали от скифских стрел. Их бегство было столь стремительным, что сакам с трудом удавалось настичь какой-либо из отрядов.

Великий Ахеменид затаил злобу против дерзких воинов-саков. Он угнал свое войско к границам Персиды, но поклялся, что очень скоро отомстит им за их непокорность. Дарий решил, что так или иначе, а сакское племя будет ему подвластно и бездомные вожди кочевников, у которых нет ни дворцов, ни крепостей, ни дорог, ни мостов, будут платить ему дань. Ведь платят и более

могущественные, покоренные великой силой Ахеменидов...

Среди гонцов был и Фамир, молодой воин, сын хромоногого Мадия, богатого табунами коней. Фамир не сразу последовал за добрыми вестниками. Он повернул назад, к девичьим повозкам, где была дочь Миромира — Зарина.

Фамир подъехал к крайней повозке, покрытой пестрым войлочным ковром, и окликнул девушку:

— Покажись, Зарина! Это я, Фамир! Покажись!

— Не покажусь, не жди! — ответил звонкий девичий голос.

— Я долго не увижу тебя, Зарина...

Смуглое лицо Фамира хранило спокойствие, но сердце его горело. Ему стоило больших усилий заставить себя заговорить с этой гордой и неприступной девушкой. Уже не впервые он слышит такой ответ, но какая-то неведомая сила влечет его к этой повозке.

— Не будь упрямой, Зарина, мне надо сказать тебе слово на прощанье. Как же я вернусь в долину Яксарта, не поговорив с тобой?

— Вот так и вернешься! Скачи куда тебе надобно! — Тонкая рука в браслетах отбросила ковер, и вслед за тем высунулась голова с черными змеями кос, увешанных бубенчиками. На Фамира уставились лукавые, смеющиеся глаза. — Сколько раз я говорила: не подходи к повозке, не говори пустых речей!

— Это не пустые речи, Зарина. Прислушайся к голосу своего сердца, оно подскажет тебе. Сердце понимает лучше разума. Разве не ты спасла мне жизнь? Разве не твой меч снес голову перса, который хотел лишить меня жизни?

— Не я!

— А кто?

— Не знаю. Я унесла тебя с поля брани. Пустила в свою повозку, пока ты был без памяти. Вот и все!

— Это не все, Зарина! Мне не забыть тот страшный миг, когда вражеская стрела настигла меня и пригвоздила к земле. Пелена смерти закрыла предо мной небо и солнце. Сквозь эту пелену я видел только перса, занесшего надо мной копье, но ты опередила врага, ты спасла меня своим мечом. Когда я очнулся, я почувствовал, как нежные руки перевязывают мое плечо. То были

твои руки, Зарина. Словно во сне, я услышал твой голос, ласковый и воркующий. Ты говорила: «Очнись, Фамир, открой глаза, я не хочу отдать тебя в царство предков». Я слышал все это, но не открыл глаза. Я боялся испугнуть голубку, принесшую мне спасение. А вспомни, что ты говорила подруге...

— Ничего не говорила!

— Ты говорила: «Подруга, нарви самой мягкой травы трилистника, возьми толченых костей жаворонка, дадим ему спасительное питье. Помогни, подруга, исцелить доброго воина!» Я слышал твой голос, но боялся поверить своему счастью, а потом я открыл глаза, увидел тебя, и птица радости вошла в мое сердце. Я подумал: «Благословенна вражеская стрела, что привела тебя ко мне».

Фамир умолк и еще ниже опустил голову, он боялся смотреть в дерзкие, смеющиеся глаза Зарины. Но Зарина не смеялась.

Ее живые, искрящиеся весельем глаза вдруг стали серьезными и задумчивыми. Вся она преобразилась и на мгновение стала такой же, какой ее запомнил Фамир. И он услышал тот же нежный, воркующий голос, который вернул ему радость жизни в ту страшную минуту:

— Говори, Фамир, я слушаю тебя.

— Ты слушаешь меня? — Глаза Фамира сверкнули огнями радости. — Ты слушаешь меня, гордая Зарина? Это сердце твое отозвалось на зов моего сердца. Так слушай же. Я скажу тебе все. Я давно стремился к тебе. С того дня, когда впервые увидел тебя на скачках. Ты была самой ловкой и смелой. Ты унизила меня своей победой, но в сердце моем не было места для злобы. Я сказал себе: «Без нее мне нет счастья!» Я хотел пойти к тебе со свадебными дарами...

— Что же ты не пришел? — В глазах Зарины загорелись лукавые огоньки. — Испугался?

— Не испугался! Мой отец, Мадий, тому причиной. Он помешал. Он сказал: нельзя довериться девушке, победившей на скачках. Всю жизнь будет стоять на своем, и не жди от нее покорности...

— Покорности? — гневно воскликнула Зарина. — Чего захотел! А знаешь ли ты, что женщины племени Миромира никогда никому не покоряются?

— Я и не жду этого! — прервал ее Фамир. — Выслушай меня. Согласись, будь моей женой!

Фамир хотел еще многое сказать, но лошадь под ним вдруг вздыбилась и понесла. А Зарина с хохотом запрягала в мешок длинную, тонкую булавку.

— Не пойму я тебя! — воскликнула Мирина, высунув голову из-под войлочного ковра. — Я обрадовалась, думала, ты стала разумней, а в тебе, как и прежде, бес сидит. Зачем ты осмеяла Фамира? Ведь ты любишь его! Вот уж сколько дней ты заставляешь меня сидеть в твоей повозке, и я выслушиваю твои жалобы. То ты говоришь, что у Фамира нет сердца, называешь его колодой. То жалуешься, что не станешь жить на свете, если он не пришлет тебе свадебных даров. А когда он пришел и захотел сказать тебе доброе слово, ты осмеяла его. Что же ты сделала? В своем ли ты уме? Помнишь, в степи мы доили кобылиц, и вдруг прискакал Фамир. Ты так приветливо махнула ему платком, а потом покропила тропку кобыльим молоком, чтобы он снова пришел по этому следу.

— Помню! О я несчастная! — Зарина бросилась на шею подруге. — Что я наделала! Теперь уж он отвернулся от меня. Отвернулся? Скажи! Что за гордость сидит во мне? Всегда говорю не то, что хочу сказать! О Фамир, я не знаю человека лучше и отважней! О я несчастная!.. — Зарина ломала руки и жалобно причитала: — Мирина, подруга, пожалей меня. Никто... только ты одна знаешь мою тайну.

— А если он снова придет, ты не прогонишь его? — спросила Мирина с надеждой.

— Вот клятву даю: не прогоню! Скажу доброе слово! Позволю прислать свадебные дары!

— Тогда не печалься, Зарина, он снова придет, и все будет хорошо. Я ходила к жрице, гадала на твое счастье; я теперь знаю, что ждет тебя.

— Правда? — обрадовалась Зарина. — На чем гадала? На змеиной шкуре или на печени ягненка?

— На змеиной шкуре. Жрица все знает, — убежденно ответила Мирина. — Ягненка она велела принести в следующий раз.

— А я давно хотела к ней пойти, ягненка приготовила для гадания, только гордость удержала меня, словно веревками привязала... Как же, думаю, мне пойти

к жрице, как рассказать ей о том, что в моем сердце? Как выдать свою тайну? Так и не пошла.

Мирина тихонько погоняла коней, а Зарина, положив голову к ней на колени, изливала свою душу. Сейчас, глядя на Зарину, невозможно было поверить, что это та самая дочь вождя, которая без страха и робости вела в бой сотню девушек и сражалась рядом с отважными воинами Миромира. Теперь она была кроткой и печальной.

— Расскажи, что сказала тебе жрица, — просила она подругу, — мне не терпится узнать про гадание.

— Зарина! Покажись, Зарина!

— Опять Фамир! Останови повозку, Зарина! Будь приветливой, — шепнула подруге Мирина, — скажи ласковое слово!

Но Зарину будто подменили. В глазах снова мелькнуло лукавство. Лицо стало упрямым и суровым.

— Уходи! — крикнула она, не глядя на Фамира и погоняя коней. — Сколько раз я буду повторять одно и то же! Уходи! Уходи! Уходи!.. Я думала, твой конь занемог... — прибавила она, смеясь и в то же время волнуясь.

— Что ты делаешь, Зарина! — закричала Мирина, хватая подругу за руку и подталкивая ее к краю повозки.

Но было уже поздно.

— Прощай, Зарина! — крикнул Фамир, подхлестывая лошадь.

Тут Мирина остановила коней и выскочила рассерженная. Зарина рванула вожжи, и повозка с грохотом покатилась по степи.

Вместе с войском Миромира пошли в поход двести сакских девушек. Они сражались наравне с отважными воинами племени и прославились меткой стрельбой из лука. Не все уцелели в битве: одних увели в плен в те дни, когда войско Дария окружило сакских воинов, других пронзили копья персидских воинов. Но те, кто вместе с Зариной возвращались домой, радовались победе. Из повозок доносились веселые песни девушек. Только Зарина была печальна. Оставшись одна, она дала волю слезам. Что же теперь делать? Больше ей не увидеть

Фамира. А может быть, он простит ее? Может быть, поймет ее гордость? Даже наверное простит. Как только они вернутся к родным очагам, он тотчас же прибудет с дарами...

* * *

Гонцы Миромира мчались быстрее осеннего ветра, что так весело кружился в степи. Далеко позади осталось войско. На третий день юноши увидели впереди себя сверкающие на солнце воды Яксарта.

— Вот она, наша родная степь! — воскликнул Саксафар.

В лицо пахнуло дымом родных очагов и запахом душистых трав. Сердце радостно забилося. Ждет ли его молодая жена?

На закате гонцы уже прибыли в кочевье. Все здесь казалось таким же, каким было весной, когда они ушли на битву по зову старого Миромира. Повозки и шатры, разбросанные вдоль берега реки, табуны коней на зеленом пастбище, отары овец, спускавшиеся с гор. Повсюду дымили костры, пахло жареным мясом и перебродившим кумысом. И, как всегда, на закате девушки с кувшинами шли к реке. Их звонкий смех слился с криками гонцов:

— Победа! Победа! Победа!

Воины мчались во весь дух, размахивая остроконечными шапками и приветствуя родную землю криками: «Победа!»

Навстречу гонцам бежала ватага загорелых детишек, их сопровождало множество собак. Мигом всадников окружила шумная толпа. Вестников победы стаскивали с коней и душили в объятиях.

— Жив ли сын мой? — спрашивал Саксафара старый медник, вглядываясь в глаза юноши своими красными, слезящимися глазами, потускневшими от дыма плавильной печи.

— Жив, жив твой сын! — отвечал гонец. — А топы твои хорошую службу сослужили. Много голов снесли. Честь и хвала твоим старым рукам!

Утирая рукавом слезы радости, счастливый старик засеменял домой готовить встречу сыну. А на зеленый луг, где спешились гонцы, всё шли люди. И вдруг Сак-

сафар увидел жену. Она словно плыла к нему в своей пестрой праздничной одежде, с младенцем на руках. Ее румяное лицо сияло улыбкой радости.

— Вот и сын наш! — сказала она, протянув Саксафару пухлого малыша.

— Воин растет? — воскликнул изумленный Саксафар. — Вот радость-то!

— Победа! Победа! Победа! — кричали дети, перебегая от шатра к шатру.

Женщины бросились к печам готовить пиршество, а старики и дети шли к гонцам узнать, скоро ли вернутся те, кого ждут с таким нетерпением.

Уже полночь наступила, когда Фамир вместе с другими воинами племени Мадия прибыл в свою долину. Сам Мадий не участвовал в битве с персами. Но договор дружбы обязал его послать с войском Миромира тысячу воинов. Лучшую сотню из этой тысячи возглавил его сын Фамир.

С нетерпением ждал Мадий возвращения сына. Ведь он все подготовил для свадьбы Фамира. Удастся ли ему задуманное? Сумеет ли он породниться со знатным китайским родом? Если сумеет — хорошо! Тогда он возвысится над другими племенами, возвысится над Миромиром. Вожди племен преклонят перед ним колени, когда увидят свадебный караван и тройку белых коней, запряженных в китайскую колесницу. Вся степь загудит от восторга и удивления. Ведь никто из саков не достиг подобного. Нет ни одного сакского воина, который был бы женат на китайской принцессе. А его сын будет женат. Будет... если не откажется. А вдруг откажется? Ведь он упрям и несговорчив. Не любит, когда ему прекословят. Ведь перед самым походом поссорились! Когда Зарина, дочь Миромира, победила на скачках, Фамир, потеряв голову, захотел жениться на ней. Надо же было сказать свое слово сыну. И Мадий потребовал, чтобы сын забыл о Зарине и не слал свадебных даров. Зачем будущему вождю племени, отважному Фамиру, нужна такая жена? Прошли времена, когда женщины были владычицами. Если она в семнадцать лет ведет сотню воинов, что же будет потом? Своевольничать будет. Все они такие, дочери вождей. И его собственные дочери показали себя. Ни одна не сделала так, как велел отец. А люди боятся Мадия. Но

нет, Фамир не должен отказаться от китайской принцессы. Да и как можно отказаться от невесты, столь знатной и богатой! Стоит ему, Мадю, только подумать об этом, и сердце его начинает прыгать от радости. Ведь китайская принцесса прибыла из великого царства Чжоу, из богатой страны, где князья живут, как цари, а царей называют «сынами неба». Только он, Мадий, смог добыть это сокровище. Только у него хватило хитрости похитить богатую невесту, предназначенную молодому богатому вождю далекого, неведомого племени. Удача! Большая удача! Как добрый приплод весной, когда родится много породистых жеребят.

Мадий, обычно мрачный и суровый, встретил сына с нескрываемой радостью. Хромая, опираясь на суковатую палку, он повел Фамира к просторному шатру, который белел среди других, подобно новому парусу на реке. Вокруг шатра толпились дети. Одни заглядывали в щели, другие смело протыкали войлок, чтобы посмотреть в дырочку, третьи, стоя у входа, просили:

— Сыграй нам, Голубой Цветок!

Мадий цыкнул, и детвора унеслась, как стая испуганных воробышков.

— Пойдем, посмотришь, какое сокровище я приготовил тебе, — предложил Мадий, явно довольный тем, что дождался наконец Фамира.

Его обветренное морщинистое лицо с расплюснутым носом и редкой всклокоченной бородой выражало гордость и самодовольство. Низкорослый, квадратный, он казался обломком скалы, на который поставили большую голову, позабыв сделать шею.

— Кто же там? О ком ты говоришь?

— Сын мой, тебя ждет китайская принцесса.

— Ты шутишь, отец!

— Смотри и удивляйся! Это настоящий цветок!

Мадий отдернул полог, и Фамир увидел прелестное тоненькое существо в голубом шуршащем шелке. Принцесса и в самом деле была похожа на цветок с маленькой изящной головкой на тонкой смуглой шее. Принцесса вскочила и отбросила игральные кости, которыми забавлялась со своей служанкой. Низко склонившись перед вошедшими, она прижала к груди смуглые пальчики с длинными красными ногтями и произнесла приветствие приятным, певучим голосом.

— Поистине цветок! — согласился Фамир. — Впервые вижу такую! Совсем не похожа на сакских женщин. Маленькая, тоненькая, как тростиночка. А руки какие крохотные, и кобылицу не подоит. Ногти длинные. С такими ногтями никакой работы не сделаешь. Зачем она здесь, отец? Откуда она?

— Тебе не верится, сын мой, а ведь эта китайская принцесса — твоя невеста.

— Невеста? На что мне она, отец? Ей няньки нужны. Для нее нужно дворец построить. Она в шатре захиреет.

— Привыкнет! Живет, не жалуется... Разве ей плохо здесь? Я велел ее хорошо кормить. Ничего не жалею. Каждый день посылаю ей ягнят. Дочерей так не кормил. Одно слово — принцесса. Сколько времени прошло, а наши женщины всё приходят смотреть на нее. Удивляются: все у нее по-особенному, все как положено в великом царстве Чжоу.

Пока мужчины говорили о чем-то непонятном, принцесса с далекой реки Хуанхэ молча склонилась перед ними. Наконец Мадий догадался, знаком дал понять, что следует сесть. И тогда принцесса села на тростниковую китайскую циновку и жестом указала им место против себя. Затем она шепнула что-то своей служанке, и та поспешила подать блюдо с угощениями, принесла расписные чаши с питьем. Это был кумыс. Его готовили в шатре Мадия, и служанка каждый день приходила за ним.

Принцесса с улыбкой смотрела на Фамира своими черными, сверкающими, как бусины, глазами. А Мадий отвечал сыну на его недоуменные вопросы.

— Ты женишься, сын мой, и получишь богатые дары. Пусть у нее будут няньки, но ты породнишься со знатным китайским родом и заслужишь почет и уважение у людей своего племени. Никто из нашего племени еще не достиг такого. Ты первым из саков женишься на дочери князя. А вожди племен, живущие на границе великого Чжоу, давно уже догадались установить связь с богатыми князьями Чжоу.

— Что мне до того царства? Я не знаю князей Чжоу. Да и к чему мне их богатство? Разве мало у нас табунов?

Глядя на принцессу, Фамир вспоминал Зарину, ее

веселые, лукавые глаза. Он видел ее на горячем коне, с натянутым луком в руках, видел, как искусно она посы- лала в цель свои стрелы. А как была добра! Как склони- лась над ним, истекающим кровью! Как бережно пере- вязала ему раненое плечо! Он только раз перехватил ее нежный, полный любви взгляд, и он этого никогда не забудет. Зарина сурова и капризна, не хочет принимать свадебных даров, а все же он только о ней думает. И только она нужна ему в его новом шатре.

Фамир, нахмурившись, думал о том, как ответить отцу, а в это время девушка с далекой реки Хуанхэ по- требовала у служанки семь чернолаковых ларцов. Рас- крыв их, она стала показывать Фамиру привезенные ею сокровища. В каждом ларчике было семь удивительных вещей: бронзовые курильницы, украшенные странными маленькими чудовищами, сосуды для благовоний из ро- зового нефрита и горного хрусталя, яшмовые сосуды для жертвоприношений и вазы для цветов... Маленькая принцесса протянула Фамиру драгоценный амулет из халцедона. Это был олененок с ветвистыми рогами. За- тем невеста вытащила из бронзового ларца свой аму- лет — выточенную из прозрачного розового камня птичку на золотой цепочке. Она поцеловала ее и знаком дала понять, что сама, подобно этой птичке, прилетела сюда издалека.

Фамир пожалел эту хрупкую девушку, которая со- вершила такое далекое путешествие, чтобы жить в его шатре.

— Бедный цветок Хуанхэ! — сказал Фамир.

Впервые лицо Фамира озарила добрая улыбка. Он поднялся и низким поклоном поблагодарил принцессу за подарки. Покидая шатер, Мадий в знак своего распо- ложения погладил хрупкое плечико принцессы. Голубой Цветок вздрогнула, но с улыбкой проводила гостей. Она еще долго кланялась, стоя у порога и провожая Фамира загадочным взглядом блестящих, как бусины, черных глаз.

— Откуда же китайская принцесса? — спросил Фамир.

ОТКУДА ПРИНЦЕССА!

Маленькая принцесса прибыла из великого царства Чжоу. Но почему она покинула свой дворец под черепичной крышей, украшенный деревянными драконами? Разве ей плохо жилось в доме отца — богатого князя, где на обед подавали суп из лебедей, а по вечерам зажигали яшмовые светильники и слушали игру искусных музыкантов? Разве плохо спалось под голубым пологом, расшитым райскими птицами? Или боги были немилостивы к ней? Но ведь им приносили жертвы в драгоценных нефритовых чашах!

Красив и наряден был дворец Чжун Цина. Пять ворот открывали пять парадных входов во дворец: ворота колесниц, ворота сокровищ, ворота барабанов, ворота фазанов и ворота солнечных коней. Жители всей округи завидовали счастью пяти маленьких принцесс, которые были прекрасны, как розы, и звались именами цветов.

У князя Чжун Цина было пять дочерей. Каждый день колесница, запряженная тройкой породистых ко-

ней, вывозила их на прогулку, и люди с завистью заглядывали в резные оконца колесницы, завешенные алым шелком. Бывало, какая-нибудь из принцесс высунет красивую головку, и все видят, что это настоящая принцесса, потому что у нее замысловатая прическа, а лицо нежное, розовое, как лепестки лотоса.

Голубой Цветок была младшей дочерью Чжун Цина. Она была младшей, но не самой любимой. Все знали, что рождение младшей дочери принесло много разочарований князю — ведь он ждал сына...

Чжун Цин ничто не радовало. Он достиг богатства и знатности; он накопил много драгоценностей, которым мог позавидовать даже сын Неба. Но к чему все это, когда нет наследника и после его смерти некому будет приносить жертвы духам предков! Великий и прекрасный обычай его страны требовал щедрых даров духам предков. Но это священнодействие доверялось только сыну. Своими щедрыми дарами заботливый сын мог вымолить у богов благополучие умершему и вернуть ему в загробной жизни все те блага, которые он имел на земле. Чжун Цин имел много всего на земле, и потому ему было горестно думать о том, что все его богатство, достигнутое умом, хитростью и коварством, — все это останется здесь, когда боги призовут его в тот неведомый и таинственный мир, откуда никто еще никогда не возвращался.

Но если нет сына, то, может быть, достойный муж дочери позаботится о его душе? Нельзя терять время. Надо все сделать для того, чтобы в той жизни было такое же благоденствие и богатство, какого он достиг на земле. Он искал достойных женихов. Чжун Цин сосватал своих дочерей еще в раннем детстве, когда они только начинали ходить, цепляясь за подол нянькиного платья. Впрочем, он позаботился и о том, чтобы получить подарки своим дочерям. Чернолаковые ларцы, сделанные искусными мастерами, наполнились новыми драгоценностями, которые князь никому не показывал и только сам любил рассматривать поздней ночью, при мигающих веселых огоньках светильников.

Старшей дочери Чжун Цина минуло шестнадцать лет, и ее увезли к богатому князю, живущему в княжестве Шень. Как завидовали прелестной принцессе, когда колесница, окруженная многочисленной свитой, отправи-

лась в новый дворец! Но, став женой злого и скаредного человека, к тому же до крайности раздражительного, девушка не выдержала и бросилась в реку.

Четыре младшие дочери Чжун Цина ничего не знали о старшей сестре, они по-прежнему выезжали на прогулку в своей нарядной колеснице, и по-прежнему им завидовали бедные люди, которые трудились на полях князя.

Но настал черед и второй дочери. И она в шестнадцать лет была отдана в жены важному сановнику. Он был только вдвое старше принцессы, и подружки говорили, что принцесса будет очень счастливой, потому что он добрый и щедрый, ласковый и приветливый. Но вот девушка попала в дом сварливой свекрови и почувствовала себя униженной. Старуха повелевала принцессой, как рабыней. А муж боялся властной матери и совсем не защищал свою жену. Он был приветлив, но часто уезжал по делам и оставлял принцессу со старухой. И однажды принцесса не стерпела и бежала домой темной ночью, без колесницы и без драгоценностей, привезенных в дом мужа. И все же сановник сумел вернуть домой беглянку. Он подарил Чжун Цину жемчужину редкой красоты и увез принцессу обратно в свой дом.

Третья и четвертая дочери Чжун Цина были близнецами. Они очень дружили и обе с нетерпением ждали своего счастья. Девушки ничего не знали о судьбе своих старших сестер, и, когда служанка рассказала им о печальной участи бедных девушек, сестры-близнецы ужаснулись. Возможно, что их также отдадут в дом нелюбимого человека... Что же делать? Не станут же они ждать беды! Они решили покинуть дом отца и тайно скрыться в дальнем селении, где жила сестра их матери, женщина знатная, но бедная. Они уговорили служанку бежать вместе с ними. Забрав свое приданое, ожерелья и браслеты, подаренные матерью, захватив подвенечные платья, они скрылись в день седьмой луны.

И тогда жена Чжун Цина потребовала от мужа, чтобы ее младшая дочь, Голубой Цветок, решала свою судьбу сама, как ей заблагорассудится.

Всю свою любовь и ласку мать перенесла на младшую дочь. Тайком от скупого мужа она покупала любимой дочери самые дорогие шелка, затканые золотой нитью. Она сама расшила фениксами подвенечное покрывало и отдала ей в подарок все свои драгоценности.

Отец больше не читал нравоучений своей младшей дочери, а мать говорила только слова нежности и пела для нее старинные песни.

Может быть, старый Чжун Цин и выполнил бы свое обещание, данное жене в тот день, когда убежали из дому непокорные дочери-близнецы, но случилось так, что в дом князя пришла толстая сваха из тутовой рощи. Она сватала богатого князя, который владел большими поместьями на дальних границах Чжоу.

— О господин, свет солнца, украшение Поднебесной, — говорила Чжун Цину толстая сваха, — я не знаю князя богаче и знатнее! Он ведет торговлю со многими племенами за пределами великого царства Чжоу. Он пришлет за твоей дочерью золоченую колесницу, а ты получишь свадебный дар, какого не получал ни один князь.

— Что же это за дар? — любопытствовал Чжун Цин. — Я и сам имею сокровища, достойные моего древнего рода.

— Но у тебя нет солнечных коней, а в тот день, когда твоя дочь станет женой князя, ты получишь десять солнечных коней.

— Десять? Солнечных коней?

Князь не смог скрыть своего изумления. Он пообещал поговорить с младшей дочерью. О да, Голубой Цветок поймет, что богатый князь достоин внимания. Теперь уже не было нужды искать жениха, который дал бы клятву позаботиться о загробной жизни Чжун Цина, — муж второй дочери не оставит его в забвении. А солнечные кони — давняя его мечта. Ведь не случайно он построил ворота солнечных коней! Как хорошо, когда боги покровительствуют тебе в твоих делах!

Чжун Цин не хотел ссориться с женой. Он ей ничего не сказал. Он начал с того, что принес дочери браслеты с изумрудами и просил ее дать согласие выйти замуж за богатого князя, живущего на границе с гуйфанами. Но Голубой Цветок проявила удивительное упрямство, непонятное в ее шестнадцать лет. Она спросила, сколько лет князю, и узнав, что он стар, затопала маленькими ножками и, громко плача, сказала, что никогда не согласится на такой брак. Мало того — она пожаловалась матери и пригрозила, что убежит из свадебной колесницы, если ее насильно увезут к ненавистному князю. Мать вступилась. Она и слушать не хотела о том, что десять солнеч-

ных коней — целое богатство. Она сказала, что заберет свою младшую дочь и покинет дом мужа, где прожила двадцать три года и три месяца. Чжун Цину сделалось страшно. Как же он останется один? Что скажут люди? Он осрамит себя на всю Поднебесную. Нет, не нужны ему солнечные кони. Он выгнал толстую сваху. Старый Чжун Цин не стал спорить с маленькой принцессой.

— Мне жаль тебя, моя маленькая принцесса, — говорила Голубому Цветку ее служанка Цай Э. — Боюсь, тебя отдадут в жены старому князю. А ты такая юная и красивая! Как тяжело губить свою молодость из-за прихоти отца!

— Что же мне делать, Цай Э? Я не хочу губить свою молодость.

— А ты не губи! Ведь ты можешь поехать в страну воинственных гуйфан. Вот где ты найдешь свое счастье.

— Гуйфан? Где это? Ты постоянно что-то выдумываешь, Цай Э! Ты удивительная выдумщица!

— Помилуй, госпожа, я вовсе не выдумываю. Не так давно моя сестрица уехала вместе с дочерью одного китайского князя в страну воинственных гуйфан. Эта принцесса так радовалась своему счастью! А все дело в том, что уехали они к молодому богатому вождю племени гуйфан и будут там жить по-царски. Это далеко, в степях, но там так прекрасно! Там на конях золотые уздечки и чаши тоже золотые. Тебе не хочется поехать в страну гуйфан?

— Ты говоришь глупости, Цай Э! Кто меня позовет туда?

— А ты скажи отцу, он сговорится с кем нужно. Твой отец тебе не откажет. А я последую за тобой, моя маленькая госпожа, и никому не дам тебя в обиду. В стране гуйфан мы встретимся с моей сестрой и славно проживем там.

— Я знаю, ты добрая женщина, — оживилась маленькая принцесса. — Но откуда ты знаешь, что там меня будет ждать молодой вождь племени? Может быть, он такой же старый, как тот князь, который живет где-то на границе с гуйфанами.

— О, напрасно ты так думаешь, моя драгоценная госпожа! Я точно знаю, что молоденьких принцесс из великого царства Чжоу сватают только за молодых и знат-

ных кочевников. А знаешь ли ты, что вождь племени — это больше, чем князь?

— Ты все знаешь, моя добрая Цай Э! Я хочу поехать в царство гуйфан. Мне наскучило жить во дворце моего отца, старого Чжун Цина. Пусть меня несет по степи быстрый конь в золотой уздечке. Как это красиво! Не правда ли?

— Чистейшая правда, моя голубая жемчужина. Я побегу за твоим отцом. Старый Чжун Цин мигом согласится. Но только ничего не говори своей доброй матушке. Когда все сладится, она будет рада за тебя. А пока не тревожь ее.

— Беги же скорей! — топнула ножкой маленькая принцесса. — Я не могу долго ждать. Мне хочется сейчас же ехать. О, я буду самой счастливой из пяти дочерей Чжун Цина! Ты всегда говорила мне, что гадательные кости предсказывают мне счастье, счастье и еще раз счастье! Так беги же скорей!

Узнав о желании маленькой принцессы отправиться в царство гуйфан, старый Чжун Цин был настолько изумлен, что потерял дар речи. Он уже давно решил, что от младшей дочери не дождешься радости.

— Ты говоришь, что хочешь поехать в царство гуйфан? — спрашивал он маленькую принцессу уже в пятый раз.

— Да! Да! Да! — капризно повторяла принцесса. — Я хочу поехать в это дивное царство, где солнечных коней больше, чем у тебя быков. Я буду носиться по зеленой степи на быстром коне. Пошли же скорей гонцов в царство гуйфан! Не мучь меня!

— Пошлю, пошлю, — пробормотал Чжун Цин в радостном изумлении. — Я ничего пока не скажу твоей дорогой матушке, — пообещал он.

— Я верю, ты любишь меня, — сказала маленькая принцесса. — Ты все сделаешь для моего счастья.

— Все сделаю, моя любимая дочь.

Чжун Цин вдруг понял, что Голубой Цветок принесет счастье и благополучие его семье. Голубой Цветок поможет ему получить столько почестей, сколько не получал весь его древний род. Ведь с замужеством устроятся давние распри между племенами гуйфан и людьми Чжоу, живущими вблизи селений кочевников. Прекратятся постоянные набеги гуйфан на дальние селения

Чжоу! И, если вождь племени гуйфан женится на принцессе из царства Чжоу, не станет же он устраивать набег на селения Чжоу! И вот, не будет больше набегов кочевников гуйфан, и он, Чжун Цин, сообщит об этом царю. Царь, конечно, сумеет оценить это благо и наградит его. Он не пожалеет щедрой награды, а еще, пожалуй, возвысит его... А солнечные кони? Это поистине дар богов. Ведь он мечтал о них всю жизнь. Эти редкие кони есть только у князей, живущих на границах с варварами. Мало кому удавалось доставить этих коней в долину Хуанхэ. И вот наконец раскроются ворота солнечных коней в его поместье. Не напрасно он их построил. Не напрасно так назвал. Сколько же коней он получит? Если князь, живущий где-то вблизи земель воинственных гуйфан, предлагал ему десять драгоценных коней, то вождь племени пришлет ему еще больше. Что же он сделает с этим богатством? Что сделает? Он подарит царю двух солнечных коней, и тогда царь пригласит его участвовать в царском поезде. Только счастливейшие люди Поднебесной могут удостоиться такой чести. Чжун Цин окажется среди знатнейших приближенных царя. Они поедут в колесницах, запряженных белыми конями и черными быками. На солнце будут сверкать золотые бичи, слуги понесут деревянные изображения драконов, и в зубах каждого дракона будут царские знаки, а в клювах фениксов — цветная бахрома. И тысячи людей падут ниц перед роскошным царским поездом. И он, Чжун Цин, будет одним из тех, кому станут кланяться простолюдины.

— О мое сокровище, Голубой Цветок! — лепетал Чжун Цин в порыве нежности.

Целый год Голубой Цветок хранила тайну. Никто, кроме верной служанки, не знал о том, что Чжун Цин послал гонцов в царство гуйфан.

Но вот настал день, когда гонцы вернулись и сообщили радостную весть. Они своими глазами видели молодого вождя племени гуйфан, который хочет жениться на принцессе из царства Чжоу. В ожидании своей невесты он шлет знатному князю Чжун Цину пятнадцать солнечных коней,

— Даже больше, чем я думал! — воскликнул Чжун Цин, не в силах скрыть своей радости.

Пятнадцать солнечных коней! Такого богатства не имеет ни один князь в долине великой реки Хуанхэ! Вот как щедры эти варвары! Как они богаты!

— Должно быть, у них дворцы с золочеными крышами? — спрашивал князь.

— Нет, господин, — отвечали гонцы, — они живут в войлочных шатрах и совсем не имеют дворцов. Но зато у них несметные табуны коней. Тысячи голов! Десятки тысяч голов!

Теперь Чжун Цин решил сообщить жене, что Голубой Цветок согласна принять приглашение вождя кочевого племени. Мать рыдала над шелковым пологом, любовно расшитым для маленькой принцессы. Она не хотела отпускать младшую дочь. Но Чжун Цин заверил ее, что их дочь будет жить, как царица. А самой маленькой принцессе так захотелось уехать, что она добилась согласия матери.

— Но если я решусь отправить наше сокровище, наш Голубой Цветок в эти далекие земли кочевников, — говорила мать, — то я желаю, чтобы самые верные слуги и служанки сопровождали ее и чтобы во главе каравана поехал наш мудрый и благородный Бао Пын. Он знает язык кочевых племен и сумеет сговориться со всеми встречными людьми.

Чжун Цин призадумался. Он готов послать слуг и служанок. Он щедро снарядит караван. Но Бао Пын — его правая рука. Ведь Бао Пын — главный его советник и посредник в переговорах, когда он отправляет торговые караваны на границы кочевых племен. Сколько раз Бао Пын давал ему разумные советы! Ведь совсем недавно он сумел предотвратить бунт крестьян на рисовых полях, дав добрый совет — не требовать прошлогодних долгов до нового урожая. Бао Пын ему нужен, но он пошлет его во главе каравана. Если уж так задумала жена, то бесполезно спорить: все будет именно так, как она хочет. Разве он не имел случая убедиться в этом сотни и тысячи раз?

И вот маленькая принцесса отправилась в дальний путь. Ее сопровождала целая свита. Отец послал своих верных слуг, служанок и охранников. А во главе каравана поехал мудрый Бао Пын.

Долгим и утомительным было это путешествие. Много раз маленькая принцесса плакала и просилась домой. Много раз она думала о том, что не перенесет мучительного пути. Часто ей приходилось покидать удобную колесницу и садиться на коня. На плохих дорогах колесницу разбирали на части и перевозили ее на вьючных конях. Бывало, что слуги на руках переносили маленькую принцессу через бурные реки. Бывало, что Голубой Цветок закутывали в теплые одеяла, чтобы она не простудилась во время сильных ливней и стужи. Принцесса покинула свой дом ранней весной, когда розовые цветы яблони наполняли сад нежным благоуханием, а в далеких степях кочевников она очутилась осенью, когда травы пожелтели, а степной ветер приносил запахи осенних полевых цветов.

— Боюсь, что мне никогда уже не очутиться под крышей дома в удобной, мягкой постели! — стонала маленькая принцесса. — Глупая служанка, зачем ты рассказала мне о стране гуйфан? Зачем я поехала так далеко? Меня покинула счастливая звезда. Теперь уж мне никогда не дожждаться счастья! Я больше не верю жрецам! Кому верить? Ведь старый жрец при мне гадал на щитах черепахи. Матушка своими руками положила в очаг щиты черепахи, дождалась, когда они раскалились и на них образовались трещины, а затем подала их жрецу, и старик по трещинам предсказал нам счастливый путь. Почему же так трудно сейчас?

Принцессе запомнилась страшная ночь, когда их чуть не растерзали волки. Но еще страшнее были воспоминания о людях неведомого ей племени ди, которые хотели ограбить караван.

Проезжая по землям великого царства Чжоу, маленькая принцесса видела много прекрасных дворцов, окруженных тенистыми садами, могучие крепости, опоясанные высокими каменными стенами, оросительные каналы, мосты через бурные реки. И повсюду, где простирались небольшие, словно нарезанные ломтями рисовые поля, повсюду, где зеленела пшеница и где рядом с тутовником наливались соками душистые яблоки, маленькая принцесса видела худых загорелых людей, стоящих по колено в воде с мотыгами в руках. Лица у них были морщинистые, руки корявые, а когда они снимали свои

плетенные из камыша шляпы и низко кланялись ей, она видела, что они лысые.

— Бедные люди! Солнце сожгло их кожу и волосы. Плащи на них такие грубые и грязные! — говорила маленькая принцесса. — И женщины такие же черные, некрасивые, в холщовой одежде... Но послушай, служанка, кажется, они поют? О чем они поют? Останови колесницу, я хочу послушать.

— О моя маленькая госпожа! Эти люди поют песни такие же грубые, как они сами.

— О нет! Ты неправа! Я слышу нежные слова песни. Останови колесницу. Я так люблю песни!

Колесница остановилась вблизи рисового поля, и Голубой Цветок услышала песню, которая ей очень понравилась:

Уйду ли, мой милый, на сбор конопли,
Лишь день мы в разлуке, но кажется мне:
Три месяца был ты вдали!
Сбирать ли душистые травы иду,
Денек мы в разлуке, а кажется мне:
Три времени года я жду!
Уйду ль собирать чернобыльник лесной,
Лишь день мы в разлуке, а кажется мне:
Три года ты не был со мной!¹

* * *

В дни второй луны наступили жестокие морозы. Маленькая принцесса так страдала от холода, что проводники не решались идти дальше. Они стали искать жилище, где можно было бы укрыться на несколько дней, пока дуют сильные северные ветры. Это случилось в княжестве Чу, прославленном своими рудокопами и оружейниками. Каждый воин Поднебесной мечтал получить меч Тай-а, изготовленный в княжестве Чу. Это были хорошие мечи. Но в каких жалких жилищах жили искусные мастера Чу! Хижины их были тесными и холодными.

— Не лучше ли остаться в пещере, где можно развести костер и обогреться? — предложил Бао Пын. — Устроим теплую постель для принцессы да и сами расположимся на ночлег.

На окраине селения, вблизи рудника, была пещера,

---

¹ Перевод с китайского А. Штукина, Антология китайской поэзии, т. I.

в ней и остановился караван. Слуги отправились за хворостом, и вскоре пламя костра осветило причудливо изрезанные своды пещеры. Пока служанки хлопотали вокруг Голубого Цветка, Бао Пын с любопытством рассматривал пещеру, заглянул в дальние углы, где сохранились остатки костров и обглоданные кости животных.

Старый мудрец в задумчивости смотрел на пепел давно угасшего костра. «Кто согревался здесь холодной ночью? Разбойники ли Черной горы, что грабят княжеские караваны на больших дорогах? Или семья бедного рудокопа, который не имеет даже хижины? А может быть, здесь нашел приют отшельник, старый мудрый поэт, который понял, что нет справедливости в Поднебесной? Сколько голодных людей бродят по дорогам великого царства Чжоу! Сколько зла и несправедливости терпят простолюдины от чванных и корыстных князей! Поистине прав мудрый и справедливый Конфуций, который пытается провозгласить истину, — думал Бао Пын. — Мудрец говорит: «Ученый, сидя на рогоже, дорожит не драгоценностями, а преданностью и честностью, не ищет обладания землей, а истиной, собирает не богатства, а изящество... Ставит впереди труд, а позади жалованье... Перед выгодой он не исказит правды, видя смерть, не изменит своему долгу... Его можно умертвить, но не пристыдить... Ученый живет с нынешними людьми, а исследует древних, действует в настоящем, а думает о будущем...» Святые слова. Справедливые мысли. Но их не услышит и не поймет чванный и богатый князь. И чем он знатнее, тем меньше в нем человечности. Разве есть человечность у Чжун Цина? Всякий мыслящий человек должен его ненавидеть, а ведь приходится ему угождать. Как это прискорбно!.. Но зачем сейчас думать о нем, о жестоком Чжун Цине? И разве не для того я согласился возглавить караван принцессы, чтобы подольше не видеть это порождение обезьяны? — рассуждал Бао Пын. — Пусть путешествие будет трудным, зато я увижу другие княжества, другие земли, побываю среди легендарных ди и варваров и. Чего только не рассказывают об этих племенах кочевников, которые не имеют ни городов, ни крепостей, ни дворцов! Но зато есть у них справедливость. Когда Чжун Цин спросил меня, стоит ли рисковать, стоит ли посылать в далекие земли кочевников Голубой Цветок, я искренне сказал, что стоит. Да, я верю,

что маленькая принцесса будет счастливой, живя с человеком кочевого племени. Да и царство Чжоу будет иметь выгоды — избежит лишних столкновений, меньше будет грабежей и убийств, неизбежных при воинственных походах кочевников».

Так размышлял о жизни старый Бао Пын.

Но вот кончились пределы великого царства Чжоу, и караван очутился у подножия высокой горы. Склоны горы были зелены, а вершина покрыта снежной шапкой.

— Нам надо перевалить через эту гору, — сказал самый опытный из проводников.

— Что это значит: «перевалить»? — спросила маленькая принцесса.

— Надо взобраться на вершину, а потом спуститься по ту сторону горы. Там мы найдем тропу, которая поведет нас дальше.

Голубой Цветок вздрогнула, когда услышала, что ей снова надо покинуть мягкие подушки и взобраться на коня. Караван подымался по узенькой тропе, нависшей над пропастью. Мутные потоки воды с шумом неслись по склонам, увлекая в бездну камни. Впереди маленькой принцессы шли ее верные слуги, позади — служанки, и все же было страшно, очень страшно!

— Закрой глаза, моя маленькая госпожа, не смотри в бездну. Твой конь обучен, он не споткнется, не бойся, — утешала принцессу Цай Э.

— Я закрыла глаза, а сердце мое бьется, как птица в клетке. Я вся дрожу от страха! — стонала маленькая принцесса.

Но вот и перевал. У самой вершины стояло могучее, сожженное молнией дерево. Его голые ветви были увешаны множеством причудливых вещей. Это дары путников духу гор. Благодарность за то, что дух гор пропустил их по узкой, крутой тропе, где так легко оступиться и свалиться в бурлящий поток горной реки.

Чего только не было на ветвях старого дерева! И локуты шерсти от верхней одежды путников, и конский хвост, заплетенный косой, и блестящее украшение из головного убора женщины, и бусина из богатого ожерелья. Дух гор был милостив и принимал все, что так щедро дарили ему путники. Никто никогда не видел грозного хозяина гор, но люди верили в его могучую силу и дарили ему от чистого сердца все, что можно было подвесить

на ветвях дерева. То же сделали и проводники принцессы. Они поклонились чудо-дереву и повесили на его ветвях богатую уздечку с княжеского коня. Это была превосходная уздечка, отделанная серебром.

— А теперь в путь-дорогу, — сказал Бао Пын. — Будем спускаться!

Много дней шли путники по горным тропам. То спускались в ущелья, то скользили по зеленым склонам гор. Маленькая принцесса уже ни о чем не думала. Единственное, чего ей хотелось, — это снова очутиться в колеснице на мягких подушках, а еще лучше — дома, у теплого очага, под шелковым пологом, в своей мягкой постели.

Но дом далеко! Вокруг горы, а за горами — бескрайние степи...

Много удивительного и необычайного увидела маленькая принцесса за время своего бесконечного путешествия. Она очень повзрослела. Слуги говорили, что Голубой Цветок начинает забывать свои капризы.

Но вот и долгожданное царство гуйфан.

— Что за странное царство? — удивлялась принцесса. — Я не вижу ни дворцов, ни крепостей. Я не вижу садов и рисовых полей. Где же живут князья гуйфан?

— Ты так рассеянна, моя прелестная госпожа! — говорила служанка. — Я много раз рассказывала тебе о том, что вожди кочевого племени гуйфан живут в войлочных шатрах, устланных коврами, и пьют вино из золотых чаш.

— Летом — в шатрах... Но зимой разве тоже в шатрах? Ведь замерзнешь под войлоком снежной зимой!

— Не замерзнешь, госпожа. Твой молодой, красивый князь устроит самый теплый в мире шатер.

Так они подошли к долгожданному царству гуйфан, когда случилось неожиданное. Голубой Цветок, дочь Чжун Цина, богатейшего из князей Чжоу, но и скарденейшего из людей Чжоу, попала в шатер к сакскому вождю, к хромоногому Мадю.

* * *

В то время, когда караван китайской принцессы приближался к землям воинственных гуйфан, Мадий с небольшим отрядом своих воинов подошел к границам гуй-

фан со стороны кочевой степи. Строптивый и задиристый Мадий впервые предпринял сюда мирный поход — с целью поторговать с кочевниками других племен. Он пригнал табуны своих добрых коней, привез пшеницу, добытую у оседлых саков, привез пушистые меха. Мадий толком не знал, где ему остановиться для торговых дел. Но, помня наставления стариков своего племени, он стремился уйти возможно дальше к границам великого Чжоу, чтобы выгодней обменять свое добро на драгоценные китайские шелка, на серебряные зеркала и бронзовые котлы. Останавливаясь вблизи редких и небольших селений, он не раз сдерживал себя — очень хотелось сделать внезапный набег. С ним было немного людей, но каждый из них славился меткой рукой и отчаянной храбростью.

— Мы снова придем сюда, но с другой целью, — говорил им Мадий. — Вернется Миромир со своим войском, я уговорю его сделать набег. Здесь есть чем поживиться. А сейчас выполним задуманное. Ведь мы тащили сюда свое добро не для того, чтобы потерпеть убыток. Нам прибыль нужна...

А молодой сак из племени Мадия все подзадоривал старика:

— Твои руки отвыкли от меча. Боюсь, тебе не натянуть тетиву своего лука. С Миромиром ты не пошел отгонять персов, Фамира послал. Был ты когда-то воином отважным, но это было тогда, когда я еще болтался у ног черной кобылицы, которая вспоила меня своим молоком.

— Замолчи, блоха! — прикрикнул Мадий, сверкнув глазами. — Можно прибыль получить и без набега... Однако смотри, какой-то чужеземный караван идет к нам навстречу. — Мадий оживился. — Погляди, в жизни не видал такого! Какая странная на них одежда! А лошаденки в колеснице шуплые, низкорослые. А поклажи много. Вот здесь, может быть, и стоит поживиться...

— Вот и хорошо! — обрадовался молодой сак.

Бао Пын сразу же обратил внимание на остроконечные шапки незнакомых всадников. Он был впереди каравана и приготовился к обычным вопросам. Приветливо помахав рукой, Бао Пын остановился перед Мадием. Мадий молча рассматривал его и соображал, стоит ли

перебить охрану или лучше всех связать... И вдруг Бао Пын заговорил на ломаном языке саков. Это было так неожиданно, что Мадий улыбнулся и стал расспрашивать Бао Пына, откуда караван и куда держит путь.

— К молодому вождю гуйфан, — сказал Бао Пын. — Невесту везем из великого царства Чжоу. — Он показал на колесницу.

— О!.. — воскликнул восхищенный Мадий. — Принцесса из великого царства Чжоу? Невеста?..

И вдруг Мадия осенила мысль. Она блеснула, как молния в темном небе: «Эти люди из Чжоу никогда не видели вождя гуйфанов. И не все ли равно, будет ли жених из гуйфанов или из саков? Так не зевай же, Мадий! Чем твой Фамир хуже вождя гуйфанов? И кого это китайцы называли так забавно?»

— Невеста из Чжоу! — воскликнул радостно Мадий. — Мы ищем вас уже пятый день. Скорее к нам, к молодому вождю племени!

— Вы ищете нас? — удивился Бао Пын. Он с тревогой посмотрел на старого кочевника. — А где же молодой вождь племени? — поинтересовался Бао Пын. — Почему он нас не встретил? Ведь мы к нему пришли. Долгим был наш путь!

— Вождь племени ждет свою невесту в праздничном шатре, — нашелся Мадий. — Мы доставим ее целой и невредимой. А охрана нам больше не нужна! Можете возвращаться!

И с этими словами Мадий подошел к колеснице и открыл дверцу.

— Так нельзя! — рассердился Бао Пын. — Мы не уйдем до тех пор, пока не отдадим принцессу в руки вождя племени. А он пошлет с нами свой дар — солнечных коней... рослых, красивых коней золотистой масти.

— Пригоните скорее табун! — закричал вдруг Мадий, обращаясь к сакам. — Скорее пригоните табун! Будет дело!..

— Однако мы продолжим путь, — сказал Бао Пын.

— Не торопитесь! — воскликнул Мадий. — Сейчас для вас пригонят солнечных коней, тогда повернете и сможете пуститься в обратный путь. А принцессу оставьте в колеснице. Да еще служанку, а больше никого не нужно.

«Вот упрямая скотина!» — подумал про себя Бао Пын. Он стал соображать, кто выйдет победителем, если

охранники маленькой принцессы вступятся за нее. Все же у старого кочевника с расплюснутым носом отряд намного больше. Но почему он сказал, что доставит коней? Значит, он в самом деле встречал караван принцессы? А если он встречал караван, следовательно, он послан вождем племени. Кто их разгадает, этих диких и воинственных людей!..

Бао Пын еще ни на что не решился, когда услышал громкий плач принцессы. Служанка звала его на помощь.

— Помогите, мудрый Бао Пын! — взмолилась служанка, пытаясь успокоить принцессу.

— Я хочу домой! Везите меня домой! — рыдала принцесса. — Я не останусь в этой дикой стране! Я боюсь этого страшного человека в остроконечной шапке. Он открыл дверцу колесницы и так взглянул на меня своими злыми, бегающими глазами, словно хотел проглотить.

— А кто же откажется проглотить такой лакомый кусочек! — пошутил Бао Пын. — Не надо плакать, Голубой Цветок. Все будет по-твоему. Если ты не захочешь, мы поедем обратно, но тогда уж не вздумай отказывать старому князю, который живет где-то здесь поблизости, у границы с гуйфанами.

— Не плачь, голубая жемчужина! — умоляла Цай Э. — Ты просишься домой, стоя на пороге своего счастья. Еще несколько дней пути — и ты попадешь в шатер молодого, красивого вождя племени. Я бы никогда не отказалась от своего счастья, стоя рядом с ним. Только не плачь, мое сокровище, красивейшая из дочерей Чжоу! Слезы оставляют борозды на лице, а лицо красиво лишь тогда, когда оно гладко, как атлас, и нежно, как лепестки лотоса.

— Что же мне делать? Слезы сами льются из моих глаз. Помогите мне, Цай Э, утереть слезы, развеселите меня...

— Посмотри скорее, госпожа моя! — воскликнула Цай Э. — Ты увидишь целый табун солнечных коней. Вот это кони!

Принцесса распахнула дверцы колесницы и радостно закричала. Она с детства любила коней, но таких никогда еще не видела.

— Откуда? И все золотые! Чьи эти кони?

— Это прислал твой жених, — ответила Цай Э.

— Выбирай коней, — предложил Мадий с несвойственной ему щедростью.

Он быстро прикинул, чего стоит колесница, каков наряд принцессы, сколько сундуков навьючено на лошадях. А прикинув все это, сообразил, что стоит отдать пятнадцать коней, которых запросил Бао Пын. И тогда он не станет связываться с охранниками, не будет их убивать или уводить. Пусть уж принцесса сама, добровольно поедет с ним. Пусть она станет женой Фамира, и тогда слава пройдет по всей степи и Мадий будет вознагражден.

— Бери коней! — крикнул он, ткнув рукой в грудь Бао Пына. — Нам надо спешить.

Мадий в самом деле спешил. Он боялся, что появится кто-либо из местных кочевников и тогда сразу раскроется его замысел.

Отбирая коней, Бао Пын мучительно думал о том, правильно ли он поступает. Не следует ли ему забрать Голубой Цветок и повести караван дальше, в глубь степей, чтобы самому увидеть молодого вождя племени. Но зачем сомневаться, когда старый кочевник явно послан к ним навстречу?

Пожалуй, все будет хорошо, если только не закапризничает принцесса и не потребует доставить ее домой обратно.

Но принцесса уже была весела и беззаботна.

— А ты уверен в том, что мне здесь будет хорошо? Ты не боишься, что меня обидит этот старый кочевник? Мне не хочется домой, а здесь мне страшно, — отвечала принцесса.

— Этот старый кочевник ведет себя с достоинством, — заметил Бао Пын. — Он посылает князю пятнадцать великолепных коней. Сколько обещал, столько и дает. Я давно слышал о благородстве и честности кочевников. Зачем бы он стал тебя обижать?

Как ни печально было, но пришлось все же распрощаться с мудрым Бао Пыном, и, отпустив всех слуг, служанок и охранников, Голубой Цветок вместе со своей верной служанкой Цай Э отправилась в неведомые степи, охраняемая неведомыми ей саками. Маленькая принцесса была уверена в том, что Мадий послан к ней вождем племени гуйфан. Она с нетерпением ждала того мгновения, когда войдет в праздничный шатер молодого вождя.

НЕ ТОСКУЙ!

Лемя Мировира дождалось радостной встречи. Воины прибыли в полночь, когда все спали и лишь дозорный, сидящий на ветке одинокого дуба в степи, пялил глаза в темные дали. Вдруг в свете факелов показались быстрые кони с седоками и вьюками. За ними повозки и пешие. Казалось, темная лавина разлилась по степи. Дозорный загудел в рог и мигом поднял все кочевье. Из шатров и повозок выскакивали люди. Хватая топоры и колчаны со стрелами, они бежали в темноту. Лаяли собаки, плакали дети. Но тревога была напрасной. Дозорный узнал своих. Он закричал радостно и весело. Всполошившиеся люди поняли, что не враг пришел в родные шатры, что настал счастливый миг встречи. Вернулись воины, одержавшие великую победу.

Запылали огни костров, маня усталых путников. Засуетились женщины, готовя праздничное пиршество. Дети с факелами в руках бежали навстречу дорогим гостям.

Впереди отряда на красивом гнедом коне мчался вождь племени Миромир. За ним — знатные воины, приближенные вождя и лучшие стрелки-телохранители. Крики приветствий, веселый смех и слезы печали о тех, кто не вернулся, — все смешалось воедино. А войско все шло и шло. И каждого воина ждала радостная встреча.

И, словно сочувствуя людскому счастью, из-за туч вышла полная луна. Она осветила шатры и повозки сакков, наполнившиеся радостной суетой.

На пригорке, возвышаясь над кочевьем, белел громадный шатер Миромира. На пороге у резной деревянной двери стояла седая величая женщина в красной накидке, опущенной голубой белкой. В руках она держала большое деревянное блюдо с жареной дичью, увенчанное чучелом орла со скифской стрелой в груди. Это означало победу над орлиной силой могучего персидского царя.

Жена вождя ждала мужа-победителя. Она поклонилась в ноги Миромиру, коснулась ласковой рукой плеча любимого сына Кидрея, а вслед за тем, уже не сдерживая волнения, бросилась обнимать свою дочь Зарину.

— Жива! Жива, моя голубка! — повторяла мать сквозь слезы радости. — Сколько дней я призывала милость богов! Сколько ночей не спала, мучилась страхом, не грозит ли опасность моей Зарине. Вот и вымолила победу!

— Победа была нашей спутницей. К чему же печалиться? Орел дал верное предзнаменование. Помнишь, я убила его в тот день, когда мы уходили на битву с персами? В груди орла так и осталась стрела из моего колчана.

— Я берегла орла и твою стрелу. Я верила в победу!

— А теперь можно и пировать, — сказал Миромир, входя в просторный, высокий шатер, увешанный коврами и уставленный низкими деревянными столиками.

Здесь было приготовлено заманчивое угощение: горы куропаток и фазанов, розовые тушки зайцев. Множество глиняных светильников освещали шатер желтыми мигающими огнями. Во всем чувствовалась забота. Видно было, с каким нетерпением ждала мужа и детей своих жена вождя. Много дней готовила она праздничное пиршество.

— Несите брагу и кумыс, пусть веселятся мои отважные воины! — говорил радостный Миромир.

Гости шумно усаживались. Подобрав под себя ноги, на мягких войлоках устраивались девушки. Хоть и полночь и не так ярк огонь светильников, но для такого случая надеты лучшие наряды. Вот мелькнул отороченный горностаем нагрудник, вот алеют шелковые рукава праздничного платья, а вот платье небесной синевы и на нем заморские бусы.

Зарина подымает чашу с брагой, и подруги ее видят золотые мидийские браслеты с головами львов. Они немного велики и скользят по тонкой смуглой руке. Зарина поправляет их.

— Откуда, Зарина, такие браслеты?

— Эти браслеты подарены мне на счастье с добрым пожеланием, чтобы сила львицы дала мне победу в битве.

— Кем же они подарены?

Подругам не терпится узнать. У Зарины все удивительно. Да и сама она удивительная, совсем не похожая на других.

— Даже мне не сказала о своих браслетах! — сердится Мирина, с укором поглядывая на подругу.

— Мы уже покинули крепость Дария, оставив позади себя персидских воинов, — вспоминала Зарина, — когда я услышала плач малютки. За оградой разрушенного дома плакало дитя. Я вошла и увидела женщину, мечущуюся в жару, и крошечного ребенка рядом с ней. Вокруг все было сожжено, дымились развалины соседнего дома...

— Ты ей помогла? — воскликнула жалостливая Мирина.

— Слушай, все узнаешь! Я напоила ребенка и принялась помогать женщине. Я дала ей немного отвара целебных трав, что матушка приготовила мне в поход, укрыла ее, чтобы согрелась. Она уснула, а я осталась рядом. Решила, догоню своих, когда женщине станет лучше. Ведь матушка моя славится умением варить целебные травы.

— Помогло? — Девушки торопились узнать судьбу неизвестной женщины.

— Вскоре она проснулась, открыла глаза и прижала к груди спящего младенца. Она была слаба, но злой дух уже покинул ее тело, голова у нее прояснилась.

«Я возвращалась в свое селение, — прошептала жен-

щина, — смотрю — оно охвачено пламенем, и вокруг ни души, все разбежались. Я укрылась здесь, среди развалин, но почувствовала, что силы покидают меня. Голова была в тумане, руки обессилели. Ты дала мне целебное питье? Я чувствую, как жизнь возвращается ко мне. Кто ты?»

Узнав, что я из враждебного племени, она сразу переменилась в лице, задрожала, схватила младенца и, прикрыв его своим телом, сказала: «Убей меня, пощади только малое дитя. Если сына моего найдут среди развалин, то, может быть, дрогнет человеческое сердце и он будет спасен, не погибнет...»

— Я бы не простила ей эти злобные слова! — воскликнула девушка с суровым, мужественным лицом и упрямым квадратным подбородком. — Разве мы убиваем детей?

— Не знаю, как я сдержалась, — призналась Зарина. — Я сказала женщине, что у саков нет обычая убивать женщин и детей. «А в битву, говорю, мы пошли не потому, что польстились на добро Персиды, не думай так. Знай, что воины Дария задумали увести в плен наших братьев, захотели овладеть богатыми табунами саков. Ты думала, что тебе угрожают скифские стрелы, — сказала я женщине, — но ты ошиблась... Я пришла помочь тебе. Ты несправедлива». Женщина, вся в слезах, бросилась к моим ногам, стала просить, чтобы я забыла о сказанном. Она сняла с себя эти браслеты и дала их мне со словами: «В справедливой битве будь важна, как львица!»

Зарина умолкла, и тогда к девушкам обратился старый воин Ширак. Он сказал:

— Зарина была настоящей львицей в битве, я это видел. Разящим был ее меч. Бесстрашно она повела свою сотню в бой.

— Все мы шли в бой без страха! — закричали девушки-воины, сидевшие вокруг Зарины.

Опьянев от браги, они расшвыряли маленькие круглые столы, которые заменяли на пиршестве блюда, и побежали к кострам, откуда доносились воинственные песни саков.

Вот здесь было настоящее веселье, хоть и без праздничного убранства, которым славился шатер вождя. В пламени костров шипели закопченные котлы. Крепкие

загорелые руки хватали горячее, дымящееся мясо. Хрустели под белыми зубами бараньи ножки. До локтей тек горячий жир, заливая праздничную одежду. Только и слышно было вокруг: «Победа! Войско Дария изгнано из долины Яксарта! Пей и ешь до отвала!»

Глухо рокочет барабан, звонко заливается пастушья свирель, и, заглушая усердных музыкантов, тянут свою воинственную песню отважные воины:

...С лица земли врага сметем,
Стрелой скифскою проткнем...

Они поют, а потом долго кружатся в пляске и снова едят и пьют...

А на рассвете, когда догорели яркие огни костров, когда опустели закопченные бронзовые котлы, повсюду — далеко в степи под повозками, среди стогов сена и просто в кустах — сладко храпели усталые воины. Сон охватил их внезапно, будто заколдовал. Одни уснули, уронив на колени свои пиршественные чаши, другие свалились, зажав в руке баранью кость, третьи задремали, положив оружие под голову, как бывало во время битвы. Умолкли барабаны, не слышно больше свирели, и только ржание резвых жеребят возвестило о наступлении утра в степи.

Целую неделю пылали костры. Целую неделю длилось пиршество, а когда поредели стада и оскудели припасы, люди вернулись к своим делам, и каждый занялся своим маленьким хозяйством, без которого ему невозможно было бы прокормить семью и припасти оружие для новой битвы. Весело принялись за работу. Только Зарина была невесела...

Миромир удивлялся тому, что не едет со свадебными дарами Фамир. Старику было известно, что Зарине посчастливилось спасти жизнь отважного воина, что юноша хотел прийти с дарами еще задолго до битвы с персами. Что же помешало ему? Может быть, Мадий позаботился о другой невесте? Может быть, Фамира ждала девушка из другого племени? Миромир послал к Мадия гонцов, чтобы тайком узнали истину. Каково же было удивление Миромира, когда он услышал, что Фамира ждет китайская принцесса! Вот оно что! Мадий женит сына на китайской принцессе! Ищет богатства или знатности?

Это неожиданное сообщение так поразило Миромира, что он тотчас рассказал обо всем Зарине.

— Китайская принцесса? И Фамир женится на ней?

Вот как он мстит ей за ее гордость! Не хотела разговаривать! Прогнала прочь! Теперь у него другая невеста, из царства Чжоу. Теперь уж Фамир никогда не вернется к ней. Не будет восхищаться ее меткой стрелой. Не попросит сыграть на лютне. Теперь ему будет играть другая, богатая, красивая, из далекого царства Чжоу. Как же теперь жить?

Всю ночь Зарина проплакала. А наутро обо всем рассказала матери. И мать, утешая Зарину, поведала ей печальную историю о сакской царевне.

— Это было давно, — говорила она, перебирая длинные черные косы Зарины. — Так давно, что не помнят об этом времени ни деды, ни прадеды. Сильным и могучим было тогда племя саков. Бесстрашно шли в битву сакские воины. И всегда вместе с ними, не страшась врага, шли в бой сакские женщины.

Это было во времена, когда царствовал царь мидийский Астибар. Между саками и мидянами велась долголетняя кровопролитная война. В то время царицей сакской была Зарина, женщина воинственная и красивая. Варваров соседних, которые хотели подчинить себе саков, покорила она силой оружия. Много заботилась она о народе своем, и народ любил ее.

Но случилось так, что умер муж Зарины, царь саков. А так как слава о Зарине дошла до дальних земель, то приехал к ней жених, знатный и богатый. Был то князь парфянский Мермер. Он предложил отделить Парфянское царство от мидян и объединить его под властью сакской царицы. Зарина согласилась и вышла замуж за Мермера.

Вскоре пошел войной на Мермера царь персидский. Зарина, как и прежде, принимала участие в битве. Она была ранена. Мидянин Стриангей настиг ее, стащил с коня и занес над нею меч. Поняла Зарина, что настал ее последний час, но ни слова не сказала врагу. Не просила пощады, только в глазах ее была безмерная печаль.

Но в тот миг, когда Стриангей поднял меч, у Зарины свалился шлем с головы, и увидел мидянин женщину, столь красивую и пленительную, что дрогнула его рука. Он опустил меч и промолвил:

«Ты прекрасна, я дарю тебе жизнь!»

Зарина вернулась домой.

Год спустя случилось так, что мидянин Стриангей попал в плен к Мермеру. Мермер был жестокий человек, он обрек мидянина на смерть. Узнав об этом, Зарина стала просить пощады для пленника. Она напомнила мужу о том, что Стриангей в свое время даровал ей жизнь. Но Мермер был неумолим. Он отличался необыкновенной жестокостью. Тогда Зарина приказала телохранителям убить Мермера и освободить из плена Стриангея. Вслед за тем она отдала Парфию мидянам, а земли саков отделила и оставила под своей властью.

Стриангей, полюбивший Зарину, собрался навестить ее в столице сакского царства Роксанаки. Полюбила Стриангея и Зарина. И, когда дошла до нее весть о прибытии Стриангея, она выехала к нему навстречу, приняла с великой радостью, обняла и поцеловала при всем народе и даже пересела в его колесницу.

Когда прибыли они в Роксанаки, устроила Зарина в честь Стриангея пиршество. Сама наполнила заморским вином золотые чаши, сама подала ему блюдо с молодым оленем, убитым ею на охоте. Стриангей долго не решался сказать Зарине о своей любви. Но, когда выпил из золотой чаши крепкого вина, перед глазами его ожил образ пленницы. И казалось ему, что перед ним не величественная царица в золотой короне, в жемчужном ожерелье, а та прекрасная пленница, что гордо ждала своей смерти и не молила о пощаде. Он видел ее распустившиеся волосы и глаза, полные скорби. И тогда Стриангей решился. Он сказал Зарине, что любит ее и что без нее жизнь ему не нужна. Он молил ее покинуть Роксанаки и уйти с ним в его страну.

«И я люблю тебя, Стриангей, — ответила Зарина. — Я полюбила тебя в тот час, когда ты, враг мой, даровал мне жизнь, пощадил меня, хоть я и не просила пощады. Я доказала свою любовь к тебе вот этим пиршеством и встречей, какую никогда никому не оказывала. Но мы должны жить в разлуке, Стриангей. Я была бы достойна презрения, если бы согласилась поехать к тебе. Ты вернешься к жене своей Рете, дочери царя Астибара, женщине красивой и достойной. Ты был крепок духом в битвах с врагами, будь же крепок духом и в минуту испытания. Не губи своего доброго имени. Мы и в разлуке

будем друзьями». Стриангей простился с Зариной, но не покинул ее царства. Он написал ей о своей вечной любви и казнил себя собственным мечом. Вот какой была сакская царица Зарина! — сказала мать. — Прославилась она не только умом своим и бесстрашием: благородство и справедливость украсили ее и сделали еще прекрасней в глазах людей. Да сохраняют боги память об этой женщине.

Зарина восхищенно смотрела в глаза матери, когда-то живые и ясные, а сейчас уже потухшие и слезящиеся.

— Вот почему вы называли меня Зариной! — прошептала девушка.

Но мать, словно не расслышав дочери, продолжала:

— Давно это было, но память о царице Зарине живет, и мы дали тебе ее имя, чтобы ты была такой же смелой, умной и благородной, как она.

— Я запомню это, — обещала Зарина.

— Надо быть смелой и гордой, — говорила мать, вглядываясь в красивое смуглое лицо дочери. — Зарина казнила Мермера за его жестокость, а вот не ушла к любимому Стриангею, потому что была гордой. Такими должны быть сакские женщины, так они созданы богами.

* * *

В долине Яксарта снова все оживилось, как бывало всегда после битвы. Охотники ушли на промысел зверя, воины принялись мастерить повозки, налаживать упряжь, выделывать кожи, ставить новые шатры. Девушки расшивали пестрыми цветами войлочные ковры, пряли тонкие мягкие ткани из шерсти. А Зарина не знала, куда себя девать. Фамир не шел со свадебными дарами. Значит, забыл. Значит, пленила его китайская принцесса.

«А ты не печалься, Зарина, недостойно дочери вождя слезы проливать», — говорила сама себе девушка. Но печаль глубоко засела в сердце. Как вытащить это жало?

— Время излечит твой недуг, — уговаривала мать.

«Уйду-ка я в степь, в табуны, буду объезжать горячих, непокорных коней, — решила Зарина. — Там забудется печаль, пройдет обида...»

Хорошо было в степи под ясным синим небом, среди

душистых трав. Хорошо было объезжать непокорных коней, приручать их, подчинять их своей воле. Зарина просыпалась вместе с солнцем, вскакивала на коня, водила табун на водопой, объезжала пастбища, присматривала за резвыми жеребятами. Она охотно помогала женщинам готовить кумыс и вместе с ними таскала кобылье молоко в больших ведрах, сделанных из овечьих шкур. А ночью, когда все укладывались спать, девушка любила сидеть у костра вместе со старым табунщиком Шираком.

— А помнишь, — спрашивал Ширак, — тебе было не больше пяти лет, ты играла с ребяташками под повозкой, а я прискакал на рыжем горячем коне... Ты высунула голову из-за колеса и с любопытством посмотрела снизу вверх на моего коня. Тут я схватил тебя и посадил в седло. Ты не расплакалась, не растерялась, а вцепилась в гриву коня своими маленькими ручонками и стала сердито понукать его. Видно было, что не впервые села на коня. И конь понес тебя по степи... Мы все смотрели, что будет — не свалишься ли, не разобьешься ли?.. Ничего, не разбилась. А когда конь вернулся к повозке, ты не захотела сойти на землю. Расплакалась! Мы тогда решили, что из тебя выйдет хорошая наездница.

— Кажется, вышла? — смеялась Зарина.

Так, вспоминая детство, Зарина забывала свою печаль. А когда собирались у костра молодые табунщики и проводили вечера в песнях и плясках, она вместе с ними веселилась от всей души. Зарина очень любила танец «Укрощение коня». Юноши и девушки становились в круг и медленно двигались по солнцу. Плясать против солнца считалось грехом. И вот, двигаясь по солнцу, они пели протяжную песню. А потом танцоры выходили в круг и принимались укрощать невидимого коня. Хорошо у них получалось. И весело, и смешно.

До поздней осени Зарина не покидала табуны. Она все реже вспоминала о Фамире, но где-то глубоко в сердце жила мысль о нем.

ФАМИР НЕ ПРИДЕТ!

Как ни старался Фамир забыть о Голубом Цветке и думать только о Зарине, мысль о странной хрупкой девушке из далекого царства Чжоу не покидала его ни днем ни ночью. Словно какая-то колдовская сила влекла его к белому шатру, где звучали нежные струны лютни и совсем особенный тоненький голосок выводил слова незнакомой песни. Ему запомнился аромат благовоний, он представлял себе ее грациозные, плавные движения, совсем особенные. Она не походила на быстрых, резких и угловатых сакских девушек.

«Зачем она мне? — спрашивал сам себя Фамир, но не спешил с ответом, а поразмыслив немного, говорил себе: — Отец жадный, скаредный и злобный, ничего не пожалел, хитростью добыл этот благоуханный цветок. Почему же я должен отказаться от него? Пойду еще раз посмотрю на нее».

Фамир снова пришел в белый шатер и, чтобы показать свое расположение, бросил к ногам принцессы до-

бытых на охоте диких уток. Служанка, смеясь, подобрала приношение и, подняв ладони, дала понять госпоже, что гость оказался щедрым, доставил десять уток.

Голубой Цветок показалась Фамиру еще лучше, чем в первый раз, когда он посетил ее шатер вместе со старым Мадием. Фамир явно нравился девушке, и она улыбалась ему мило и застенчиво. А когда он подал ей лютню и попросил спеть, она с готовностью запела свои любимые песни. Фамир был восхищен, об этом говорили его глаза.

— Он очень красив и добр, — говорила принцесса служанке. — Как мне грустно, что я не умею говорить на языке его племени! Но я научусь. И тогда он поймет мои песни, узнает о моей родине. Ты не соскучилась, не хочешь домой? — спрашивала принцесса Цай Э. — А мне каждую ночь снится дом, и я слышу голос моей доброй матушки. Она говорит: «Не печалься, мой Голубой Цветок, будь умницей, не грусти». Но как только я хочу рассказать ей о нашей жизни, так просыпаюсь, и сердце тревожно бьется.

— А ты не вспоминай о доме, думай о своей будущей жизни, — советовала служанка. — Посмотри, как много благ дарит нам доброе божество. Пройдет немного времени, и мы счастливо проживем. А когда ты станешь женой князя Фамира, ты попросишь его поехать вместе с тобой в долину Хуанхэ, и тогда мы снова увидим дорогих и близких нам людей. Ты не должна предаваться печали, печаль не украшает нас. От печали появляются морщины на челе.

— Однако мне скучно в этом шатре, — жаловалась принцесса. — Не могу придумать, чем бы заняться. Дома все было по-другому, всегда находились какие-то дела. То одевались, выезжали на прогулку. То меняли платье к обеду. То ждали знатных гостей. Как ты думаешь, моя добрая Цай Э, пристойно ли мне поиграть с детьми, которые толпятся у шатра? Я бы охотно поучила их петь. Они так милы, эти маленькие смуглые девочки с тоненькими косичками! Они так ласково мне улыбаются!

— Помилуй, госпожа, это невозможно! Что станут о тебе говорить? Это недостойно принцессы. Нельзя забывать о своей знатности.

— Глупости! Глупости! Глупости! — закричала вдруг

принцесса. — Вот теперь я уже твердо решила, что соберу у себя маленьких девочек и стану им показывать вышивание, а заодно и песенки спою... И пусть они узнают, как хороши песни моей родины и как искусны вышивальщицы в долине Хуанхэ. Не возражай, глупая! — Принцесса вдруг заплакала. — Как ты смеешь мне возражать! Ты уговорила меня покинуть мой дом, я не слышу родной речи и не вижу близких мне людей. Я никогда больше не увижу нежных листьев молодого бамбука. Вокруг меня все чужое, а ты не велишь мне петь мои песни и вышивать моих фениксов! Сейчас же позови ко мне девочек, которые стоят за дверью! Вытащи белую ткань и пестрые шелка. И не говори мне больше о том, что это непристойно...

— Все будет по-твоему, моя юная госпожа. Я не хотела тебя огорчать, я хотела только напомнить тебе о твоей знатности.

Вскоре белый шатер наполнился гулом детских голосов. Зоркие глаза все замечали и всем восхищались. Коснуться рукой шуршащего голубого платья принцессы, погладить маленькое бронзовое чудовище, понюхать пучок душистых трав, собранных в долине Хуанхэ, рассмотреть бамбуковую тросточку с яшмовой ручкой — все было интересно. Более смелые внимательно разглядывали удивительную, словно покрытую лаком прическу принцессы и знаками объясняли, что это очень красиво. Голубой Цветок радостно смеялась и в свою очередь подсчитывала крошечные косички, заплетенные довольно небрежно. Ведь в шатрах кочевников не было тонких костяных гребней. Женщины кочевья причесывались громадными деревянными гребнями. Но вот все уселись на циновке, и Голубой Цветок, взяв в руки лютню, запела веселую детскую песенку. Девочки захлопали в ладоши и вторили ей пискливыми голосами. А сколько было радости, когда принцесса предложила им повторить вслед за ней непонятные слова песни! Они так забавно ошибались, что даже Цай Э развеселилась.

— Если бы наша почтенная госпожа увидела этих грязных девочек, что бы она сказала? — смеялась Цай Э, укладывая в сундук ткани и шелка.

— Ты еще не забыла церемонии знатных князей Чжоу, глупая Цай Э? А я рада, что здесь не нужны бесконечные церемонии, от которых кружится голова. Я уже

начинаю забывать, как сидеть за праздничным столом, как кланяться важным гостям и как бранить слуг. Ведь я совсем не браню тебя, не кричу и не бросаю тебе в голову игральные кости.

— О моя прелестная госпожа, розовый лотос в нефритовой чаше, зачем же тебе бранить меня, когда я так стараюсь тебе угодить! Я ночей не сплю и все думаю о тебе, о твоём счастье. Только не знаю, как бы это найти мою старшую сестру, которая уехала в страну кочевников с одной важной принцессой.

— Я помогу тебе, — любезно пообещала принцесса. — Я попрошу моего доброго красивого князя, чтобы он помог тебе найти сестру. Как ты думаешь, он добрый человек? Мне так хочется, чтобы он был добрым, приветливым и еще... Что бы я еще могла пожелать?

— Чтобы он был очень, очень богатым. Чтобы он построил тебе дворец не хуже дворца Чжун Цина...

— Ты ничего не понимаешь, моя Цай Э! Я не думала ни о дворце, ни о богатстве. Я бы хотела, чтобы он был веселым человеком. Чтобы он смеялся и радовался всему, что доставляет нам удовольствие. Душа моя жаждет веселья. Мне хочется радости, радости, радости... — И принцесса весело закружилась, легко касаясь нежных струн люти.

— Мне жаль, что твоя добрая матушка не видит, как ты весела! — воскликнула Цай Э. — Она бы наградила меня ожерельем из жемчужин за то, что я так хорошо позаботилась о тебе. Право же, здесь совсем неплохо. Мне только не нравится этот шатер, я бы хотела для тебя, мое сокровище, настоящий дворец, с черепичной крышей и с резными драконами на крыльце. Я бы хотела видеть вокруг твоего дома цветущие мандариновые деревья. Но все это будет потом, стоит лишь тебе захотеть.

* * *

Поход, предпринятый Мадием, не прибавил ему богатства. Правда, ему удалось увезти китайскую принцессу, но если подсчитать, сколько убытков потерпел Мадий, то можно совсем потерять голову.

«Не иначе как меня околдовали!» — говорил сам себе Мадий, просыпаясь по ночам. Кто же околдовал? Может

быть, это сделал знахарь, который не получил обещанного теленка? Но ведь старый обманщик ничем не помог. За что же было давать ему теленка? А он силен, если мог так околдовать. Когда бы это Мадий отдал пятнадцать лучших коней неведомо кому и неведомо за что... А как смеялись над ним молодые саки, сопровождавшие его! Он слушал и молчал.

— Зачем тебе эта малышка в голубом шелковом платье? — спрашивал озорной веселый юноша, сын старшего табунщика. — Какая от нее польза?

Ну что такому говорить о могуществе царства Чжоу, с которым надо породниться сакам! Но все это терпимо. Если Фамир женится на принцессе, то он, Мадий, свое вернет. Он заставит китайского князя доставить ему богатые дары, а не побрякушки.

Другое тревожило Мадия. Он знал, что близко беда. Беда придет от разгневанного Дария, и тогда ее трудно будет остановить. А может быть, обойдется? Нет! Будет беда!

Мадий старался вспомнить, как все это случилось. В шатре его появились гонцы, присланные за данью. Почему-то они повернули в его стойбище, а ведь шли к Мирому. И вот они пришли к нему и стали говорить дерзкие слова. Они говорили, что сатрапия савков самая непокорная, а непокорных Ахемениды умеют укрощать.

«Сотрем с лица земли все сакские кочевья!» — кричали они. Мадий тогда напомнил им о поражении в последней битве и о том, как бежали персы от сакской конницы. Но наглые и самонадеянные персы сказали, что все это ему приснилось. Тут сошел с коня сборщик податей и заявил, что к концу дня его мешки должны быть наполнены золотыми слитками... И Мадий почувствовал, что кровь закипела у него в жилах и ярость затуманила глаза. Он было подумал, что следует послать к Мирому, предупредить его о приходе непрошенных гостей, но почему-то не сделал этого. Он, Мадий, забыл об осторожности, и, пока кровь кипела у него в жилах, он позвал своих воинов и велел обезглавить людей Дария, сложить их головы в мешки и послать персидскому царю вместо дани. Так он и сделал.

А когда на горизонте скрылся всадник, посланный к Дарию со страшной поклажей, Мадий вдруг подумал о

том, что юноше этому уже не вернуться в родной шатер и что всему сакскому племени несдобровать. Вернуть бы тогда всадника. Ведь сердце чуяло беду...

Казалось, совсем недавно сакские воины прогнали персов от родных шатров, а в степь уже приходят вести о том, как растет и возвышается над своими сатрапиями Персида. С высоты своей безграничной царской власти Дарий может повелевать теми, кто попал под его башмак. Многие ему покорились, не покорились лишь скифы. У них одно богатство — свобода. Можно ли пренебречь этим богатством?

Как ни старался Мадий забыть о случившемся, мысль эта не покидала его ни днем ни ночью.

И неизбежное случилось. Гонец Мадия доставил страшную поклажу в Сузы. Дарий разъярился:

— Не прислал податей — возьмем рабов!

В ту же ночь Дарий велел отправить гонцов в сатрапии, расположенные вблизи Яксарта, и приказал любым способом захватить в плен двести сакских юношей. Было также приказано казнить первых же встречаемых саксов и головы их оставить у шатра Мадия.

* * *

А жизнь в стойбище текла, как тихая полноводная река. Каждый занимался своим делом. У каждого были свои заботы. Когда зимняя стужа загнала людей в шатры и ветер сотрясал тяжелые войлочные стены, настала пора большой охоты.

Пушнину промышляли и мужчины и женщины кочевья. Но женщины редко ходили на большую охоту с облавой. Они предпочитали заманивать зверя в капканы и ловушки, ставили силки на птиц, охотились за дичью, которая оставалась зимовать на Яксарте. Пушистые меха, добытые зимой, нужны были для торговли с другими племенами, поэтому начало зимней охоты встречали, как праздник.

Миромир, как и другие главы племен, затеял большую охоту.

Много разного зверя водилось вокруг. В горах, в зарослях арчи, носились резвые косули, встречались дикие козлы, попадались барсы и тигры. Среди камышей бродили стада диких кабанов.

Миромир любил охоту с облавой.

Окружив большой участок, охотники криками, коло-тушками и с помощью собак сгоняли зверей в неболь-шую долину, где их можно было легко перебить.

На этот раз собралось больше двухсот охотников. Молодых послали в горы на разведку зверя. Надо было решить, как лучше расставить охотников и по какому пу-ти гнать животных.

Пока молодые охотники бродили в горах, старики оставались в степи. Миромир славно поохотился. Сидя у костра, он свеживал пушистые лисьи шкурки и с не-терпением ждал Кидрея. Они условились, что Кидрей прискачет в степь, как только можно будет начать об-лаву.

Но прошел день, а Кидрей все не появлялся. Миро-мир увидел приближающегося всадника. Станный всад-ник. Он что-то кричал, словно завывал... В своем ли он уме?

— Беда! Беда! — кричал гонец. — Саков увели! Спа-сайте саков!

— Кто увел? Когда?

Всадник бросился к ногам Миромира и завыл, при-читая, как воют женщины у могилы. Левая рука у него была в крови и висела, как плеть. Это был юноша из племени Мадия.

— Говори, что случилось? — крикнул в гневе Миро-мир. — Где это видано, чтобы сакский воин завывал, как старуха!

— Беда случилась великая! Угнали саков! Всех уве-ли. Когда наши охотники спускались с гор, их окружили враги в одежде саков.

— Саки! Сыновья в опасности! — закричал Миромир, вскакивая на коня.

— Саки! Сыновья в опасности! — понеслось по степи.

И горестный клич этот поднял всех, кто был поблизо-сти. Вслед за Миромиром помчались сотни саков, гото-вых вступить за своих сыновей.

— Как же это случилось? — спрашивал Миромир гонца, когда тот обрел дар речи. — Когда?

— Это случилось вчера, ранним утром. Люди пошли по звериным тропам, высматривали добычу, а в это вре-мя в горах, среди скал, появились всадники в одежде саков. Никто не подумал дурного. Когда же наши охот-

ники стали спускаться с гор, они попали в западню. Воины Хорезма и Бактрии, посланные в наши края коварным Дарием, надев сакскую одежду, дожидались охотников. Для каждого была приготовлена петля или сеть. Они хватали наших саков и связывали их. Затем их угнали.

— В уме ли ты! — Миромир старался перекричать свист ветра.

Его конь неся вместе с ветром, и рядом, почти касаясь плеча Миромира, мчался юноша, принесший страшную весть.

Но вот и злополучное место, где должна была начаться большая охота и где была устроена страшная ловушка.

Взмыленный конь принес сюда Миромира. Здесь уже никого не было. Только несколько раненых саков стонали и призывали на помощь. Люди Миромира бросились вдогонку. Во все концы были разосланы отряды. Сам Миромир возглавил большой отряд, который избрал дорогу, ведущую к границам Персиды.

Два дня мчались без остановки взмыленные кони Миромира. Но разве могли они догнать беглецов? И тогда Миромир решил вернуться в кочевье, чтобы узнать, нет ли вестей от тех, кто отправился в погоню другими дорогами.словно в воду канули и пленники и воины Дария.

— Почему же мне так поздно донесли об этом? — снова и снова спрашивал Миромир.

— Со мной случилась беда, — рассказывал юноша. — Рысь напала. Я едва спасся и, преодолевая боль в руке, пробирался к своим. Я провел ночь в горах, а когда я спустился с гор к условленному месту, то услышал стоны раненых. Они и рассказали мне о том, как саки попались в ловушку. Значит, знали пришельцы о большой охоте и всё подготовили для своего злодейства...

— Знали... — Миромир хрипел, задыхался. Ярость душила его.

Двести здоровых, сильных воинов захвачено неведомо как. И сын Кидрей стал пленником, и Фамир, сын Мадия, там же.

Теперь, когда несчастье объединило всех, Мадий признался Миромиру во всем. Он рассказал и о том, что в ночь того дня, когда была назначена охота, у его шат-

ра были брошены головы десяти казненных саков. Эта участь постигла пастухов из племени Мадия.

— Горе нам! Горе великое! — повторял Миромир. — Если мы даже предадим проклятью твое имя, наши сыновья не избавятся от плена. Мы не можем сейчас пойти войной на Дария. Не скоро подымешь степь против персов.

— Злость затмила мне разум! — признавался Мадий. — Одна была мысль — причинить зло Ахемениду. Вот и сделал. А зло досталось мне и моим сакам... Беда пришла в наши шатры!

Признание Мадия, всегда заносчивого и хвастливого, смягчило гнев Миромира. Он думал о том, что Мадий хоть и злой старик, но своих саков он никогда не обижал. Долгие годы жили они в близком соседстве, и всегда одно племя помогало другому в трудную минуту. Так было и в недавней войне с персами. Когда персы задумали покорить племена саков, живущие в долине Яксарта, Миромир обратился за помощью к Мадия. Мадий послал тогда тысячу всадников и помог Миромиру. Десять тысяч всадников, которые погнались за конницей Дария, далеко отогнали персов от берегов Яксарта, Но что делать сейчас?

— Только хитростью можно вызволить наших пленников, — говорил Мадий.

— Это верно, что хитростью, — соглашался Миромир. — Но кто подскажет нам эту хитрость?

Они расстались на том, что каждый подумает об этом и обсудит все с мудрейшими людьми своего племени.

* * *

Зарина с нетерпением ждала вестей. Она не знала, уведен ли Фамир. Тревожно было у нее на сердце. Если уведены юноши из племени Миромира, то и племя Мадия пострадало.

— У Фамира и его сверстников такая же судьба, — сказал Миромир, вернувшись от Мадия. — Как же спасти нам своих сыновей? Сакам сейчас невозможно пойти войной против многотысячного войска персов. Надо думать, как вызволить наших юношей, не имея силы, равной воинству Дария. Соберем старейшин племени, будем думать.

Молча выслушала Зарина страшную весть. Молча покинула шатер, вскочила на коня и понеслась в степь. Вдали от жилищ и табунов она разожгла костер и всю ночь просидела у огня. Утром, вернувшись в шатер отца, Зарина сказала:

— Я поведу наших девушек в Персиду, мы спасем наших братьев.

Миромир в недоумении развел руками:

— Не пойдешь ли ты войной против многотысячного войска Дария?

— Ты говоришь, что надо перехитрить. Так мы перехитрим. Я обо всем подумала. Мы пойдем отрядом в двести человек. Соберем девушек из соседних кочевий, позовем только смелых и отважных, кто показал себя на скачках и в стрельбе из лука. Мы пойдем в Персиду тайком, чтобы воины Дария, его лазутчики не узнали о нашем походе. А когда уже будем там на месте, разыщем пленников. Тогда и решим, как их вызволить.

— Путь долгий и тяжкий, — горестно сказал Миромир. — Вам не одолеть такого пути. Кто укажет вам дорогу? И что ждет вас в чужой стране? Там вы окажетесь в лапах жестокого зверя. Стоит им только узнать, откуда вы пришли, и вы все окажетесь рабынями Дария. Это вам не по силам, Зарина. Не искушайте судьбу!

— Пусть думают все мудрецы наших шатров, им не придумать лучшей хитрости, — настаивала Зарина.

— Мы должны вернуть пленников, и Кидрей мне нужен в моем шатре, — говорил Миромир, — но тебя я не пущу в Персиду. Ты погибнешь там. И все вы, дочери савков, погибнете бесславно.

— И я прошу тебя, Зарина, — взмолилась мать. — Ты только один раз была на чужбине. Я не пущу тебя в дальнюю, чужую землю. Если не убьют встречные разбойники, то голод и холод изведут вас.

Зарина не настаивала, не спорила. И, пока отец собирал самых старых и мудрых людей племени, она ходила по шатрам и говорила с подругами. В каждом шатре были слезы, и в каждом шатре Зарина слышала слова сочувствия. Многие ее сверстницы захотели пойти в поход, но и почтенные женщины, у которых увели мужей, пожелали пойти в Персиду вместе с Зариной.

— Твоя мать боится, что мы умрем голодной смертью, — говорила Спаретра, — а разве мы плохо владем

луком, не сумеем зверя или птицу добыть? Мы пойдем окольными путями, сторонясь воинов Дария, а когда прибудем в Персиду, тогда милостью неба выполним задуманное.

Спаретра рассталась с мужем еще шесть лет назад. Он был уведен в Персиду, и с тех пор она ничего не знала о нем. Она хотела найти мужа, помочь ему вернуться на родину. Спаретра верила, что непременно найдет своего Ишпакая и вызволит его из плена. Вместе с Зариной она стала ходить из шатра в шатер и уговаривать девушек пойти в Персиду.

Почти все девушки и молодые женщины кочевья отлично стреляли из лука и были превосходными наездниками. Их не пугал дальний путь. Наоборот, было интересно совершить путешествие в далекую Персиду, о которой они много слышали от отцов и братьев.

* * *

Ранней весной, когда степь покрылась зеленым ковром, Зарина сообщила отцу, что у нее готов отряд.

— Вы ничего не придумали для спасения наших братьев, — испробуем мы свою женскую хитрость, — сказала она Миромиру, когда отец снова стал убеждать ее не браться за такое трудное дело.

— Как бы не наделать беды! — говорил старик. — Как бы не вышло так, что, потеряв сыновей, саки лишатся и дочерей.

— Ты неправ, отец. Нам не страшен этот поход, он может принести удачу. Мы пойдем!

— Видно, тебе достанутся поводья моего коня, — вздохнул Миромир. — Наш замысел требует большого войска, а мы сейчас его не имеем. Не скоро можно будет поднять всю степь со всеми кочевьями.

— Как же быть? — Зарина требовала ответа.

— Что я могу тебе сказать, дочь моя?.. Я бы не хотел, чтобы ты имела одного врага в целой стране. Как-то же мне послать тебя в страну, где одни только враги и ни одного друга!..

— А наши братья-саки! — воскликнула Зарина. — Они ждут нас, и обратный путь будет уже не таким трудным.

— Где же они добудут пищу в пути? — забеспокоилась мать. — В большом походе вы имели большие стада.

— Не горюй, старая: если пойдут наши дочери, то погонят с собой большое стадо. Я дам овец, и другие дадут кое-что на добрый путь. Пошлем с ними наших испытанных воинов на случай опасности...

— Вот этого мы не потерпим, — взбунтовалась Зарина. — Если пойдут с нами сакские воины, то очень немногие. Но и те будут табунщиками и пастухами. А еще лучше, чтобы пошли настоящие табунщики, которые умеют лечить лошадей, знают, как добыть корма в долгом пути.

— И вы пойдете отрядом с луками и колчанами? — спросил Миромир.

— Не так мы задумали, отец. Пойдут с нами повозки с поклажей, покрытые войлоком. В них будут сидеть самые молоденькие девушки. Пастухи погонят стадо, табунщики с конями пойдут, а мы переоденемся в мужскую одежду и поскачем вслед за ними. Получится, что целое небольшое кочевье переезжает с одного места на другое. Мы узнаем, какими путями лучше идти, чтобы не встретить воинов Дария, охраняющих большие дороги; мы постараемся избежать встречи с ними.

— Неужто мы пойдём в Персиду в одежде воинов-саков? — спрашивала Спаретра. — Как только персы увидят остроконечные скифские шапки, они сразу же окружают нас и превратят в рабынь. Жрица-прорицательница сказала мне, что в Персиду мы должны пойти в другой одежде, чтобы персы не узнали в нас женщин сакского племени.

— Это мы сумеем сделать, — говорила Зарина девушкам, стараясь их успокоить. — Мы возьмем одежду мидийских женщин. Если будем вести себя разумно, нас никто не узнает; мы не должны страшиться неизвестного. Будем лелеять надежду, что все задуманное случится.

Сборы были долгие. Но наступил час, когда жрицы-прорицательницы в белых одеждах, с распущенными волосами стали кружиться над принесенным в жертву ягненком. Извлекли внутренности животного, посмотрели, погадали и предсказали добрый путь.

ИШПАКАЙ ВЕРНУЛСЯ ИЗ ПЛЕНА

М тогда Миромир отправился в табуны, чтобы отобрать коней для похода. Не придумав ничего другого для спасения саков, взятых в Персиду, он склонялся уже к решению снарядить отряд Зарины. Его терзала мысль об опасности пути. Он еще не решил, кого послать вместе с девушками. Среди его воинов не было такого, кто бы хорошо знал путь в Персиду и смог бы предвидеть все беды, какие подстерегали путников в дальней дороге. Миромир отпустил поводья, и конь почти шагом шел по знакомой тропе. Внезапно перед Миромиром, словно из-под земли, вырос худой, как скелет, человек в одежде бедного персиянина. Он пристально вглядывался в лицо вождя.

— Кто ты, неизвестный человек? Откуда? Я вижу на тебе пыль многих дорог, а поклажи нет. Ноги твои избиты, у тебя не было коня в дальнем пути?

Станный человек... Он низко склонился перед Миромиром, а затем, опустившись на колени, взял горсть земли и прижал ее к губам.

— Теперь я вижу, что нахожусь на земле саков, — сказал неизвестный. — Я дома.

— Кто ты такой? Почему, увидев меня, ты решил, что находишься на земле саков?

— Как же мне не знать вождя моего племени Миромира? Я был твоим воином десять лет. С тобой ходил в битву на персов, а потом попал в плен и шесть лет провел в рабстве. Ты не помнишь меня, Миромир, я Ишпакай.

— И ты из Персиды? — радостно воскликнул Миромир. — Говори скорее! Благословен час твоего прихода!

— Я из Персиды. Вот уже год, как я покинул стены персидской столицы. Я шел к берегам Яксарта и не знал, найду ли своих соотечественников. До меня дошло, что многие племена саков покинули привычные места, чтобы не платить дань Дарию.

— Уж лучше бы покинули свое кочевье. Постигла нас беда. Двести молодых саков угнаны в рабство. Как их теперь выволить? Расскажи, что ты знаешь о царстве Дария?

— Могущество его растет с каждым днем. Несметное воинство охраняет его сатрапии. И всюду, где покоренные пытались подняться против царя царей, всюду терпели поражение. Вот был один человек, по имени Надинта-Байра, поднявший восстание в Вавилоне. Весь народ вавилонский пошел за ним. И отправился Дарий против вавилонян. Посадил он войско свое на верблюдов и лошадей и дал сражение. Дарий взял Вавилон и умертвил Надинта-Байру у священного вавилонского храма... А пока он был в Вавилоне, поднялись люди в Эламе, Ассирии, Египте, Парфии и в других странах. Все они хотели свергнуть Дария, но всех их подмял под свой башмак великий Ахеменид. Только диву даешься, как это сакам удалось изгнать его прославленную конницу.

— Мы победили персов, прогнали их к стенам Персиды, — отвечал Миромир, — но Дарий не унимается, требует дани, угрожает новыми походами. А тут хромоногий Мадий натворил бед — послал вместо дани головы сборщиков. Пришла беда в наши степи. Ты мне нужен, Ишпакай. Пойдем в мой шатер.

— Все, что знаю, сообщу тебе, Миромир. Только ска-

жи мне слово утешения... Живы ли мои старики? Жива ли жена, дети?

— Все живы, всех увидишь. А пока их позовут, пойдем, поговорить надо. Дело к тебе есть.

Спаретра прибежала к шатру Миромира, когда Ишпакай уже дал согласие вождю племени сопровождать девушек в дальнем походе.

— Нам очень нужен был воин, побывавший в Персиде, — говорил Миромир. — Сама богиня привела тебя домой. Теперь мы спокойно отпустим своих дочерей. Опытный проводник, ты поведешь их той же верной тропой, которая привела тебя к родным шатрам.

— О мой Ишпакай! — воскликнула вся в слезах Спаретра. — Настал счастливый час! Как долго я ждала тебя, а ты не шел! И вот я узнала, что Зарина ведет наших девушек в Персиду, чтобы выволить из рабства братьев наших, саков. И я захотела пойти с ними, искать тебя в Персиде. Я знала, что найду тебя. И вот нашла.

Она смеялась и плакала. Спаретра была счастлива, хоть и видела, как изменился Ишпакай. Он ушел молодым богатырем, а вернулся худым, изможденным, состарившимся.

— Не скоро соберется наш отряд, — говорил Миромир. — Ты, Спаретра, успеешь позаботиться об Ишпакае. Он должен уйти крепким и выносливым, каким был прежде.

— Куда уйти? — В глазах Спаретры испуг.

— А кто же поведет вас в Персиду? Разве ты не пойдешь выволять наших сыновей?

— Как же мне не пойти! — И Спаретра прижалась к плечу Ишпакая, дав понять, что больше никогда не намерена с ним разлучаться.

* * *

В своем шатре Ишпакай почувствовал, как радостно у него на сердце. Он с удивлением смотрел на двух своих дочерей и глазам не верил. Когда он видел их в последний раз, то старшей еще не было и шести лет, а сейчас уже ей двенадцать и она так напоминает юную Спаретру, что хочется ее называть именем жены. А младшая, которая была еще грудной, — уже семилет-

няя. Она унаследовала от отца большие черные глаза. Как они блестят! Так блестят сливы после дождя. А малышка, плутовка, то и дело прячет свое румяное личико, прикрываясь широким рукавом платья. Девочкам сказали, что отец вернулся, а они сидят неподвижно, боясь подойти. Ишпакай вытаскивает коралловые бусы. Он зна́ком подзывает девочек и сам завязывает шнурки на шее. Ах, как счастливо сверкнули глаза-сливы у младшей! Как зарделись щеки у старшей!

Спаретра хлопочет. Послала кого-то на пастбище за стариками, они вместе со стадом кочуют. Скоро ли их найдут? Принесла прохладного кумыса, лепешек напекла, в котле жарится целый барашек; хорошо дома! Только голова словно в тумане и нет сил подняться. Долго держался. Целый год все шел и шел, затаив в сердце страх. Все ждал, что изловят и казнят. Сколько пришлось голодать и страдать от стужи — все перенес. Что же это такое?.. Словно злые духи забрались в тело и налили его свинцом.

Когда радостная и возбужденная Спаретра принесла ему в шатер горячую баранью похлебку и куски дымящегося мяса, она увидела, что Ишпакай в жару и трясется от озноба. Она кинулась закрывать его овчинами, уложила на мягком войлоке, побежала за колдуном, который умел выгонять злых духов. Колдун сказал, что принесет все для заклинаний, чтобы его ждали на следующий день.

Всю ночь Спаретра сидела у изголовья Ишпакая и не умолкая шептала заклинания. Но злые духи не оставляли больного, и жар все усиливался. То Ишпакаю казалось, что он сидит над костром и пламя подбирается к нему, то ему мерещились лающие шакалы, которые вселяли страх в его сердце, то мнилось, что он попал в руки персов. Ишпакай вскакивал, говорил непонятные слова, пытался бежать из шатра.

Когда пришел колдун, Спаретра со слезами просила его скорее выгнать злых духов из тела измученного Ишпакая. Прежде всего колдун выгнал всех из шатра. Подглядывая в щелку, Спаретра с волнением увидела, как сильный, огромного роста колдун схватил Ишпакая и стал трясти его изо всех сил, словно собирался вытряхнуть из него все внутренности. Затем он стал катать больного по земляному полу и при этом так свистел

и кричал, что его крики были слышны в соседних шатрах. После этого колдун взял принесенный из дому лошадиный череп и еще два собачьих черепа, разрисованных углем, и отнес их в степь, подальше от шатра. Он сказал, что невидимые злые духи унесутся на невидимом коне, погоняемом собаками. Колдун приказал людям обходить эти черепа, но не убирать их. Они должны были оставаться здесь, пока животные не истопчут их, а дождь и ветер не превратят эти черепа в пыль.

Уходя, колдун заявил, что злые духи уже покинули тело больного, и потребовал награды. К этому времени пришли из степи отец и мать Ишпакая. Отец верил колдуну, но помнил еще одно хорошее средство, которым спасались его деды. Он принялся устраивать баню. Поставил неподалеку от шатра деревянную треногу, обвесил ее войлочными циновками, устроил костер, на котором раскалил докрасна камни, а потом, уложив раскаленные камни под маленьким шатром, засыпал их конопляным семенем. Семя задымилось и стало плавиться, шатер наполнился густым паром. Тогда старик побежал за Ишпакаем. Он помог ему добраться до бани, усадил на деревянной скамье. Задыхаясь от пара, Ишпак хлестал себя метелкой из трав. Когда почувствовал, что едва держится на ногах, выполз из шатра, завернулся в овчину и улегся на своей циновке. На следующий день ему стало лучше. Колдун получил двух овец за исцеление больного.

Прошло несколько дней. Ишпак почувствовал себя совсем здоровым и принялся за хозяйство. Старик попросил его сделать навес для коней. Бревна он приготовил, а сколотить навес было некому. Ишпак с радостью взялся за работу. Он поставил несколько столбов, а когда подошел к сваленным в кучу бревнам, остановился. Перед ним сидел беркут. Возможно ли? Его беркут с белым плечом? Конечно, он! Откуда взялся бы точно такой же беркут, какого он добыл из гнезда, когда тот был еще совсем крошечным птенцом? А помнит ли беркут своего хозяина? Прошло долгих шесть лет. Наверное, забыл... А может быть, вспомнит? Ишпак подошел совсем близко к птице, подставил руку и сказал так же, как говорил прежде сотни раз:

— Белое Плечо, иди!

Беркут, такой грустный, с опущенной головой, ско-

рее похожий на чучело, чем на живую птицу, вдруг ожил, поднял голову и прыгнул на руку своего хозяина. Ишпакай радостно засмеялся и ласково прижал птицу к груди.

— Ты мой верный старый друг, Белое Плечо! Как славно мы с тобой охотились! Сколько лисиц и барсуков добыли! Ты был мне хорошим помощником, я помнил о тебе в неволе.

Ишпакаю казалось, что умная птица понимает его. Беркут освободил из его рук свою голову и повернулся к хозяину, будто прислушиваясь.

Грустной и приятной была Ишпакаю эта встреча.

— Ты все понимаешь, Белое Плечо. Какой же ты умный и хороший! Мы снова будем с тобой охотиться. А помнишь тот день, когда я проник в твоё теплое гнездо? Это было давно. Еще не родилась моя младшая дочь. Я с трудом пробрался к скале, где так заботливо спрятала тебя твоя мать. Я чуть не сорвался. И если бы не был привязан веревкой, которую крепко держал мой отец, то мог бы погибнуть. Один раз я поскользнулся и услышал испуганный крик отца: «Эй, Ишпакай, держись!» Но я не из трусливых, я не испугался. Покрепче схватился за веревку и забрался в гнездо. Ты был маленьким и беспомощным, ты пищал, должно быть, звал мать. А мать твоя, словно почуя опасность, прилетела издалека, стала кружить над гнездом, спускаясь все ниже и ниже. Она хотела спасти тебя, и, если бы старик не убил ее, она бы выклевала мне глаза. Твоя мать упала, пронзенная стрелой, и я, спрятав тебя под рубашку, уже не помню, как спустился со скалы. Я весь дрожал, вспоминая, как кружила над моей головой страшная хищная птица. А потом мы с отцом стали обучать тебя. Я говорил тебе: «Белое Плечо, иди!», и, когда ты садился ко мне на руку, я давал тебе кусок мяса. Ты любил мясо и потому слушался меня. Так мы научили тебя охотиться. И, когда я снимал с твоей головы черный колпачок, ты знал, что надо взлететь высоко в небо, зорко осмотреть степь и броситься на лисицу, если среди травы мелькнет ее рыжий хвост... Побудь со мною, Белое Плечо! Ведь я снова расстанусь с тобой и не скоро пойду на охоту.

Ишпакай бережно посадил птицу на прежнее место и принялся ставить навес.

Дни шли за днями. Ишпакай уже стал привыкать к своему дому. Он уже был в одежде воина-сака, отдохнул от утомительного пути и наконец согласился рассказать своим соотечественникам о том, как он жил в рабстве и что это за страна Персида.

Послушать Ишпакай пришли все — старейшины племени, юноши и девушки, пожелавшие пойти в поход с Зариной. Пришли и матери, сыновья которых томились в рабстве у Дария.

— Вы спрашиваете о Персиде? — говорил Ишпакай. — Большая страна, могучая страна. И все у них по-другому. Персы не так безрассудны, как мы. Они используют каждого раба. Все пленники трудятся для их блага.

— Где же ты был? Что делал? Или зверя промышлял в горах?

— И вы думаете, что они могли доверить мне лук и стрелы, чтобы я промышлял зверя или птицу? Плохо вы знаете персов. Я строил дворец в Сузах. Мы таскали громадные камни. Глину копали, гравий грузили — тысячи тачек.

— Зачем же гравий? — спросил старый табунщик, засовывая в нос какую-то душистую траву, которая заставляла его непрестанно чихать.

— Зачем гравий? Для дворца. Это не так просто — построить дворец для Дария. Не шатер поставить. Много дней копали мы котлован — большущую яму — в сорок локтей¹ глубины. Потом засыпали ее гравием. А яма какова — все стада нашего кочевья можно было бы загнать в эту яму... Потом вавилоняне тесали тысячи камней. Из них складывались мощные стены. Ставили колонны из базальтового камня, делали украшения из блестящего мрамора. Ионийцы искусно тесали камень. Делали из него разных зверей и чудовищ. Редкой красоты дерево уака было доставлено ассирийцами из дальних мест, из Гандары и Кермака. Дарий всех смог заставить посылать ему богатую дань. Из Сард и Бактрии присылали ему слитки золота, ляпис-лазурь — из Согдианы, слоновую кость — из Эфиопии. Так трудились десятки тысяч рабов. Кормили нас скудно, а работать заставляли дотемна. Если бы мне не повредило ногу

---

¹ Локоть — мера длины.

и не послали меня в другое место, я бы не увидел вас теперь. Но слава доброй богине, она сделала так, что меня взял к себе в услужение сановник из Персеполя.

— А как же с ногой?

— Ногу мне вылечил один человек. Он был слугой сановника, добрый человек из Греции. Он знал многие целебные травы, умел кости вправлять, он был ученым. Когда мой господин узнал, как образован его раб, он велел его одеть, умастить благовониями и сделал его своим лекарем.

— У сановника лучше было жить? — спросила Спаретра.

— Лучше, если удалось бежать, — ответил кто-то за Ишпакая.

— И что же, все знатные имеют такие дворцы?

— Таких никто не имеет. Невозможно и представить, чтобы где-либо могли создать такие красивые и богатые строения. Для этого надо покорить весь свет. Кроме Дария, вряд ли кто может это сделать!

— Так он и в самом деле покори́л весь свет? — спросил Миромир.

— Должно быть, так. Иначе откуда бы взялось такое богатство? Не пришли бы по своей воле к нему вавилоняне, ионийцы, египтяне, саки и бактрийцы создавать ему богатство. Все они охотней проткнули бы его мечом. Дарий всюду говорит о том, что великий Ахурамазда сделал его верховным владыкой над всеми землями, что ему подвластны неисчислимые богатства и все, что создают народы, живущие на его земле, — все это принадлежит ему.

— И сами персы строят для него такие дворцы?

— Не видал, чтобы сами персы что-либо строили. Говорят, что они возделывают землю. А еще больше — промышляют воинским делом. Если война приносит им добычу, тогда они возвращаются домой с песнями. А если потеряют в походе половину своих воинов, то возвращаются с воплями. Богатые приносят богам многочисленные жертвы — тысячи быков. Хотят задобрить разгневанное божество.

— Расскажи, как же тебе удалось убежать, — ведь рабы там под охраной?

— Мне помог добрый грек. Был случай, когда я провинился и угодил в вонючую яму.

— А что это за яма?

— За оградой, где живут собаки и царские кони, вырыта большая яма, куда бросают провинившихся. Она глубока, похожа на пещеру. Туда бросают тех, кто заслужил кару. Если долго там пробыть, то погибнешь от голода и зловония. Там всегда бывает не меньше ста человек. Спят по очереди. А когда несчастным бросают пищу, то ее рвут на части и еда достается только самым сильным. К счастью, мой друг-грек узнал о том, что я в этой яме. Он попросил разрешения осмотреть там заболевшего грека. Он добился разрешения взять грека на попечение и взял нас обоих. Охранники не смогли ему отказать: он был в одежде знатного человека, и они поверили ему. Грек помог мне бежать. Благословен день встречи с этим человеком, лучшим из людей, которых я видел на чужой земле!

Ишпакай умолк и задумался, вспоминая пережитое.

— Говори еще, — потребовали старики.

— Тяжко пленнику в неволе. Всякому тяжело, но еще тяжелее сыну степей, вольному саку. Вместе со мной попали в рабство к персам многие саки, но я никогда никого не видел.

— А какому божеству молятся персы?

Сквозь плотное кольцо любопытных проталкивался старый табунщик, которого редко можно было видеть в кочевье.

— Они считают божеством весь небесный свод. Приносят жертвы солнцу, луне, земле, огню, воде, ветрам. Когда совершают жертву, украшают себя тиарой и миртовой веткой. Делают жертвоприношения и молятся. Каждый перс молится о благополучии всех персов и царя. Жрец, который присутствует при этом, поет священную песнь. Персы осуждают лживых. Они считают лживость самым большим пороком. А еще осуждают людей, которые любят брать в долг. Я видел малышей, которые в пятилетнем возрасте обучались верховой езде и стрельбе из лука. Много видел я там разумного, но и дурного немало пришлось увидеть.

— Как ты думаешь, где же искать наших сыновей?

— Они могут быть рассеяны по всей Персиде. Кому достались в качестве награды за воинские подвиги, тому и служат.

— А что ты скажешь про хитрость наших девушек? — спросил Миромир.

— Я думаю, что будет польза. — Ишпакай обернулся к Спаретре и, глядя на ее оживленное лицо, продолжал: — В таком деле женская хитрость может оказать бóльшую услугу, чем целое войско. Труднее всего добраться до Персиды. Дальняя дорога, много чужих земель. Разбойники рыщут по дорогам. А еще страшнее разбойников воины Дария. Они охраняют земли своего владыки.

— Каким путем пойдете?

— Дорогу я знаю. Надо миновать землю Хорезмийскую, пройти через Парфию, а когда достигнем Персиды, то много дней будем идти в стороне от больших дорог, чтобы не встретить воинов Дария. А в Персиде есть горы высокие, ущелья и пещеры. Есть где спрятаться. Если доберемся туда, тогда будем думать, как разузнать о судьбе наших братьев. А когда все разузнаем, тогда понадобится новая хитрость — выволить братьев из неволи. Кто знает, что ждет нас в пути?

КУДА ДЕВАТЬ ГОЛУБОЙ ЦВЕТКИ!

С тех пор как Фамир был уведен в плен, Мадия мучила мысль: что делать с китайской принцессой? Кому ее отдать? Теперь, когда угнаны в царство Дария знатнейшие воины племени, среди саков вряд ли найдутся охотники жениться на китайской принцессе. А без выкупа невыгодно ее отдавать. Ведь он потерял целый табун коней, когда вздумал увезти ее в свой шатер. Сердце сжималось от ярости, когда Мадий вспоминал страшный день, который принес сакам столько несчастий. Он уже слышал немало слов упрека. Но больше всех укорял себя сам. Разве легко ему примириться с тем, что его Фамир — пленник? Но вот его нет... И кому нужна принцесса?.. Может быть, увезти ее к аримаснам? Они богаты. Взамен дадут много золота. Аримасны живут в дальних горах, они убивают грифов, стерегущих золото, собирают это золото и целыми мешками увозят в свои жилища. Так говорят. Но так ли это на самом деле? А зачем ему золото? На что?.. О, золото всегда нужно! А может быть, вернется Фамир? Он молод, ему нужно богатство.

А если не вернется? Что тебе нужно, старый пес? Все нужно! И вдруг блеснула мысль: «Женюсь!» Зачем отдавать кому-то китайскую принцессу? Почему бы не жениться на ней? Нет сына, так отец устроит свое счастье. Почему персам можно? Немало таких богатых и знатных увидел в Персиде Ишпакай из племени Миромира. Он рассказывал, что все богатые персияне имеют по многу жен. А почему Мадю нельзя жить так, как знатные персы живут?

Мадий раздул пламя в очаге, погрел окоченевшие руки и зло посмотрел в угол шатра, где разливала кумыс его старая верная Томира. Космы седых волос, смазанные бараньим жиром, торчали, как прутья. Рваная рубаха из грубой шерсти прикрывала иссохшее, морщинистое тело. Разлив кумыс, старуха вытерла руки о лоснящиеся бока рубахи, и Мадий вдруг увидел крючковые пальцы с черными, обгрызенными ногтями. Мадий брезгливо поморщился. Перед взором его, словно во сне, проплыла маленькая тоненькая принцесса в голубых шуршащих шелках. А ведь она ласково смотрела на Фамира своими сверкающими, как бусины, глазами. А на него она и смотреть не стала, только поклонилась вежливо, низко опустив хорошенькую головку. Не посмотрела? Мадий нахмурился. «А если заставлю, то станет смотреть», — пробормотал он.

«Голубой Цветок! Голубой...» — повторял Мадий почти в забытьи. Он прикрыл глаза, чтобы не видеть грязной старухи, с которой прожил долгую жизнь. Ему показалось, будто в нем два Мадия. Один Мадий думает о прошедшем, а другой старается представить себе будущее, от которого веет запахами весенней степи, ясного голубого неба и теплым дыханием крошечных жеребят. Мадий, который думает о прошлом, говорит себе: «Когда-то и она была тоненькой и быстрой. И глаза были лукавые...» — «Это было давно, — отвечал первому Мадю второй. — Теперь вокруг пусто и уныло. Жизнь идет к закату, подобно солнцу, которое уходит в самый край степи, за дальние пастбища. Нет тебе ни в чем радости. Только и была отрада заводить горячих коней. Но их уже и так много. Даже старейшины племени не знают, как их много. Ведь ты завел табуны далеко за перевалом. Богатые там пастбища, и никто о них не знает. Теперь они для тебя, только для тебя. Для кого же еще? А Фамир?»

Острая игла забралась в сердце, чья-то невидимая рука сжимала его. Да, для сына... Все для Фамира. И принцесса для него!

«Отдай ее, — говорил другой Мадий, — зачем она тебе нужна?» — «Зачем же отдавать сокровище? — отвечал упрямый голос. — Я буду хранить ее, как золотой слиток...»

— Отнеси китайской принцессе молоденького барашка! — закричал вдруг Мадий Томире, решив сегодня же вечером навестить принцессу.

— Кому нужна эта косоглазая? — завопила в ответ старуха. — Может, она и принцесса, а мне какое дело? Отдай ее куда хочешь. Больше не стану давать ей барашков. Принцесса!.. Подумаешь! Войдешь к ней в шатер — совестно сказать, — так и разит благовонными маслами. У благородных саков только жрицы-прорицательницы позволяют себе такое. Тьфу! На порог бы ее не пустила, а ты отдал ей наш лучший праздничный шатер! Все говорят, что это она накликала беду...

— Замолчи!..

В голову старухи полетел глиняный светильник.

— Сейчас же отнеси ей молоденького барашка! Берегись моей ярости. Сама знаешь, что гнев мой страшен. Иди, старая, косматая!..

* * *

А в белом праздничном шатре, где пахло благовонными маслами, как у жриц-прорицательниц, Голубой Цветок, сидя на циновке, подобрав маленькие ножки, обутые в бисерные башмачки, напевала песню:

Сорока свила для себя гнездо —

Голубка поселится в нем.

В пути новобрачная, сто колесниц

Встречают ее с торжеством.

Сорока свила для себя гнездо —

Голубка его займет.

В пути новобрачная, сто колесниц

Ей вслед выступают в поход.

Сорока свила для себя гнездо —

Голубка заполнит его.

В пути новобрачная, сто колесниц

Венчают ее торжество¹.

---

¹ Перевод с китайского А. Штукина, Антология китайской поэзии, т. I.

— Бедная моя госпожа, — говорила Цай Э, — ты так славно утешаешь себя старинной песнью из царства Шао! Благословен тот час, когда ты услышала эту песню. Она вселяет в тебя надежду, и ты забываешь о том, что уже третий день не ела барашка, не видела лепешки и, кроме кумыса, мы ничего не имеем.

— Это всего третий день, а прежде ведь нам давали много молодого мяса и пшеничного зерна. Мы были сыты и не знали забот. Мы отправлялись с тобой в зеленую степь и видели просторы до небес и дивные табуны таких красивых коней, какие мне даже не снились во сне. Нам не угрожает старый сварливый князь, которого мне сватала та старая толстая сваха из тутовой рощи. Я сказала матери, что лучше уеду к молодому вождю племени, чем поселюсь во дворце старого, выжившего из ума Гуаньцзы. Вот уже год, как катится по степи моя колесница. Но я не вижу ста колесниц, которые встречают меня с почетом, и только несколько раз я видела молодого князя Фамира. Ведь он предназначен мне судьбой. Ты бы узнала, где он. Если ушел на войну, то долго ли мне ждать его? Я утешаю себя, а душа моя в печали. И ты, моя верная Цай Э, не дала мне доброго совета. Нельзя было отпускать всю мою свиту. Кроме тебя, у меня нет никого на этой чужой земле. Мне становится страшно, когда я об этом думаю. Скажи мне, Цай Э, слова утешения.

Голубой Цветок отбросила свою маленькую лютню и кокетливо посмотрела в круглое серебряное зеркало.

— Ты говоришь, что у меня лицо как лепестки лотоса и это благодаря тому, что я живу в степи. Ты говоришь, что взаперти, в доме отца своего, я никогда не была такой свежей и веселой. Это хорошие слова. Скажи же мне еще слова утешения!

— Я рада сказать тебе, моя госпожа, что лицо твое стало подобно цветку. Но я узнала, госпожа моя, что мы попали не к вождю племени гуйфан, а к вождю племени сэ. Это не те слова утешения, которых ты ждешь, но это истина.

— Что ты говоришь? — Голубой Цветок вскочила и топнула ножкой. — Сейчас же повтори свои слова! Это гадкие слова. Откуда они пришли в твою глупую голову? Какое племя сэ? Этого не может быть! Это ужасно! По-

чему же ты ничего не сказала мне? Почему ты молчала? Ты погубила меня!

Маленькая принцесса бросилась на циновку и горько заплакала.

— Что же будет дальше? Говори все, что знаешь. Я никогда не слышала и слова о неведомых сэ. О я несчастная! Лучше бы я умерла в пути!

— Не горюй, госпожа. Когда мы пришли сюда, нам был оказан почет. Нам поставили самый красивый шатер вблизи прекрасного Яксарта. Нам дали котлы, и каждый день мы получали сколько угодно молодых барашков и всякой дичи. Нам приносили свежую рыбу и сладкий миндаль. Потом ты увидела Фамира, и сердце твое возрадовалось, а я увидела молодого красивого табунщика. Я подумала, что племя сэ, может быть, даже лучше, чем племя гуйфан. Я вспомнила нашу жизнь в доме твоего отца, вспомнила, как часто твоя добрая матушка украдкой прятала для тебя лакомый кусок. Ведь скаредней твоего отца нет людей на свете. Я подумала: на родине у тебя был дом отца, а здесь у тебя шатер под синим звездным небом и зеленая степь вся твоя, скачи куда хочешь. И князь Фамир так ласково тебе улыбнулся в день первой встречи. Я не хотела омрачить твои надежды.

— А теперь?

— Не знаю, госпожа, что будет теперь. Фамир исчез, словно сквозь землю провалился. Его старая мать плачет. Его отец стал угрюмым и злобным. Он теперь не подходит к нашему шатру, и вот уже третий день мы едим бог весть что. Может быть, нас отпустят? Но куда мы пойдем без нашей охраны? Боюсь, что счастье покинуло нас!

— Ты говоришь ужасные слова! — стонала вся в слезах маленькая принцесса. — Я ничего не понимаю. Позови сейчас же старого, уродливого Мадия, я попробую знаками объяснить ему, что хочу домой. Хочу домой! Хочу домой! — закричала она в отчаянии.

В это время старая Томира притащила маленького барашка и, швырнув его на порог шатра, пробормотала какие-то проклятия. Цай Э схватила баранью тушку и, подняв ее высоко над головой, закричала весело и радостно:

— Не печалься, моя бедная госпожа! Посмотри, о нас помнят. Скоро вернется Фамир, и ты станешь женой

князя из племени сэ. Поверь мне, он несказанно богат. Сколько мне приходилось носиться по степи на твоей прекрасной лошади, я всегда видела табуны, которые принадлежат Мадю. Я спрашивала — ведь наш славный Бао Пын научил меня некоторым словам этого племени, — я спрашивала: «Чи?..» И мне отвечали: «Мадия». А все, чем богат Мадий, все это достанется Фамиру.

— Вот ты и утешила меня, моя верная Цай Э. Я не стану больше плакать. Ведь слезы оставляют борозды на лице, не правда ли?

— Совершенная правда, моя драгоценная госпожа, жемчуг из короны Чжоу! Не плачь, не огорчайся. Я приготовлю тебе твое любимое блюдо с пряностями, которые нам дала на дорогу наша добрая госпожа, пусть у нее будет радость на сердце.

— А после сытного обеда мы умчимся в степь и будем любоваться табунами, — размечталась маленькая принцесса, — посидим у костра табунщика. Ты ни разу не хотела остаться, а мне давно хотелось посмотреть на темных коней, освещенных пламенем костра.

— Милая моя госпожа, если бы ты не была совсем еще юной, я бы удивилась твоему легкомыслию. Как же можно поехать в степь ночью, да еще подсесть к костру табунщика? А что мы сделаем, если он увезет нас еще дальше?

— Мы закричим. Позовем Мадия!

Принцесса весело рассмеялась и снова взялась за лютню.

В ДОБРЫЙ ПУТЫ

Никто не знает, может быть, Миромир и не решился бы отпустить отряд девушек в Персиду, если б ему не приснился сон. Удивительный сон!

Снилось Миромиру, что он возвращается домой с доброй охоты. Он уже подстрелил нескольких фазанов и снова увидел выводок, но, как только натянул лук, собаки вдруг громко залаяли, словно почуяли опасность. Конь понес его по степи — и прямо на всадника. Не простой всадник, знатный! Конь под ним словно огненный, а одежда вся в золоте и драгоценных камнях. Кто же это? Миромир хотел остановить своего коня, а тот, словно бешеный, пронесся мимо всадника. И вот знатный всадник уже позади Миромира. Сердце похолодело. Миромир оглянулся и видит хмурое лицо самого Дария.

«Он не простит мне, — подумал Миромир. — Дарий будет оскорблен такой дерзостью и пронзит меня стрелой». Сердце тревожно забилося. Миромиру казалось,

что он видит, как владыка Персиды натягивает лук. Он пригнулся к коню и полетел во весь дух... Свистнула стрела над головой, но его не коснулась... Однако так близко слышен топот копыт!..

Миромир проснулся. Сквозь дыру в потолке пробивался солнечный луч. Жена толкла овес для похлебки, и стук песта о каменную чашу напомнил ему о цокоте копыт огненного коня Ахеменида. Миромир тут же рассказал сон, и вместе с женой они решили, что такой сон должен быть к добру. Значит, судьба такая послать Зарину с отрядом девушек. Пусть перехитрит царя царей.

Миромир вдруг почувствовал себя легко и спокойно. То, что вчера еще казалось трудным, сегодня выглядело совсем по-иному. Хотелось верить в удачу.

— Теперь, надеюсь, хитрость удастся и наши девушки вернутся с победой, — говорил Миромир старейшинам племени.

Старики все еще настаивали на своем. Они всячески доказывали Миромиру, что надо пойти войной против Дария. А Миромир не соглашался, ссылаясь на великую силу персидского владыки.

— В этот раз нам удалось отогнать войско Дария, но воинство его непобедимо. И, если собрать сейчас всех всадников наших кочевий, если созвать могучее сакское войско, все равно персы окажутся сильнее нас, — отвечал Миромир. — Слышали, что говорил Ишпакай? Двадцать сатрапий находятся под башмаком Дария. Они доставляют ему дань — сотни громадных кувшинов, наполненных золотом и серебром. Вавилония шлет жадному Ахемениду каждый год не только золото и серебро, но еще и пятьсот мальчиков, которые обречены на вечное рабство. Эфиопы присылают ежегодно неплавленное золото, двести стволов черного дерева, пять эфиопских мальчиков и двадцать больших слоновьих зубов. У кочевых арабов нечего взять, так он приказал доставлять ему каждый год тысячу талантов ладана.

Дарий гордится своими победами, он грозитя покорить себе все племена и все народы, на каком бы языке они ни говорили, — все, какие существуют на земле, будут работать на него. И тогда люди Дария посчитают себя самыми счастливыми людьми на земле.

Теперь, когда Миромир дал согласие отправить отряд девушек в Сузы, когда нашелся достойный проводник Ишпакай, настало время собираться в дорогу.

Стали выбирать главу отряда.

— Пусть Спаретра будет старшей, — предложила Зарина.

Но Спаретра и слушать не хотела.

— Ты задумала поход, ты и веди нас, — твердила она.

Все согласились со Спаретрой. Выбрали Зарину и поклялись помогать ей.

По совету Ишпакая, девушки переоделись в мужские одежды. У них были узкие длинные брюки, короткие куртки из грубой шерсти и остроконечные войлочные шапки, которые в дурную погоду предохраняли от стужи. В повозках у девушек были спрятаны женские одежды, добытые во время последнего похода.

— А теперь запомните, — говорил Ишпакай, — встретим любопытных в пути — не отвечайте им, я сам стану отвечать, пусть спрашивают.

Все кочевье готовило девушек в дорогу.

Много было забот у женщин. Старухи валяли войлок, чтобы дать в дорогу мягкие постели. Не пожалели самой тонкой шерсти от ягнят, рожденных в прошлом году. В каждом шатре можно было видеть разложенную шерсть. Женщины целыми днями били ее длинными, тонкими прутьями, раздвигали и расстилали на соломенных циновках. Затем ее поливали горячей водой, свертывали и долго еще катали по степи, чтобы хорошо свалять. Женщинам помогали дети, они охотно таскали свертки войлока по степи, мяли, толкли их ногами. А чтобы готовый войлок был помягче, заботливые старухи разминали его локтями. Никто не жалел своих трудов для любимых дочерей.

С рассвета до заката стучали каменные песты, разбивая ячмень и пшеницу. Вялили рыбу, сушили на солнце куски конины.

Но вот уже загромыхали повозки, груженные всякой кладью. Далеко вперед угнаны пастухами стада и табуны лошадей, выделенные кочевьем для похода. И вот уже на конях отважные всадники. В минуту расставания

невольные слезы туманят глаза. Девушки стараются не выдавать своего волнения. Может быть, иные и не прочь остаться, но разве кто-нибудь осмелится показать свою трусость? Нет, нет! Только не это! Лучше погибнуть в битве, чем прослыть трусливой. В сакском кочевье никто не перенесет такой позорной клички. Да и не было такого, сколько помнят себя саки. Всадницы сдержанны. Но кто не сдерживает своих чувств, — это старухи и дети. Они воют так жалобно, как в скорбные дни несчастий, когда хоронят близких людей.

Ишпакай, который еще так недавно обрел свою семью, нежно обнимал дочерей и говорил им ласковые слова.

Мать Зарины, вцепившись обеими руками в уздечку красивого серого коня, подаренного Миромиром дочери, дает последние наставления. Она — жена вождя, ее дочь — предводитель отряда. Ей непристойно выть и рвать на себе одежды в знак скорби. Но если бы кто знал, что в мыслях несчастной матери, что на душе, истерзанной печалью! Сына угнали в рабство, а дочь сама обрекла себя на гибель. Как сдержать свои слезы?..

Миромир идет рядом молча, опустив голову. Одно дело, когда сакские девушки шли в битву вместе с испытанными воинами, да и сам он всегда помнил о них; в беде бы их не оставил. Что ждет их в этом походе? Вернутся ли домой? Все ли он сделал для их благополучия? Достаточно ли жертв принес? Мать Зарины потребовала заколоть белого быка. Лучшей жертвы не придумаешь. Табунщиками и пастухами пошли славные воины. Им велено помочь отряду Зарины в случае опасности. Гордая Зарина говорила, что не потерпит никакой помощи, но ведь сердце отца не каменное!

Опустели шатры. На берегу Яксарта наступила необычная тишина... Даже собак не слышно. Все, кто на ногах — женщины, старики, дети, — шумная толпа, сопровождаемая собаками, потянулась за отрядом всадниц. Но настал и миг расставания. Неизбежное свершилось. В туманной дали скрылся весь караван.

* * *

Сакские повозки на высоких деревянных колесах с войлочными коврами катились по бескрайней степи, вдоль рек и озер, мимо кочевых селений хорезмийцев,

мимо пастбищ, где паслись табуны коней и отары овец. Всадники, скачущие рядом с повозками, и пастухи, гнавшие впереди себя скот, — все было так обычно для этих мест, что встречные не обращали на это внимания. Правда, иные поглядывали на остроконечные шапки. Люди бывалые знали, что эти шапки носят воины сакского племени. Но, не имея вражды к сакам, они не останавливали их, не пытались разбойничать. Тем более никто не угрожал оружием.

Земли великого Хорезма отряд прошел без тревог и волнений, устраивая ночевки на зеленых пастбищах. Нередко меткие стрелки добывали в пути фазанов и куропаток. На привалах в реках ловили щук и сазанов. Еды было много. Все были в добром настроении. Девушки состязались в стрельбе и в быстрой езде. Обгоняя друг друга, они покидали свои повозки и уносились на своих конях далеко вперед.

— Было бы так все время, — говорил Ишпакай.

— Не слишком ли мы беззаботны? — вздыхала Спаретра. — Как бы не налетели разбойники. На свете много злых людей, надо помнить об этом.

Спаретра словно предвидела худое. Спустя несколько дней отряд повстречал всадников в одежде массагетов. Эти люди не были грабителями, они не пытались отобрать у саков коней или повозки, но Зарине не понравилось их чрезмерное любопытство. Узнав у Ишпакая, что саки переезжают на новое пастбище, что кочевье у них бедное, едва добывает себе пропитание, они все же продолжали сопровождать отряд Зарины и, подолгу задерживаясь у каждой повозки, что-то выпытывали у девушек. Вначале шутя, а потом уже серьезно они стали уговаривать сакских девушек уйти с ними на землю массагетов, сулили им беспечную жизнь и богатство. Тут Зарина не стерпела и обратилась к предводителю отряда массагетов с гневной речью, требуя оставить в покое сакских девушек и угрожая всякими неприятностями, какие могут случиться, как только прибудет большой отряд сакской конницы, которая, по словам Зарины, следует за ними и очень скоро нагонит их.

Предводитель отряда велел массагетам оставить саков, и вскоре они скрылись. Но они не покинули отряд, а следовали за ним на небольшом расстоянии, с тем чтобы ночью тайно увезти Зарину. Предводитель отряда

задумал увезти с собой сакскую красавицу и жениться на ней.

Темной ночью, когда лагерь саков погрузился в сон, массажет оставил в стороне своего стреноженного коня, тихонько подошел к повозке Зарины, намереваясь связать девушку и унести ее. Но, едва он коснулся войлочного навеса, как вздрогнул от громкого ржания коня. Серый охранял свою хозяйку. Когда Зарина высунула голову из-под навеса, массажет уже вскочил на своего коня и унесся с громкими проклятиями. Стрела, посланная вдогонку Зариной, не настигла его. Но тревожный бой барабанной дроби возвестил лагерь об опасности, и вскоре все уже были на ногах.

Проезжая вдоль вспаханных земель, покрытых изумрудными всходами овса и пшеницы, саки думали о том, как благодатна земля Хорезма. Пастухам хотелось остаться на зеленых лугах, а женщины с сожалением вспоминали оставленные дома зернотерки, которыми они пользовались лишь в дни праздников, когда пекли лепешки — излюбленное лакомство сакских детей.

Когда дорога уходила в глубь степей, оставляя далеко позади себя реку, саки видели оросительные каналы, которые давали живительную влагу щедрой, плодородной земле. Вблизи дворцов и крепостей зеленели сады и виноградники. Видно было, что люди живут здесь, не покидая насиженных мест, и не скачут по бескрайним долинам в поисках пастбищ. Девушки, впервые видевшие такое, выражали свое восхищение. А Ишпакай не уставал рассказывать о жизни персов и других народов, которые встречались ему на пути из Персиды. Ишпакай помнил о великолепных дворцах с громадными лестницами и крылатыми быками у входа, о богатых украшениях, сделанных искусными резчиками по камню.

В отряде не было ни одного человека, который видел бы подобное. И саки плохо представляли себе ту картину, которую Ишпакай пытался восстановить по памяти. Тогда Ишпакай дополнял свой рассказ рисунком на песке.

Зловещий гул медного котла как-то поднял отряд задолго до рассвета. Дозорный увидел персидских всадников, которые неслись подобно урагану и казалось, вот-вот налетят на лагерь. Мгновенно все были на ногах. Но всадники пронеслись мимо. Зарине очень хотелось

догнать последнего всадника своей меткой стрелой. Но Спаретра вовремя удержала ее.

— Не дразни персидского владыку! — воскликнула она. — Не забывай о тех бедах, какие принес нам Мадий, раздразив Дария. Он и собственного сына загубил!

— Где же теперь китайская принцесса? — поинтересовалась Зарина.

— Мадий привез ее для сына, — отвечала Спаретра. — Когда Фамира увели в рабство, хромой пес захотел жениться на ней сам. Девушки из его племени говорят, что старик даже щедрым стал, ничего не жалел для принцессы.

— Я уже столько раз слышала о китайской принцессе, а так и не знаю, красива ли она, — призналась Зарина.

— Девушки из племени Мадия говорят, что она совсем-совсем не похожа на наших. Маленькая, худенькая. И зовут ее Голубым Цветком. У нее есть служанка, которая немного говорит на языке саков, она рассказывала девушкам, что принцесса даже не знала, что попала к сакам, она думала, что Фамир вождь племени гуифан.

— Вот как? — удивилась Зарина. — И этот старый черт завладел маленькой принцессой? — Зарина не питала никакой злобы к Голубому Цветку. Ей даже стало жаль бедную принцессу. — Позови ко мне девушек, пусть расскажут о Голубом Цветке, — попросила она. — Я хочу знать, как она одета, как ведет себя.

— Зачем тебе это нужно?

— Как ты не понимаешь? — воскликнула Зарина. — Не догадалась? А я кое-что придумала. Мне следует узнать, как ведут себя принцессы. У меня есть одежда знатной мидийки. Если я сумею вести себя достойным образом, то могу въехать в Сузы со своей свитой, и никто не посмеет меня остановить. Все подумают, будто я из знатных.

— А разве ты не знатного рода? — смеялась Мирина. — Ты дочь вождя.

— Ты ловко придумала! — обрадовалась Спаретра. — Ишпакай рассказал мне, что персы любят одеваться в одежды мидийцев и в Сузах можно встретить многих персиян, одетых в эти одежды. Девушки нам обо

всем расскажут, но мы еще больше узнаем у Ишпакая. Ведь он видел их — шесть лет прожил в Персиде. Как ты хорошо придумала, Зарина! И как это тебе пришла в голову такая мысль?

Теперь, когда Зарина уже знала, как вести себя в Сузах, ее покинул страх перед неизвестностью. Ей захотелось как можно скорее попасть в столицу персидских царей, словно она торопилась туда в гости. Зарина была во власти своего замысла, непрестанно думала о нем. Во время остановок, по ночам она старалась выведать у Ишпакая всякие подробности о жизни персов.

Во сне она видела себя в сказочных дворцах. Во сне словно оживали все легенды и сказки о царях и царицах, рассказанные ей матерью и бабкой еще в дни ее раннего детства. Могла ли Зарина думать, что настанет день, когда она сама предстанет в виде сказочной принцессы, разодетой в дорогие одежды! Никогда прежде нарядная одежда и драгоценности не казались ей такими нужными. Люди должны поверить в ее знатность. И все зависит от того, как она будет одета, как будет вести себя.

— У них головы причесаны и убраны драгоценностями, — вспоминал Ишпакай. — Ноги обуты в красные с золотом башмачки. Одежды сшиты из золотой парчи, а движения у них тихие, плавные. На руках сверкают перстни и браслеты. Они не хватают мясо большими кусками, заливая весь подбородок жиром, как это делают наши сакские женщины и ты, Зарина. Они не вытирают руки о свои лоснящиеся от жира бока, как наши старухи. Слуги подают им воду в золотых сосудах, и после каждой еды они моют руки. У богатых персов прислужницы умащают жен душистыми маслами и благоуханиями, привезенными из Египта.

— Как все это запомнить?.. Легче прорваться сквозь строй всадников и засыпать врагов скифскими стрелами, чем сделать то, что я задумала!

И Зарину охватывало отчаяние. Она становилась сумрачной и угрюмой. Но проходило несколько дней, и веселая, озорная мысль снова освещала ее живое, подвижное лицо. Она должна была верить в удачу, а если не верить, то и не будет ее.

— Ишпакай, — спрашивала Зарина, — лошади у них богато украшены?

— Все золотое, — отвечал Ишпакай и снова вспоми-

нал, как убраны кони, как одеты возницы и как украшены богатые колесницы.

— А я перехитрю персов, — смеялась Зарина. — Я нацеплю на седло все украшения, они горят на солнце, словно сделаны из литого золота; пусть думают, что я так богата.

— Бери мою уздечку с золочеными головками барсов, — предложила Спаретра. — Если все мы отдадим тебе лучшие украшения наших седел и уздечек, то, право же, твоя серая красавица превзойдет царскую лошадь из конюшни самого Дария.

И снова Зарина с увлечением думала о том, как она украсит свою красивую серую кобылу и какой важной будет выглядеть в своем нарядном, по-праздничному убранном седле.

Но чем ближе были земли Персиды, тем задумчивей становилась Зарина.

«Где же теперь Фамир? — грустила девушка. — Помнит ли он обо мне? А может быть, думает о китайской принцессе?..»

«Думай о всех своих братьях-саках, — внушала сама себе Зарина. — Двести саков томятся в неволе, а ты все думаешь об одном».

О КОМ ЖЕ ДУМАЕТ ФАМИР!

Прошло несколько месяцев, прежде чем рабы-саки попали к тому месту, которое назначил начальник стражи.

Вначале их погнали в бывшую столицу Мидии — Экбатаны. Здесь им приказали мостить дорогу, по которой днем и ночью носились вестовые на быстрых, неутомимых конях. Но вскоре выяснилось, что сюда пригнали слишком много пленников и сакам здесь делать нечего. Тогда по приказанию начальника стражи саков погнали в пустыню, неподалеку от Суз, где строился дворец.

Жестока доля раба, где бы он ни был. Но еще ужасней судьба пленника, обреченного жить в пустыне. Вскоре саки узнали, каким тяжким трудом воздвигаются крепости Дария, под знойным солнцем, когда голод и жажда неизменно сопутствуют пленникам.

Изнурительный труд подкосил здоровье выносливых и сильных саков. Самые молодые вскоре свалились без сил, и поднять их уже не смогли ни плети, ни настойка

из целебных трав. Эту настойку охранники давали каждому. Начальник стражи жестоко наказывал тех охранников, кто не смог уберечь пленников от гибели. Он говорил о том, что невыгодно пригонять рабов из дальних земель, кормить их и охранять для того, чтобы вскоре похоронить. Однако начальник стражи мало заботился о том, чтобы пленники были сыты.

Фамир видел, как его братья теряют надежду на спасение. Он вместе с другими саками оплакивал смерть своих соотечественников, и у него созрел план побега. Трудно было его осуществить — побег надо было готовить. Фамир часто думал о том, что если все они будут изо дня в день что-то делать для побега, то настанет час освобождения. Он знал, что конница саков сейчас не готова для столкновения с могучим воинством Дария. А если так, то Миромир не придет к ним на помощь. И сами они, пленники, должны добыть себе свободу. Свобода принесет ему радость встречи с Зариной. Больше всего в жизни ему хотелось увидеть Зарину. Нет, не китайскую принцессу, не Голубой Цветок, а мужественную и бесстрашную девушку сакского племени.

Сколько раз во сне он видел ее такой, какой она была во время битвы!

Он снова видел девичьи повозки и длинные косы Зарины. Он вспоминал, как много в степи говорили о своенравной дочери Миромира, самой отважной среди сакских девушек. Если бы не вражеская стрела, настигшая его, разве он узнал бы когда-нибудь, как ласковы ее глаза и как нежны ее руки? Но почему она так сурова? Почему так горда? Спасла ему жизнь и ни за что не признавалась в этом. Своенравна! Не стала разговаривать, но он верит, что встретится с любимой. О, если бы снова очутиться у зеленых берегов родного Яксарта! «А что бы ты сделал тогда?» — спрашивал сам себя Фамир.

«Я бы помчался на своем горячем коне, а вслед за мной поскакала бы сотня всадников Мадия. И у каждого был бы в руках драгоценный дар. И, когда всадники выстроились бы у белого шатра Зарины, она бы не устояла и вышла с поклоном. Тут они сложили бы свои дары к ее ногам и умчались к себе, оставив меня с Зариной. О блаженный миг! Настанешь ли ты?»

Фамир дни и ночи думал об этом. Днем — таская громадные камни, ночью — глядя в черное звездное небо.

И снова воскресал в памяти тот страшный день, когда он потерял свободу и стал пленником Дария. Этот день начался так радостно, так удачливо! Почему же он завершился так ужасно?

Было ясное зимнее утро. Он подымался по крутой тропинке, протоптанной косулями. Тропа вела все выше и выше, а он шел, чтобы проследить их путь и узнать, куда привести охотников. Они хотели окружить животных у водопоя. И вот он подошел к быстрому ключу, сплошь заросшему густой арчой. У ключа стоял горный козел. Он только что напился и застыл с поднятой головой, прислушиваясь. Фамир умел так тихо двигаться, что чуткое животное не услышало его шагов. Вот уже натянута тетива, и вдруг мелькнула мысль: «Подарю ему жизнь», — и он опустил свой лук. В тот же миг козел исчез, словно понял, что жизнь его в опасности. Животное исчезло, а на сердце было так радостно и спокойно! Это светлая надежда вселяла радость. Он все думал о том, что на большой охоте, когда они встретятся с Миромиром, он скажет старику, чтобы его ждали с дарами...

И не пришлось встретиться со старым Миромиром. Фамир спускался вниз, торопился позвать охотников к прохладному ключу. Там на закате можно было подстеречь стадо косуль. Хорошая будет охота. Но почему так много всадников толпятся у подножия горы? «Неужто все пойдут на косуль?» — подумал Фамир. Он видел людей в одежде сакских воинов, и ему в голову не пришло, что это враги. Его схватили внезапно, стащили с лошади и, связав, бросили у скалы, где уже лежало много связанных саков. Потом оказалось, что это бактрийцы из сатрапии Дария, переодевшиеся в одежду саков.

Вместе с Фамиром было уведено в плен не более тридцати молодых саков, а охраняло их двести. Вот так, небольшими группами, бактрийцы угнали более двухсот саков. Они выполнили приказ Дария. Пленных гнали таким путем, чтобы они не увидели родных шатров.

Уже в пути Фамир услышал от одного охранника страшную весть. Говорили, что виновником всех несчастий был его отец Мадий.

День и ночь гнали пленных саков, и нередко плеть охранника подгоняла их. Фамир вспомнил, как саки уводили забранных в плен персов. Они были связаны, но их никто не бил. На остановках им швыряли куски мяса,

а когда достигли родного кочевья, то сделали их вольными и послали в степь помогать пастухам. Если бы персы поступили так же, вот тогда можно было бы дожидаться счастливого дня. Но персы освобождают руки только на день, когда нужно таскать камни.

На строительство крепости пригнали мидян, вавилонян и саков. Последние были самыми неумелыми, никто из них никогда не занимался подобным делом. Тогда всех саков отправили в каменоломни. Им пришлось долбить камень в глубокой темной каменоломне по колено в воде. Одни вырубали глыбы известняка и превращали их в ровные, гладкие плиты. Другие пленники доставляли их к месту, где строилась крепость.

Однажды, когда охранники уединились для отдыха, Фамир вышел из каменоломни. Он искал место, где бы припрятать оружие и припасы. Он верил, что саки раздобудут все необходимое для побега. В зелени кустарников Фамир увидел заваленный камнями вход в пещеру. Он вошел туда и обомлел. Пещера это или дворец? Перед ним сверкали стены, увешанные гирляндами из самоцветов.

Где-то наверху небольшое отверстие пропускало таинственный свет, позволявший рассмотреть пещеру.

— Зачем же строить дворцы, когда богами создано такое чудо! — воскликнул восхищенный Фамир. — Такой дворец достоин царя!.. Но почему здесь пусто?

Фамир позвал саков, и, когда они с криками восторга вошли туда, вдруг все потемнело. Черная пелена закрыла потолок, и над головами изумленных саков, почти касаясь их плеч, пронеслись летучие мыши. Казалось, что они собрались здесь со всего света, так было их много.

— Злые духи! — воскликнул Саксафар. — Поспешим отсюда!

«Трудно предвидеть, когда настанет радостный день», — так думал Фамир темной, безлунной ночью, под чужим небом, на чужой земле. Но чьи-то шаги нарушили мысли Фамира. Он стал прислушиваться и уловил едва слышный звон цепей. К нему подошел Саксафар, один из лучших сотенных Миромира. Саксафар сообщил добрую весть. Рабы, посланные в ближнее селение грузить камень для крепости, вернулись без Кидрея. Они сказали, что он бежал. Есть надежда, что он первым

вернется в родные степи. Фамир подружился с Кидреем и теперь радовался доброй вести.

— Как ему удалось бежать? — спросил Фамир. — Охрана так велика!

— Он работал в стороне от других, — рассказал Саксафар. — Его охранял только один воин, всегда готовый настичь стрелой беглеца. Кидрей работал. Когда же воин присел, положив лук у своих ног, Кидрей бросил в него камень. Воина нашли с пробитой головой, а Кидрея нигде не нашли.

— Порадуемся за Кидрея! — воскликнул Фамир. — Если его не поймали и не казнили при всех саках, значит, он скрылся и жизнь его спасена.

— Зато нас будут теперь охранять еще строже, — вздохнул Саксафар. — Кидрею удалось, а нам вряд ли теперь удастся.

— А мы будем готовиться к побегу, — говорил Фамир. — Мы должны радоваться за Кидрея и не завидовать ему.

Когда ушел Саксафар, Фамир мысленно перенесся в родные степи и представил себе, как встречают вернувшегося Кидрея и как Зарина расспрашивает брата о Фамире. Он представил себе Зарину с горящими гневом глазами, она требует у старого Миромира немедленно собрать всех воинов и пойти походом против Дария. Ему казалось, что он слышит звонкий голос Зарины.

«А что же будет с Голубым Цветком? — подумал Фамир. — И зачем только отец привез ее! Никому не нужна, бедняжка, никто не станет о ней заботиться, а ведь это игрушка, дитя, она не может жить без чужой заботы». Она пела ему нежные и печальные песни на непонятном языке и так заботливо подавала угощения! Жаль ее, но душа не стремится к ней. Если бы он вдруг очутился в родном шатре, он бы подарил этой маленькой принцессе десяток добрых коней и отправил ее домой, в царство Чжоу. А отец каков! Всю жизнь был скаредным, а тут ничего не пожалел: отослал дары в Чжоу, лучших коней. А куда везли этот Голубой Цветок, он так и не узнал. Служанка все твердит — «гуйфан»... А кто они, эти кочевники гуйфан? Хорошо, что не погнались за стариком и не стали мстить за увезенную принцессу. А почему не мстят? Забыли о принцессе? «Да нет, не забыли, — подумал вдруг Фамир, — они и сейчас не знают

о том, что она прибыла. Ведь отец захватил ее со свитой на пути к кочевникам, живущим на границе с Чжоу. Они все еще ждут принцессу». Фамиру вдруг все это показалось смешным, когда он вспомнил, как собственный отец, прищелкивая языком, рассказывал ему о том, что его дожидается цветок из далекого царства Чжоу. Каков старик: не пожалел для принцессы нового шатра, согласен для нее нянек иметь, только стали бы говорить в степи о знатности сына. Смешной старик!

«Куда ее теперь девал отец?» — размышлял Фамир. Теперь, когда он сам очутился в неволе, было удивительно, как ему прежде не пришло в голову отвезти принцессу обратно. Он ведь знал, что никогда не женится на ней.

Вспоминая свой дом, родную степь и поход, когда он был свободным воином, Фамир забывал о страшной жизни невольника. Может быть, стоит ему открыть глаза, и он окажется на свободе в родной степи, где весело ржут кони среди зеленых благоуханных трав? Но вот он шевельнул ногой — и звон цепей напомнил ему о действительности. Но почему так тяжки цепи и тело ноет, а руки устали? Фамир провел рукой по лицу: чужое лицо... не гладкое, как прежде, а словно в каких-то болячках. Он провел рукой по бедру — то же самое. Беспокойство закралось в душу. Что же это такое? Не от скверной ли воды? Когда они таскали камни из каменоломни, ему пришло в голову окунуться в какой-то ручей, протекавший вблизи. Он изнемогал от зноя, а вода там была ледяная. Он еще напился этой воды...

Когда рассвело, Фамир увидел, что и руки его сплошь покрыты болячками. Тело ныло, а лицо горело. Как только проснулись саки, он спросил их, что бы это могло быть. Никто ничего не смог ему сказать. Решили попросить у охранников целебной настойки. Охранник сам принес настойку, налил в глиняную чашку, протянул ее Фамиру, но, когда увидел его красное, в болячках лицо, попятился и закричал:

— Гоните прочь прокаженного сака! Забросайте его камнями! Он погубит нас!

— Остановитесь! — закричал старик охранник. — Если мы убьем его, нам же прикажут хоронить прокаженного.

Воцарилась тишина.

Охранник замахал руками и убежал. Вскоре собрались все охранники, и тут Фамир понял, что с ним случилось что-то страшное.

— Гоните его в пустыню, к шакалам! — кричали охранники, перебивая друг друга. — Пусть идет куда хочет! Скоро у него отвалятся руки, потом ноги. Он сгниет как падаль. Даже шакалы отвернутся от него. Пусть идет!

Саки, которым слово «прокаженный» ничего не говорило, с ужасом слушали выкрики охранников.

— Ты бы пожалел человека и снял с него цепи, — осмелился сказать Саксафар одному из охранников. — Как же он пойдет в цепях? Да и тебе они пригодятся для другого раба.

— Молчи, сын змеи! — закричал охранник. — Не учи людей, коли разума не имеешь! Только безумец может прикоснуться к нему. Теперь уже никогда никто не снимет с него цепей.

Фамир слушал все это в каком-то забытьи. О нем говорят, как об умершем. Что же с ним случилось? Разве рабство — это не высшая кара, какая может быть послана небом? Разве голод, холод, жажда и муки бесправия — это еще не все, что суждено испытать человеку? Он сгниет заживо. И если кто-либо подойдет к нему, чтобы снять с него цепи, то сам погибнет.

— Сними с него цепи! — стали кричать саки. — Или дай нам это сделать!

— Вы не подойдете к нему, иначе я вас всех прикончу на месте! — закричал старший охранник. — Будь моя воля, я бы каждого из вас проткнул копьем. Кто знает, может быть, все вы теперь прокляты богом. Ступайте отсюда сейчас же!

Саки столпились и стали о чем-то перешептываться. Потом Фамир увидел, как они складывают в мешок выданную им на день еду.

— Теперь вы разойдетесь и дадите дорогу прокаженному! — закричали охранники, подняв свои плети. — Иди, проклятый небом и солнцем! Уходи подальше отсюда!

Фамир пошел. Но куда идти? Где найти укрытие? Как прожить одному в чужом, неведомом краю? Теперь он уже не может вернуться в родные степи. Теперь уже нет нужды стремиться к Зарине. Все потеряно! Все кончено!

Он обречен! Он погибнет вдали от людей. За что все это? Куда он идет?

Его нагнал Саксафар. Он протянул ему мешок с едой и сказал, что снимет с него цепь.

— Не подходи! — закричал Фамир. — Ты погибнешь, прикоснувшись ко мне, я проклят богом!

— Я сниму цепь, — сказал Саксафар, хватая цепь, которой были скованы руки Фамира. — Мы все решили, что кто-нибудь должен освободить тебя от оков. Я взялся. Я должен!

— Не прикасайся! — кричал Фамир. — Я обречен на гибель, пусть уж остаются оковы, все равно...

— Не говори так, брат Фамир. Ты еще узнаешь радость: мы добудем целебных трав, мы не оставим тебя. Не мешай мне... Трудно разорвать эту бронзовую цепь. Как крепко она сделана! Ну-ка, пойдем подальше к пещере. Там есть камни, попробую я камнем разбить ее.

— Зачем же ты губишь себя? — спрашивал Фамир. — У тебя сын растет и молодая жена ждет тебя в твоём шатре.

— Я не верю охранникам, будь они прокляты! Не будем страшиться, Фамир. — И Саксафар стал камнем разбивать крепкие оковы. Ему удалось в одном месте разорвать цепь, и тогда Фамир стал ему помогать. — Иди в пещеры, вблизи которых мы брали камни, — говорил Саксафар. — Мы будем по очереди приносить тебе еду. Ты не умрешь с голоду.

— Я все равно погибну, — сказал Фамир. — Не губите себя. Для вас еще настанет день освобождения, я верю, а для меня ничего уже не будет на земле. — Фамир отвернулся.

— Возьми нож, я стащил у охранника, — шептал Саксафар. — Он не видел, как я ушел к тебе. Сделаешь себе лук. Стрелы мы добудем тебе. Жди нас в пещере. Фамир молча поклонился другу.

— Ты сделал для меня больше, чем мог бы сделать родной отец. Ступай, чтобы тебя не поймали и не избили. Берегись, как бы и тебя не коснулось это проклятье. Пей настой из трав. Я буду молить богов о твоём спасении, Саксафар.

— Иди, Фамир, мы не забудем тебя. Может быть, болезнь покинет тебя и ты уйдешь в родные степи. Тогда

передай сакам, что мы живы и ждем освобождения... Я пойду...

— Погоди... Ты видел когда-либо прокаженного? — спросил Фамир. — Посмотри на меня. Так ли выглядит прокаженный?

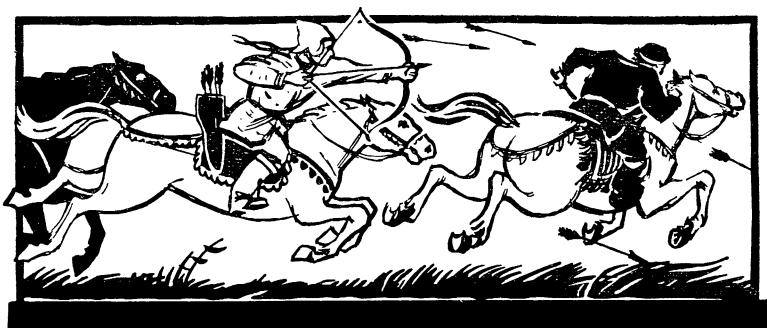
— Я никогда не видел прокаженного, — отвечал Саксафар. — Никто из нас не видел. А охранникам я не верю. Хоть здесь часто встречаются прокаженные, но они могли соврать, чтобы запугать нас. Беда пришла. Иди, Фамир. Может быть, дойдешь до родных степей. Ты на свободе!

— Такая свобода хуже неволи! Зачем же я пойду в родные степи? Чтобы принести проклятие сакам?

Они расстались. Фамир пошел по знойной, пыльной дороге, едва волоча ноги. Еще вчера ему показалось бы счастьем освободиться от цепей, а сейчас он свободен, но еще более несчастен. Проклятье, что легло на его плечи, уже никогда не покинет его. Как же ему жить? Он не может приблизиться к людям. Его забросают камнями.

«Саксафар сказал про пещеры. Пойду туда, — подумал Фамир. — Он дал мне нож. Я сделаю лук. Попробую выточить стрелы из камня. Друзья дали мне еду. Хватит на несколько дней. Им сегодня трудно придется... А Саксафар каков! Что будет с ним? И у него отвалятся руки?! Из-за меня... Нет! Нет! Небо, солнце, ветер, вода, земля, всех вас призываю: помогите несчастному! Сделайте так, чтобы это не было проказой! Сделайте! Сделайте!»

Фамир бросился на пыльную дорогу и завыл.

«ГРЕКИ НАЗВАЛИ БЫ ВАС АМАЗОНКАМИ»

Расскажи про Персиду! А как выглядят простые персиянки? Там были женщины других племен? А ты видел царский дворец? На каждом привале, как только наступала минута блаженного отдыха, Ишпакая засыпали вопросами. И чем больше он рассказывал о жизни персов, тем больше появлялось вопросов, тем больше хотелось узнать.

Спаретра очень любила рассказы о добром и чутком человеке из далекой Греции, который помог Ишпакаю бежать.

— Расскажи о человеке с орлиным носом и добрым сердцем, — просила она.

И тогда Ишпакай снова вспоминал дни, проведенные с благородным греком, их случайные встречи, горести и радости, которые они делили под чужим небом.

— Он был человеком мудрым и знающим, — вспоминал Ишпакай, — но сам о себе говорил, что знания его ничтожны и потому учиться нужно каждый день и каждый

час. Он много рассказывал о разных племенах и народах, но еще больше расспрашивал. Все его занимало. Ему хотелось знать, как живут саки и какие у них обычаи, как мы лечим коней и как воюем. И больше всего любил спрашивать о женщинах сакского племени.

— Он хотел знать, красивы ли сакские женщины? — допытывалась Спаретра.

— Вовсе нет. Он был уверен в том, что вы красивы, но ему хотелось знать, правду ли рассказывают о женщинах кочевых племен. Греки говорят, будто сакские женщины так горды и неприступны, что сами саки их боятся. Что все они всадницы и отличные воительницы, но свои полчища ведут отдельно от мужчин, потому что к мужчинам относятся враждебно. О них говорят, будто им ничего не стоит завоевать целые города. А живут они в степи и не признают даже шатров. Одеваются в звериные шкуры, а едят дикие корни и пьют кобылье молоко. Этих женщин они зовут амазонками.

— Что же ты ответил ему? — Глаза Зарины загорелись лукавыми огоньками.

— Что ответил? Сказал, что женщины у нас и гордые и смелые, но своих полчищ не имеют, а вместе с мужьями и братьями защищают свои земли. Сказал, что кумыс они пьют, но и похлебку варят. А одежду любят из пестрых заморских тканей, какие носят самые знатные персиянки. А что к мужчинам они враждебны и живут одни в степи, это, говорю, выдумка самая несправедливая.

— Зачем же нам уединяться и враждовать с мужчинами, — вмешалась Зарина, — когда саки не имеют привычки обижать нас? Наоборот, нам оказывают всяческое почтение. Что ты ему сказал, Ишпакай?

— Я сказал, что не знаю, как в Греции, а у нас и женщину-вождя встретишь в степи. И если она вождь племени, то почести ей оказывают даже старейшины рода. А вас бы он назвал амазонками, — заключил Ишпакай. — Да, пожалуй, и верно бы назвал. Ведь вы ушли своим отрядом, без мужчин, и сами хотите сокрушить столицу Персиды. — Ишпакай шутливо подмигнул Спаретре.

— Хотелось бы мне сокрушить столицу Дария, — сказала Зарина уже серьезно, — только полчище мое столь малое, что подобно горсти песка в пустыне. Амазонки!.. Я так и назову вас, девушки. И, хоть мы не воюем и одежда на нас не из шкур звериных, мы чем-то похожи

на тех женщин-воительниц, о которых греки рассказывают сказки. Как ты думаешь, Ишпакай?

— Так помните же, девушки, отныне вы — амазонки! — смеялся Ишпакай. — Только никому не говорите о том, что намерены выручить из плена своих женихов и братьев. Пусть лучше о вас рассказывают небылицы.

— Хоть он и благородный грек, а плохо о нас думает, — сказала с обидой Спаретра. — «Живут где попало, одеваются в звериные шкуры...» Пусть бы посмотрел на наши шатры и праздничные одежды! Пусть бы увидел, как стараются нам угодить наши мужья и братья! И сами сакские женщины достойны доверия.

— Вот если бы он знал о жене сакского царя Аморга, которая спасла своего мужа, — сказала Мирина, — он бы не говорил таких слов. Все знают, что Аморг был обречен на смерть и персидский царь Кир казнил бы его, если бы отважная жена не собрала великое войско и не повела против Кира десять тысяч женщин. Она не побоялась пойти в столицу Персиды. Она освободила мужа.

— Да и ты, Зарина, названа по имени отважной и мужественной царицы, — вспомнил Ишпакай. — И она умела воевать, а прославилась не звериными шкурами, а красотой и благородством своим. И хоть давно все это было, а до сих пор живет молва о том, как богаты были ее одежды и колесницы.

— То были цари и было у них воинство превеликое, — заметила Зарина, — а у нас только и есть по коню с попоной да по луку с колчаном. А уж если мы амазонки, то поскачем лихо вперед, и пусть встречные попробуют с нами сразиться!

— Чем не амазонки? — пошутил Ишпакай. — Только куда ты спешишь? Ведь стадо отстанет и есть нечего будет.

— А мы охотой добудем себе пищу! Скорее в путь! Нечего тратить время!

Три дня отряд Зарины неся по караванным дорогам Хорезма, не зная устали. Девушки не задерживались на привалах. Покормив коней, они снова мчались вперед.

Ишпакай спорил, уговаривал не торопиться, но Зарина упрячилась и переубедить ее было невозможно.

На четвертый день Зарина полезла в мешок за едой и призадумалась. Там оставалось только немного овечьего сыра и остатки сухой лепешки.

— Что же мы будем есть? — спросила Спаретра.

— Надо добывать пищу, — ответила без смущения Зарина. — Вот там вдали река, поспешим туда. Там и рыбу добудем и дичь набьем.

— В самом деле! — обрадовались девушки.

Поздним вечером отряд спешил к устью реки. Уже было темно. Как тут рыбу добывать? Съели остатки лепешек и стали устраиваться на ночлег.

— Можно было бы зайти в селение за припасами, — говорил Ишпакай Зарине, — да менять нечего. К тому же мы никогда не знаем, как нас встретят.

— Дождемся утра, — предложила Зарина. — Если богиня сжалится над нами, то пошлет нам добычу.

С этими словами Зарина сняла с шеи амулет, подаренный ей матерью, и, зажав его в руке, призвала милость богини.

Зарина проснулась от криков. Уже светало. Девушки толпились у реки, и к ним с визгом бежала Спаретра.

— Что случилось?

О чудо! Река, которая вчера еще плескалась в зеленых берегах, была без воды, а на дне ее барахтались громадные сомы.

— Хватай и ешь! — кричали девушки.

Они тут же разожгли костры, и рыба зашипела на горячих углях. Наелись досыта, сделали запасы на дорогу, а потом только стали изумляться этому чуду.

— Как же это случилось? — спрашивал Ишпакай.

— Попросила богиню! — И Зарина протянула Ишпакаю амулет — маленькую сердоликовую рыбку.

Хвостик рыбки был просверлен, и в дырочку продета тоненькая нитка.

— Так вот почему река дала нам свои щедрые дары! — воскликнул Ишпакай. — Вот это амулет! Храни его, Зарина!

— Твоя мать, должно быть, принесла щедрую жертву солнцу и воде, — сказала Спаретра, рассматривая крошечную сердоликовую рыбку.

— Скорее в дорогу! — торопилась Зарина. — Не будем тратить время.

— Когда же нас догонят пастухи? — рассердился Ишпакай. — Подождем их здесь.

— Не будем ждать!

Что-то мешало Зарине прислушаться к голосу благого разумия. Какой-то бес внутри ее заставлял делать то,

чего вовсе не следовало делать. Зарина понимала, что если бы не дары доброй реки, то все сто девушек, которые последовали за ней, остались бы сейчас голодными. Но удача придавала ей еще больше уверенности и как бы поощряла непокорность.

— Не будем ждать! — крикнула Зарина и вскочила на коня.

— Марды! Разбойники! Стреляйте! — закричал вдруг Ишпакай.

Мигом девушки вскочили на коней и, натягивая луки, поскакали навстречу неизвестным всадникам. С криком и свистом приближался к амазонкам большой отряд. Кто-то из девушек пустил меткую стрелу. Скачущий впереди всадник вздрогнул и съехал от боли. Стрела впиалась ему в правое плечо и заставила выронить лук с заправленной стрелой. Всадник с яростью вырвал скифскую стрелу и, обливаясь кровью, стал целиться в Зарину. Марды с яростью обстреливали амазонок. Зарина приказала девушкам рассыпаться по степи и окружить мардов, их было вдвое меньше. Амазонки, прикрываясь щитами из крепкой воловьей кожи, стали окружать разбойников. А те кричали и угрожали всех истребить.

Стрела, посланная Спаретрой, ранила предводителя мардов, тот с трудом удержался на коне. Но вот свалилась лошадь под Спаретрой, чуть не придавив всадницу. Ишпакай, низко пригнувшись к лошади и словно слившись с ней, помчался к реке, призывая на помощь девушек, оставшихся там.

Амазонки изрядно пострадали, но скифские стрелы сделали свое дело. Разбойники с проклятиями понеслись прочь, оставив тех, кто пострадал в битве. Амазонки пустились было в погоню за мардами, но вдруг Зарина поняла, что те трусились, и придержала коня.

— Вот они каковы, бесстрашные марды, ненавистники женщин! Если бы мы не были в мужской одежде, то плохо бы нам пришлось. Они бы ни за что не ушли.

Девушки бросились на помощь к пострадавшим, стали поить их целебным отваром, перевязывали раны. Но две молоденькие амазонки, которые впервые покинули родные шатры, были убиты.

— А что будем делать с ранеными воинами-мардами? — спросила Спаретра. — Пятеро разбойников убиты, а десять — ранены. Слышите, как стонут?

— Их бы надо было оставить в степи, — сказала Зарина. — Пусть бы их волки разорвали на части. Только не будем оставлять. Не могу слышать стоны беспомощного человека. Дайте им целебных трав и еды. Пусть живут. И пусть разнесут по степи весть о благородстве саков.

Весь день прошел в заботах о раненых. Еще надо было с почетом похоронить девушек-амазонок. А когда уже поздней ночью собрались у костра и стали поглощать запасенную утром рыбу, Зарина призадумалась над случившимся. Она поняла, что нельзя разбивать отряд. Нельзя оставлять где-то в пути стада и коней. Ведь такой отряд мардов может отобрать у них табуны, угнать овец. И зачем они тогда отправились отрядом в двести всадников? Не для того ли, чтобы в пути иметь защиту?

Ишпакай сидел молча, не проронив ни слова.

— Вернемся, встретим своих, — предложила ему Зарина. — Боюсь, не угнали бы наших коней. Ведь без коней мы не спасем своих пленников.

— Ты права, Зарина. Душа изныла в тревоге. Были бы мы вместе, тогда марды не осмелились бы напасть на нас. Если будем целы и невредимы, то принесем в жертву солнцу хорошего коня.

Всю ночь отряд шел обратно по знакомой дороге, но только через сутки они встретили своих. И так радовались тому, что марды не похитили стадо, не увели коней! Прежде чем двинуться в путь, принесли щедрую жертву солнцу. Однако на этот раз решили обойти то место в степи, где встретились с мардами. Никто не знал, может быть, их кочевье совсем близко. А слава о них шла самая дурная: «мард» означало «разбойник». На караванных путях нередко говорили: «Берегитесь мардов. Если разграбят караван — это еще полбеды. Могут убить. Они частенько убивают в надежде пожить чужим добром».

Зарина не могла спокойно слышать эти разговоры. «Убить, чтобы ограбить?» Ей не верилось, что есть такие люди на свете. В кочевьях у саков никогда не убивали ради наживы. Убивали из мести.

Отряд уже собрался в путь, когда у повозки Зарины вдруг появился человек. Он был в рваной одежде персиянина и так изнурен дальней дорогой, что, казалось, еле стоит на ногах.

— Кто ты? — спросила Зарина. — Ты голоден? Садись у костра, мы тебя накормим.

— Зарина, ты не узнаешь родного брата?!

— Кидрей!

Зарина бросилась обнимать Кидрея.

— Откуда ты? Где наши саки? Как ты попал сюда? Поистине свершилось чудо! Ты на свободе!

Амазонки в изумлении слушали рассказ Кидрея о его побеге, о том, как он скитался без еды и без оружия. Как трудно ему было в пути! Ведь каждый день, каждый час он мог встретить воинов Дария. А тогда снова плен и цепи рабства.

Кидрей с жадностью поглощал мясную похлебку и быстро проглатывал куски баранины. Но, поев досыта, он совсем ослабел и вскоре уснул. Однако из всего услышанного амазонки поняли, что следует держать путь в Сузы, а не в Персеполь, куда стремилась Зарина со своим отрядом. Кидрей не знал, остались ли на старом месте его братья-саки, но если они по-прежнему строят дворец, если их не угнали, то следовало их искать вблизи Суз. Кидрей только опасался, что охрана будет усилена и трудно будет вызволить пленников.

Кидрей на свободе. Но может ли он вернуться в Персиду с отрядом Зарины? Не лучше ли ему поспешить домой, в долину Яксарта? Зарине очень хотелось, чтобы Кидрей был с отрядом. Однако Ишпакай, испытывший все страхи в пути, когда сам был беглым рабом, настаивал на том, чтобы отправить Кидрея домой. И, пока Кидрей отдыхал после сытной еды, ему уже снарядили коня и выделили провожатых. Три девушки, раненные в битве с мардами, не могли участвовать в походе и вместе с ним возвращались домой.

— Кидрей пригодился бы нам в походе, — говорил Ишпакай, — однако ему опасно возвращаться в Сузы. К тому же он так истощен, что силы не скоро вернуться к нему. Пусть едет домой. Он и тем облегчил нам путь, что дал верное направление. Теперь мы знаем, что должны идти в Сузы.

И они распростились с Кидреем. Кидрей возвращался с доброй вестью. Ведь он смело мог сказать, что удача сопутствует отважным сакским девушкам.

— А жив ли Фамир? — спросила Зарина, прощаясь с братом.

— Фамир жив. Все братья, кто смог преодолеть голод и тяжкие недуги, надеются на спасение.

В ПЕЩЕРАХ ПЕРСИДЫ

Скоро Экбатаны! — сказал Ишпакай, увидев вдали зубчатые стены крепости. — Вот прекраснейший из городов Мидии. Недавно его превратили в столицу Персиды. Но что всего удивительнее — вот эта дорога. Это царская дорога.

— Царская? И ты не боишься? — удивилась Зарина.

— Здесь не страшно. Смотри!

Они вступили на дорогу, какой в самом деле никто никогда не видел. Это была широкая мощеная дорога. Через речки и овраги были переброшены мосты, то и дело попадались жилища, которые ждали царских путников.

— Это царская дорога, — сказал Ишпакай, — по ней идет в поход персидское войско.

— Здесь едешь, как на праздник, и конь скачет втрое быстрее! — восхищалась Зарина.

— Не скачет, а летит! — добавила Мирина.

— Посмотри, Ишпакай! — закричала в испуге Спартетра. — Я вижу воинов с копьями в руках. Беда! Не в добрый час мы пришли сюда!..

— Эти воины не тронут.

Ишпакай спокойно остановил коня и велел всему отряду расположиться на отдых вблизи колодца.

— Эти воины охраняют дорогу от разбойников, — пояснил Ишпакай. — Я давно говорил вам, что, когда придем на царскую дорогу, можно спать спокойно, никто не ограбит, не обидит. Здесь только разбойникам худо. Поглядите на того безрукого, вон идет по обочине, с рваной сумой. Он хотел пожить на большой дороге и лишился руки. Тут можно встретить и безногих, и безглазых: охранники не щадят провинившихся, их тут же наказывают. Это самая безопасная дорога на свете.

— Для кого же она сделана? — любопытствовала Мирина.

Впервые она видела дорогу, которая была сделана человеческими руками, и это удивляло ее. Сколько людей здесь трудилось!

Ее удивляло на этом длинном и незнакомом пути. В далеком кочевье, где она прожила свою жизнь, никто не умел строить каменные стены и башни, воздвигать мосты, сооружать дворцы и крепости.

А Ишпакай, радуясь тому, что он знает больше других, рассказывал, как много рабов потрудились на царских дорогах Персиды, чтобы вестовые могли доставлять Дарию важные сообщения так же быстро, как это сделали бы птицы.

— Смотрите, девушки! — закричал Ишпакай, увидев двух всадников, которые неслись подобно урагану на взмысленных конях. — Смотрите, вот они, вестовые! Они остановились у дома царских путников и передают кожаную сумку другим вестовым. Их дожидались здесь со свежими лошадьми. Взяли сумку и вот уже летят дальше...

Девушки смотрели, разинув рты. Уже понеслись! Да эта сумка долетит быстрее, чем ее доставили бы журавли! Вот она какая, царская дорога!

Зарина вместе с другими смотрела вслед всадникам до тех пор, пока они не превратились в темную точку.

— Теперь я понимаю, для чего Дарий велел угнать наших братьев, — промолвила Зарина. — Он повсюду строит такие дороги. Ему нужны люди. Хитер и коварен царь Персиды! Он умен, если догадался...

— А сколько мудрецов думают за него! — рассмеял-

ся Ишпакай. — Ему ум не нужен, за него другие думают. А вот коварство ему пригодилось. Нужно быть коварным и хитрым, чтобы подчинить и удержать в своих руках тысячи и десятки тысяч покоренных чужеземцев. Так думает моя дурная скифская голова.

— Голова твоя скифская, но не дурная, — вмешалась Спаретра. — Ты набрался ума-разума на чужбине и все это не растерял, а принес своим сакам. Зачем бранить такую голову?

Спаретра была уверена, что умнее и красивее Ишпакай нет человека на свете. Она гордилась своим Ишпакаем.

Но вот амазонки подошли к Экбатанам, и взору их представился дворец дивной красоты. Сверкали на солнце крыши из золотых и серебряных черепиц. Вокруг дворца поднимались зубчатые стены крепости. Семь зубчатых оград окружали дворец. Зубцы первого круга стен были белые, второго — черные, третьего — пурпурные, четвертого — темно-синие; и так были расцвечены все семь оград. А когда они подошли близко к стенам дворца, то увидели причудливые портики с колоннами, обложенные золотыми и серебряными пластинами, повсюду сверкали украшения из драгоценных пород дерева. Рядом с дворцом стоял храм. Он имел множество колонн, увенчанных золотыми капителями. Вокруг раскинулись строения большого, красивого города, а на севере виднелись вершины гор, покрытые лесами.

— Вот оно, чудо красоты! — воскликнула изумленная Зарина. — Может ли быть на свете что-либо прекрасней?

— Я видел дворцы в сто раз красивей! — ответил Ишпакай.

Но и сам он призадумался над своими словами. Теперь и ему стало казаться, что Экбатанский дворец превосходит своей красотой и богатством пышные дворцы царей Персиды.

Амазонки быстро двигались по царской дороге. Уже недалеко были границы Персиды. И все же Зарина была озабочена. Каждый раз, когда она замечала вдали царских воинов, охраняющих дорогу, ее охватывала тревога, и она заставляла весь отряд двигаться быстрее.

— Боюсь, что они узнают в нас кочевников-саков, — говорила Зарина подругам.

— Не узнают они нас, — спорила Спаретра. — Как могут узнать, когда на нас одежда мидийцев? Если бы мы шли в своих остроконечных шапках, тогда бы нам плохо пришлось. Ишпакай был прав, когда еще на землях Бактрии велел снять шапки и спрятать их подальше. Здесь нам не следует показывать, что мы саки. Здесь надо приноравливаться, притворяться...

— Трудно притворяться, — вздыхала Зарина. — Непривычно! То ли дело у себя, в степи! И в поход мы ходили открыто — пошли саки воевать, вот и все! Тут надо думать о хитрости, а душа к этому не лежит.

— Тогда иди и кричи: «Я дочь Миромира, я из племени саков, берите меня!» — сердилась Спаретра.

Она понимала, что Зарине трудно притворяться. Но ведь вся хитрость была на этом построена. И чем ближе к цели, тем больше надо помнить об этом.

«Отважна, но молода. Боюсь, как бы не выдала себя», — опасалась Спаретра.

Но Ишпакай был спокоен. Он верил Зарине. К тому же он имел случай не раз убедиться в том, что девушка не растеряется в трудную минуту.

— Умна! — говорил Ишпакай. — Недаром ведь дочь вождя, отважного Миромира. Настанет трудный час, и она себя покажет. Это гордость не позволяет ей притворяться и покоряться. Да и верно она думает: зачем носить одежду людей чужого племени, когда можно гордиться своим. Как подумаешь, так поймешь, что права наша Зарина, хоть кровь и кипит в ней чрезмерно. Миромир говорил: «Смотри, Ишпакай, не давай Зарине воли во всем, молода она». А я думаю: «Разумна — дам волю!»

* * *

— Где же пещеры? — спрашивала Зарина, когда отряд амазонок приблизился к границам Персиды.

— Вот по ту сторону перевала, за той горой, — говорил Ишпакай, — есть пещеры, там мы отдохнем от долгого пути. Там есть подземные дворцы, сделанные добрыми волшебниками. Люди не могут создать такое своими руками. Когда я прятался в этих пещерах, я думал, что век не покинул бы их, если бы душа не стремилась в родные степи, к тебе, Спаретра.

— А я думала, что только моя душа стремится к тебе, Ишпакай, — смеялась Спаретра. — А может быть, мы теперь останемся здесь, в подземном дворце?

— Теперь мне уже не хочется оставаться во дворце доброго волшебника, теперь я хочу скорее освободить своих братьев-саков, а потом вернуться в родную степь и уйти с табунами резвых коней на дальние пастбища, послушать, как весело ржут жеребята в лунную ночь, как щебечут птицы на рассвете, птицы наших вольных степей.

— А разве здесь другие птицы? Или ты думаешь, что и птицы принадлежат царю Персиды? — спрашивала с улыбкой Зарина.

— Не все. Есть у Дария заповедники, где он охотится. Там собраны самые диковинные звери и птицы. И охотиться может там только царь.

Перевал преодолевали с трудностями. Повозки пришлось разобрать и навьючить на коней. Медленно спускались по извилистым тропам. Пешие держались за хвосты лошадей, чтобы не свалиться в пропасть. Длинной цепью растянулся отряд. А за ним следовали пастухи со стадами.

За перевалом в самом деле нашли несколько небольших пещер. Стали еще искать среди диких зарослей и набрали на огромную пещеру. Проход, вначале узкий, дальше расширялся, и путники очутились в просторном, почти круглом помещении. В пещере было темно. Тотчас же зажгли костер.

— Вот где мы можем отдохнуть! — воскликнул радостно Ишпакай. — Посмотрите, здесь сохранились остатки костров и разбитые глиняные горшки. Здесь были люди!

— Вот как хорошо! — обрадовались девушки.

Они устали от долгого пути, и мысль о том, что можно наконец укрыться от знойного солнца, от песчаной бури и непогоды, обрадовала их. С веселым смехом девушки стали раскладывать свои пожитки. И вдруг над ними зашуршали крыльями летучие мыши.

— Здесь живет страшный колдун! — закричала Спаретра. — Уйдем отсюда. У него сотни могучих крыльев, он может унести нас с собой.

— Если бы знать, какой это колдун, — добрый или злой! Хорошо бы здесь остаться...

Девушки вытаскивали свои мешки. Им понравилась просторная пещера.

— А может быть, колдун добрый? — сказала робкая Мирина.

Она была менее суеверной, чем ее подруги, и готова была остаться в этой пещере, если ей пообещают, что колдун не тронет их.

Вскоре нашли другую пещеру, в которой все разместились, и тогда стали прикидывать, далеко ли еще до Суз.

Ишпакай объяснил, что Сузы в нескольких днях пути и что сейчас уже пора решить, кто пойдет в столицу Персиды, потому что остальным следует остаться в этих пещерах и ждать.

— Сделаем так, как задумали, — предложила Зарина. — Я облачусь в одежду знатной мидийки, а девушки будут сопровождать меня. Позади, словно не зная нас, поедет Ишпакай. Если с нами стряется какая-либо беда, он вернется сюда и тогда вы поспешите к нам на выручку. Не знаю только, много ли прислужниц следует взять, чтобы не обращать на себя внимание персов.

— Если вместе с тобой поедет двадцать девушек, то это никого не удивит, — сказал Ишпакай. — Только выбирайте самых лучших коней и надевайте самые лучшие одежды. Помните, что вы из богатого дома и что отец Зарины — сборщик податей в Маргиане.

— О, я никогда еще не была в таком нетерпении! — призналась Зарина Мирине. — Пока мы шли сюда трудным путем и каждый день ждали нападения разбойников, я думала о Сузах, но не боялась, а сейчас, когда Сузы уже близко, страх холодит сердце...

Зарина примеряла свои одежды.

— Как я выгляжу? — спрашивала она. — Похожа ли на дочь богатого человека?

— Одежды богатые, — говорила Спаретра, рассматривая затканное серебряной нитью покрывало. — Ну-ка, попробуй накинь его. Да сережки не забудь, у тебя были золотые подвески с изумрудами.

— Ох, беда, — стонала Зарина, — не лезут мидийские башмаки. Что же делать? Я их не примеряла. Пропала я! Что делать?

— Ты погоди. Возьми-ка свои бисерные башмачки. Разве они плохи?

— И то верно. Возьму с собой бисерные башмачки,

а пока в дорогу пригодятся мои старые сапожки. Мать так усердно расшивала их для меня.

Сборы были долгими. То одно не ладилось, то другое. Ишпакай был строг и каждую девушку осматривал, словно отбирал их для царского дворца.

Наконец-то все готово! Можно отправляться в путь. Ишпакай посмотрел на свиту Зарины и кивнул одобрително. Девушки поверили ему, когда он сказал, что подобной свиты не встречал даже у женщин царского дома. Зарина выбрала самых красивых и нарядных девушек. У каждой были какие-нибудь украшения: серьги, браслеты, перстни так и сверкали на солнце. У каждой шелковая с бахромой накидка.

— В добрый час! — кричали подруги.

— В добрый час! — отвечала им Зарина. — Выручайте, если попадем в беду!

Кони умчались.

Стада паслись на лугах вблизи границ Персиды, а саки стали дожидаться возвращения Зарины в пещерах.

— Мы будем ждать вас! — кричала на прощание Спаретра, оставшаяся за старшую.

Спаретра велела пригнать коня, надо было принести жертву восходящему солнцу, вымолить удачу.

* * *

— Как ты думаешь, почему они рассматривают нас, словно мы диковинные звери?

Зарина с беспокойством обращалась к своей верной подруге Мирине, которая повсюду следовала за ней, как тень. Всегда робкая и нерешительная, Мирина удивительно хорошо умела ладить с Зариной. Может быть, потому, что всегда молча выслушивала и восторженные восклицания Зарины, которыми та встречала необычное на своем пути, и жалобы, которые невольно прорывались в минуту отчаяния. Как девушка ни храбрилась, но ей трудно было скрыть свой страх перед неизвестным. И нередко тяжкий вздох говорил Мирине о том, как тревожно на сердце у Зарины, — так же тревожно и беспокойно, как у двадцати ее спутниц.

Отряд Зарины держал свой путь в Сузы.

— Не люблю, когда таращат глаза и что-то говорят обо мне тайком! — жаловалась Зарина.

— А разве ты не слышала, что сказала вот эта старуха своей молодой спутнице? — спросила Мирина.

— Не слыхала.

— Она сказала: «Смотри, вот знатная принцесса, у нее все седло из чистого золота...»

— Так и сказала? — Зарина радостно рассмеялась.

— Могу поклясться жизнью моего коня, — уверяла Мирина, — так и сказала!

— Тогда пусть таращат глаза, пусть говорят, что я знатная принцесса. Мне только это и нужно.

— И эти молоденькие девушки смотрят на тебя, глаз не сводят, — продолжала Мирина, чувствуя, что ее слова, как бальзам, разливаются по сердцу Зарины. — Ты думаешь, здесь много всадниц на таких горячих конях, с такими седлами, в такой нарядной одежде? Сколько ни смотрю, не вижу таких. Ты лучше всех. Не потому ли так приветливо машет тебе рукой вон тот старый богатый перс?

— Может быть, поклониться ему? Нет, не буду кланяться. Я не знаю их обычаев... Жаль, что нет с нами Ишпакая.

Зарина, сопровождаемая своим отрядом, проезжала одно из многочисленных селений, которые были раскинуты на пути в Сузы. Небольшие дома землепашцев, окруженные садами и полями созревшей пшеницы, манили путников. Зарине казалось, что там, в этих домах, все радостны и счастливы. Может быть, потому, что было много детей и повсюду был слышен детский смех.

— Ишпакай говорил, что здесь любят детей и тем персам, которые имеют много сыновей, царь присылает подарки, — вспомнила Зарина. — Посмотри, Мирина, наверное, эта женщина получила царский дар. Сколько детей сидит вокруг костра?

— Восемь, — подсчитала Мирина. — Не знаю, полагается ли ей царский дар или еще нет. К тому же дар присылают за сыновей, а я вижу девочек с косичками.

Отряд Зарины обогнал бедного путника, который вел навьюченного осла. Маленький ослик тащил целую гору соломы и, погоняемый кнутом, все же упрямо останавливался, не желая тащить тяжелую поклажу. Вот прошла женщина с младенцем на руках и с большой корзиной плодов на голове. Пастух погнал к водопою овечье стадо. Оно словно плыло в густом облаке пыли. Захо-

дящее солнце окрасило это облако в розовый цвет, и на мгновение скрылись из глаз дома и пашни.

— Посмотри, — обрадовалась Зарина, — совсем как дома, на Яксарте! Тебе хочется домой, Мирина?

— Что говорить, всем нам хочется домой...

— А мне не хочется, — перебила Зарина, и упрямая складка пересекла ее смуглый гладкий лоб. — Не хочу домой! — повторила она уже с озорством. — Хочу побывать в царстве Дария и посмотреть на те удивительные дворцы, которые снятся Ишпакаю и по сей день.

А Мирина не без грусти заметила:

— Все здесь по-другому, только речь будто наша, хоть и другая, непривычная. Зато дети плачут совсем так же, как у саков, и собаки лают как на Яксарте.

Размышления девушек были прерваны криками слуг, сидящих на запятках богатой колесницы.

— С дороги! С дороги! С дороги! — кричали слуги, возвещая о том, что едет знатный господин.

С грохотом пронеслась деревянная колесница, запряженная тройкой красивых гнедых коней. Люди, идущие по дороге, поспешно сворачивали в сторону, чтобы не попасть под колеса.

Вскоре девушки увидели стены высокой крепости и стражу у ворот.

«Я дочь Мардония, сборщика податей», — повторяла про себя Зарина.

Стражники остановили Зарину и с низким поклоном спросили, кто она и куда следует. Увидев, с какой почти-тельностью кланяются стражники, Зарина поняла, что ей не грозит опасность. Она вдруг почувствовала себя так легко и спокойно, словно находилась дома. Девушка с достоинством ответила, что ей предстоит ждать в Сузах своего отца, Мардония, сборщика податей. Зарина добавила, что отец ее известен самому царю Дарию. И, пропуская отряд Зарины через крепостные ворота, стражники еще ниже кланялись красивой и знатной всаднице.

Когда стража осталась далеко позади, Зарина весело рассмеялась:

— Вот, девушки, наша победа. Победа не в том, что мы у стен Персиды, а в том, что стража Дария поверила нам и приняла меня за знатную госпожу из дальней сатрапии. Теперь я не буду страшиться, если со мной заговорит даже знатный персиянин. Если он удивится то-

му, что мой говор отличен от его говора, я скажу ему, что росла на границе с кочевыми племенами, где говорят иначе.

— Хорошо придумала! — похвалили подруги.

Вся свита Зарины была вовлечена в эту сложную игру, и каждой из ее участниц казалось, что их Зарина непременно выйдет победительницей. Да и как могло быть иначе? Разве Зарина не красива? Разве она отличается чем-либо от тех знатных женщин, которые проезжали мимо них в своих колесницах? Разве одежда у нее не богатая? Какие перстни на пальцах, какие браслеты с головами львов, какая накидка с бахромой из серебряных нитей!

Но вот и предместье города. Все ли хорошо? Как же это она забыла про сапожки! Зарина тут же сняла их и надела расшитые бисером башмачки.

Эти башмачки и привлекли внимание хранителя царских сокровищ, возвращавшегося с охоты со своими слугами. Он отослал вперед своих спутников, а сам приблизился к Зарине.

«Она кокетлива, мила да так ловко держится на лошади, словно всю жизнь только и делала, что скакала верхом, — подумал Артавардий, приглядываясь к Зарине. — И свита у нее недурна... Кто же она? Она мне нравится!..»

— Издалека ли ты, прелестная госпожа? — спросил он, вежливо раскланявшись.

— Издалека, господин. Возможно, что тебе довелось побывать в том краю, где мой отец служит великому царю Дарию.

— Откуда же ты, юная госпожа?

— Знаешь ли ты Маргиану?

— Как же, знаю. Гонцы не раз говорили мне об этой богатой стране. Как мне не знать, ведь я хранитель царских сокровищ, Артавардий. Возможно, ты знаешь мое имя?

— Не слыхала, господин. Ведь я никогда не покидала родного дома в Маргиане. Скоро сюда прибудет мой отец, сборщик податей. Он задержался в пути. Я должна его дожидаться. Отец хотел мне показать, как живут знатные персиянки, хотел купить мне в подарок красивые шелка.

Зарина старалась не смотреть в глаза знатного санов-

ника. Сердце у нее учащенно билось, слова исчезали из памяти «Еще что-нибудь спросит — не отвечу, — думала Зарина. — Только бы скорей оставил меня. Лучше столкнуться с врагом в битве, чем стоять рядом с этим знатным господином».

Артавардию все больше нравилась девушка. Ее открытое лицо, ее скромность и даже наряд — все было ему по душе.

— Я вижу, и в далекой Маргиане знатные персиянки любят одежду мидиек, — сказал он, стараясь завязать разговор. Ему не хотелось уходить от юной красавицы.

А Зарина едва сдерживалась, чтобы не повернуться и не ускакать подальше от знатного господина. Ее смущал его пристальный взгляд, пугала богатая одежда, как ей казалось — достойная самого царя.

— Я тороплюсь, господин, — сказала робко Зарина.

— Не покидай меня, милая девушка, — попросил Артавардий. — Я заменю тебе отца, пока он занят своими делами, я сам покажу тебе замечательные дворцы.

— О нет, господин. Я боюсь гнева моего отца. Он очень строг. Он впервые позволил мне отправиться в далекое путешествие. Я не должна ослушаться его.

— Ты впервые в Сузах, госпожа? Хочешь, я покажу тебе прекраснейший из всех дворцов на свете — дворец самого Дария? Ты увидишь, как он красив и как он богат. Ведь его строили самые искусные мастера, привезенные сюда со всего света. Пойдем же со мной, посмотришь это чудо!

— Господин, я не решаюсь нарушить слово, данное отцу. Я еще успею посмотреть это чудо. К тому же моя свита не должна разлучаться со мной ни на минуту, так воля моего отца.

— Ты послушная дочь. Даже в разлуке ты покорна воле родителя. Только в семье знатного персиянина может вырасти такая дочь. Ты достойна гарема самого Дария.

— О нет, господин! Слишком много чести! Я дочь сборщика податей.

— Чем же я могу порадовать тебя, дочь Мардония?.. Кажется, так зовут твоего отца?

— У тебя хорошая память, господин. Именно так зовут моего отца. Позволь мне удалиться с моей свитой.

— Я не стану тебя задерживать, юная госпожа. Но отпущу тебя с одним условием: завтра ты будешь ждать меня на этом же месте, и я покажу тебе прекраснейший из городов Персиды. Знаешь ли ты, что Сузы были прежде столицей Элама, а теперь — это город персидских царей Ахеменидов?

— Я буду ждать тебя, господин, — согласилась Зарина, радуясь, что может наконец расстаться с ненавистным ей господином. Никогда в жизни ей не приходилось так волноваться.

Артавардий покинул ее, а Зарина призадумалась: продолжать ли ей свой путь в город или остаться за его стенами?

Встреча с хранителем царских сокровищ напугала ее. Теперь она должна бояться каждого знатного господина — ведь каждый из них может также о чем-то спросить. Как глупо было думать, что самое трудное — это пройти мимо городской стражи! Оказалось, что сделать это было легче всего. Но совсем не так просто проехать по городу верхом на лошади. Лучше держаться подальше от дворцов.

— Каков Артавардий, — смеялись подруги Зарины, — поверил, что ты дочь Мардония! Он пожелал повести тебя во дворец Дария? Смотри, как бы тебя не взяли в царский гарем!

— А знаете, подруги, я думаю, что Артавардий враг наш! Это он послал гонцов за данью.

— Разве он сказал тебе об этом?

— Нет, не говорил. Но он хранитель царских сокровищ. Вот прибудет сюда Ишпакай, он скажет. Сердце подсказывает мне, что этот знатный господин сделал нам зло. Как мне хотелось угостить его скифской стрелой! Я только об этом и думала, пока говорила с ним. Не смотрела ему в глаза, боялась выдать свое желание. Он сказал, что Маргиану знает по рассказам своих гонцов. Ведь они собирают дань в дальних сатрапиях.

— Смотри забудь о стреле из своего колчана! Все дело загубишь! Тотчас же тебя схватит стража Дария. Тебе только хитрость поможет. Держись, Зарина! Не выдавай своей тайны! — говорили ей девушки. — Тогда только и узнаешь, где искать наших саков.

— Подруги! — закричала вдруг радостно Зарина. — Я придумала: Артавардий поможет нам. Если его гонцы

собирают дань в сатрапиях Дария, то уж наверное он знает, где находятся рабы-саки. Я все у него узнаю... О, скорей бы настал завтрашний день!

— А где мы проведем ночь? Куда мы денемся? Был бы хоть шатер над нами! — жаловались подруги.

— Будто вы привыкли спать под крышей дворца! Потопимся! В путь. В зеленые луга! Посмотрите, вон там, у реки, деревья склонились к воде, там и устроимся на ночлег. Мы славно отдохнем здесь. Наши кони насытятся сочной травой, а на рассвете мы встретим Ишпакая у восточных ворот.

Девушки не заставили себя уговаривать. Вскоре они расположились под тенистыми тутовниками.

Всю ночь Зарина не спала и думала о том, как воспользоваться знакомством с Артавардием и узнать у него о судьбе саков, пригнанных из долины Яксарта. Она вспоминала, что он рассказывал о красотах царского дворца, о том, как строили его люди разных племен. «Здесь наши братья, где-то здесь, совсем близко», — думала Зарина. Кидрей говорил, что их заставили строить дворец недалеко от Суз. Так не проще ли спросить у царедворца о людях, которые строят его. Если он скажет, что там саки, значит, их не угнали в другое место и следует их там искать.

А вдруг он узнает, что она не дочь Мардония? А вдруг случится такая беда и сам Мардоний прибудет в Сузы? От этих мыслей кружилась голова и страх холодил сердце. И все же Зарина была полна надежд.

— Артавардий принесет нам великую пользу, — говорила Зарина девушкам, когда они поднялись на рассвете. — Все у него выведаю. Я попрошу его показать мне новые, еще недостроенные дворцы, а когда он поведет меня и я увижу людей, работающих в кандалах, я спрошу о саках с берегов Яксарта. Не подумает же он, что я, дочь Мардония, связана с кочевниками-саками!

— Побойшся! Не спросишь!

— Не побоюсь, спрошу! — упрямо настаивала Зарина. — Я все у него узнаю.

У восточных ворот девушек ждал Ишпакый. Это была радостная встреча. Так много было пережито за один короткий день. Но прежде всего девушкам хотелось узнать, нашел ли Ишпакый дворец, где работают саки из долины Яксарта. Он видел строящиеся дворцы, но нигде

не было саков. Люди, с которыми он разговаривал, называли ему десятки племен и народностей, но саков из долины Яксарта не оказалось.

— Тебе посчастливилось, Зарина, — сказал Ишпакай. — Знатный господин может оказать нам большую услугу. Если удастся твой замысел, если ты сумеешь кое-что узнать у него, то считай, что сама богиня помогла тебе встретить этого сановника.

— Хорошо, что я запомнила имя Мардония, — рассказывала Зарина. — Никогда так не трусила, как при встрече с этим господином! У меня была одна мысль: как бы он не догадался о том, что я дочь Миромира, а вовсе не Мардония. Боюсь только, что опять начнет спрашивать про Маргиану, а что я ему скажу?

— Я и сам не знаю, что тебе сказать, — сокрушался Ишпакай. — Если бы я был в Маргиане, тогда все бы тебе рассказал. А теперь что делать? Говори, что придет в голову. Нелегко это. Тут и нужна женская хитрость. Только не робей. Будь веселой. Ничем не выдавай своего беспокойства, тогда все сладится.

Девушки еще долго не хотели расставаться с Ишпакаем. Но Ишпакай торопился. Он задумал кое-что вывести у простых людей, продавцов и ремесленников, которых было много на базарной площади. Ему хотелось узнать, какие сейчас порядки в столице Персиды и так ли, как прежде, строго охраняют рабов-пленников. Однако встреча с царедворцем, которая так испугала Зарину, показалась Ишпакаю примечательной. Он принял это как доброе предзнаменование богов.

КРЫЛАТЫЕ БЫКИ У ВХОДА

Зарине Артавардий не случайно назначил встречу в день молодой луны. Это совпало с празднованием рождения царского сына. Никогда Зарина не видела более пышного и более торжественного празднества. Через весь город шли люди, одетые в самые богатые праздничные одежды. Всадники в синих, зеленых и желтых одеяниях на белых конях, покрытых алыми попонами, следовали за царской колесницей. Зарине не удалось рассмотреть лицо царя. Перед глазами ее мелькнули парчовые одежды и корона, усыпанная драгоценными камнями. Все это шествие приближалось к высокому холму, где готовилось жертвоприношение. Жрецы в белых одеждах должны были заколоть сто белых быков, обреченных в жертву великому Ахурамазде. Зарине очень хотелось посмотреть на все таинства богослужения персидских жрецов, но Артавардий сказал, что надо поторопиться во дворец и побывать там, пока царь занят жертвоприношением.

Посмотрев на Зарину, которая показалась ему еще

более привлекательной, чем прежде, Артавардий подумал о том, что небезопасно показать такую красавицу Дарию. Кто знает... Он может забрать ее в свой гарем. Не было случая, чтобы кто-нибудь осмелился возразить великому владыке. А что пользы возражать? Разве люди не знают, для чего сделана рядом с царской конюшней глубокая вонючая яма? Разве не для того, чтобы усмирять непокорных?

Царедворец вместе с Зариной пересекли площадь и, сопровождаемые свитой Зарины, направились к царскому дворцу, который был виден отовсюду.

— Разве это сделано руками людей? — спрашивала Зарина Артавардия. — Разве такое могут сотворить руки человеческие?

— Это сделано руками рабов, прекрасная госпожа.

— И крылатые быки, охраняющие эти золотые двери? Ах, какая красивая белая лестница ведет в покои царя! Какие деревья склонились к стройным колоннам! А цветы так благоуханны!

Артавардий, может быть, впервые так внимательно осматривал красоты дворца. Эта прелестная юная госпожа из далекой Маргианы так безыскусственна и наивна! Она так умеет восхищаться! Рядом с ней все кажется еще красивее.

— Я по глазам твоим вижу, как тебе понравился дворец владыки вселенной. А теперь войдем в тронный зал.

— Не надо торопиться! Вот птицы с веером пестрых перьев. Я никогда не видела таких птиц! Чудо! А эти люди у входа — каменные! Зачем на них медные доспехи?

— Сразу видно, что ты из далекой Маргианы. Это живые люди, охрана. Но им приказано стоять подобно каменным изваяниям. Они только слушают и никогда не произносят ни слова.

Артавардий подошел к статуе, закованной в бронзу, и что-то прошептал. К удивлению Зарины, статуя низко склонилась и пропустила их вперед.

— Посмотри, дочь Мардония, вот на этой стене изображены данники. Видишь, они несут богатые дары царю царей. Знаешь ли ты, кто они? Вот с данью посланцы фараона. Могучим было когда-то царство фараонов. Безмерны были их богатства. Тысячи рабов строили им города и вечные жилища для мертвых. Говорят, что во всем мире нет храмов более пышных и богатых, чем хра-

мы фараонов. Там статуи богов сделаны из чистого золота. Но так было прежде, а сейчас все золото идет ко дворцу Дария.

Артавардий, хранитель царских сокровищ, не мог не похвастать богатствами своего владыки.

— И все эти богатства идут на строительство дворца?

— Зачем же! — ответил Артавардий. — Ведь город наш велик и прекрасен. Нужно построить много дворцов, храмов и крепостей. Для всего нужны дары иноземных племен и рабы!..

— А какие дары присылают саки? — спросила вдруг Зарина. При этом ее смуглое лицо заалело от смущения.

— А что у них взять? Нечего! Только рабов. Это все, что имеет царь от непокорных кочевников.

— Какая же польза от них? — рассмеялась Зарина. — Я видела саков в Маргиане. Они привозили меха, добытые на охоте.

— В самом деле! Как ты умна, моя юная госпожа! Их можно обложить великой данью, потребовать от них меха соболей и лисиц.

— А что же делают здесь эти неумелые кочевники?

Зарина с трудом скрывала свое волнение. Вот сейчас она обо всем узнает. Еще немного терпения — и она попытает у царедворца тайну, которая поможет ей спасти саков.

Они все еще стояли у крылатых быков и рассматривали искусно вырезанные на камне картины. Здесь были изображены люди разных племен, приносящие дань великому Дарию.

— Что делают саки-рабы? — переспросил Артавардий. — Неумелые они. Мостят дороги. Недавно прислали саков строить крепость. Но что тебе до диких кочевников? Лучше поговорим о драгоценных тканях, которыми должна украшать себя красавица. Ты любишь золототканую парчу из Ассирии?

— Я не видела ее, господин. В Маргиане никто не носит такой дорогой одежды.

Зарина улыбалась, старалась быть веселой, а голова кружилась, и ноги подкашивались. Она была так близка к цели, и вот теперь уже не спросишь более о саках: он может заподозрить неладное. Персидские женщины не говорят о таких вещах. Что же делать? Где взять терпение? Как заставить себя улыбаться и говорить то, что

положено? О, лучше тысячу раз сразиться в битве, чем один раз перенести эти муки!

— О чем ты призадумалась, юная дочь Мардония?

Зарина оглянулась, и радостная улыбка озарила ее лицо. Она увидела роскошные носилки, которые поставили недалеко от входа во дворец. Об этом, наверное, можно говорить. Но Артавардий, словно догадавшись о мыслях Зарины, показал на носилки и сказал:

— Посмотри, юная госпожа, вот прибыла женщина царского дома. Когда ты станешь женой царедворца, тебя также будут доставлять во дворец в богатых носилках.

Что он сказал? Не ослышалась ли она? Стать женой царедворца? Не о гареме ли говорит он? Ответить или промолчать? Лучше молчать!

Носилки, прикрытые золотистым шелком, скрывали мягкое, удобное кресло, в котором расположилась знатная госпожа. Шесть слуг, одетых в зеленые с желтым одежды, замерли по обе стороны паланкина в ожидании, когда госпожа покинет кресло. Богато одетая женщина поднялась, навстречу ей бросились служанки.

— Видишь, какие почести оказывают ей слуги? Но ты заслуживаешь еще больших почестей, — сказал Артавардий, любуясь смущенным лицом Зарины. — Ты моложе и красивее. А для красоты и молодости не жалко никаких почестей.

— Ты говоришь, что мне будут подавать такие же носилки? Это невозможно, — ответила Зарина, — я недостойна.

— А ты приблизишься к женщинам царского дома. Разве не для царя Дария собирает подати твой отец?

— Святая истина, господин! — Зарина низко опустила голову.

Она почувствовала, что не может продолжать этот разговор. Не лучше ли скорее увидеть чудесный дворец? Но какой-то страх мешал ей, и она не знала, идти ей вперед или сейчас же придумать повод, который помог бы ей вернуться к своей свите. «Попробую сказать», — подумала в отчаянии Зарина.

— Моя свита отстала! Я хочу позвать моих девушек, пусть пойдут вместе с нами, — промолвила она тихо.

— Это невозможно, моя юная госпожа. Только очень знатные особы могут проникнуть за эту золотую дверь.

Даже твой отец Мардоний ни разу не проходил мимо крылатых быков к этой священной двери. Я пользуюсь этим правом и веду тебя с собой, как знатную госпожу. Ты поняла, дочь Мардония?

— Поняла! А мою свиту никто не обидит? Никто не причинит зла моим девушкам? Ведь я дала слово своему отцу не разлучаться с моими прислужницами ни на одну минуту. Я всегда выполняю волю отца.

— Это похвально! Но со мной ты можешь идти куда угодно, я не дам тебя в обиду. Я веду тебя в пустой дворец, чтобы ты не попала на глаза царедворцам. Все, кроме слуг, ушли на торжество.

Зарине было не по себе в громадном, сверкающем украшениями зале, где гулко отдавался каждый шаг.

— Не беспокойся, моя юная госпожа. Твоя свита дожидется твоего возвращения. А ты не огорчайся — лучше посмотри, как искусно сделаны украшения из слоновой кости. Ее добывали для дворца бесстрашные эфиопы, охотники на слонов. А старые мастера-резчики, доставленные Дарию вместо дани, волшебным резцом превратили бивни слона в кружевную резьбу. Посмотри, как хороши украшения из бирюзы. Ее добыли где-то вблизи твоей Маргианы, в Хорезме. А как постарались ювелиры Египта! Посмотри, чего только они не сделали из серебра и золота!

Зарина не могла оторвать восхищенных глаз от колоннады. Все то, что было перед ней, казалось неправдоподобным. В душе она была искренне благодарна Артавардию за то, что он показал ей такое чудо. Если богиня будет добра и если она поможет им вернуться в родные степи, тогда саки узнают об этом чуде. Она расскажет. Но поверят ли они? Трудно поверить, когда, даже стоя здесь, глазам своим не веришь.

Зарине казалось, что все это происходит с ней в чудесном сне. Только беспокойство, закравшееся в душу, отравляло ей удовольствие. Боязно здесь, в этом сказочном дворце, рядом с хранителем царских сокровищ. Боязно за девушек, которые остались у ворот дворца. Но еще страшнее другое: а вдруг войдет царь? Что будет? Ей хотелось бы сказать, что лучше уйти, но она не решается обратиться к этому знатному господину. Она ведь ни разу не обратилась к нему первая. Все, что она узнала и спросила, было сказано тогда, когда он сам ей го-

ворил о чем-нибудь. И сейчас она услышала долгожданное слово, чтобы воспользоваться случаем и сказать то, что ей нужно.

— Твои глаза светятся восхищением. Ты довольна, девушка из Маргианы? Пойдем дальше.

— Я очень довольна. Но мне не хотелось бы идти в другие помещения. Лучше вернемся, еще посмотрим на дивных птиц и на крылатых быков у входа. А еще я хотела бы подышать ароматом цветов, каких нет больше нигде на земле. Не правда ли?

— Ты ошибаешься, моя юная госпожа, дочь Мардония. Когда ты станешь моей женой и будешь жить в моем дворце, вокруг тебя будет много-много таких цветов. В моем дворце есть голубой бассейн с водой чистой и прозрачной. В нем плавают золотые рыбки с пышными белыми хвостами, а вокруг бассейна благоухают вот такие же розы и лилии, какие ты видишь здесь, во дворце великих Ахеменидов.

Артавардий взял в свои руки узкую, тонкую руку Зарины, унизанную кольцами, с золотыми запястьями, но обветренную и мозолистую.

— О моя юная госпожа, как случилось, что так огрубели твои маленькие руки? У тебя так много прислужниц. Разве тебе приходится делать грубую работу? Или Мардоний не догадался доставить тебе благовонные масла, приготовленные искусными жрицами Египта? Стоит лишь раз смазать руки таким маслом, и кожа делается подобной лепестку розы, нежной и гладкой.

«Что сказать? Как объяснить?»

— Случилась беда: моя служанка уронила и разбила сосуд с драгоценным благовонным маслом. А вчера мне захотелось самой почистить моего коня. Служанки так небрежны! А мой серый так красив! Но ничего, завтра все пройдет. Я никогда не делаю грубой работы. Это недостойно моего знатного рода.

— Послушай меня, дочь Мардония, я хотел спросить тебя, хочешь ли ты стать моей женой и жить в моем богатом дворце? Ты прекрасная наездница, я увидел это в первый же миг встречи. Ты была бы мне превосходной спутницей на соколиной охоте. Может ли быть большее удовольствие, чем охота с соколом рядом с такой наездницей, как ты, Зарина!

Страх и беспокойство все больше проникали в сердце

Зарины. Она снова почувствовала, что не находит слов. Опустив глаза, не смея взглянуть на собеседника, она старалась собраться с мыслями.

«Что сказать? Как ответить?»

Артавардий с восторгом смотрел на смущенную Зарину.

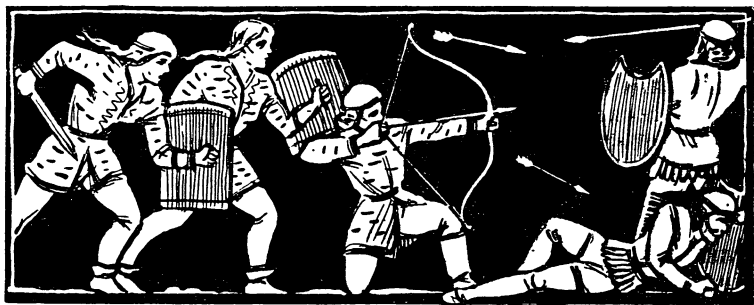
«Какая скромница!»

— Я не верю своему счастью, — ответила Зарина с улыбкой, мысленно произнося все проклятия, какие могли прийти ей в голову. — Я буду жить у голубого бассейна, среди благоухающих цветов, я смогу сопровождать тебя на соколиную охоту, мой добрый господин.

— Я буду с нетерпением ждать этого счастливого дня, — говорил Артавардий, покидая вместе с Зариной великолепный дворец Дария.

Зарина, словно на крыльях, пролетела мимо каменных статуй, мимо крылатых быков у входа, чтобы скорее увидеть свою свиту.

«Как благодарить тебя, добрая богиня? Они ждут, они целы!»

ВОТ ОНИ, РАБЫ-САКИ!

99

мна, красива, учтива. Я вижу в ней многие достоинства», — так думал хранитель царских сокровищ, расставшись с Зариной у ворот царского дворца.

— Завтра я снова увижу тебя, дочь Мардония, и я покажу тебе все самое удивительное, — сказал он на прощание.

Артавардий подумал о том, что ему будет лестно показаться с этой привлекательной девушкой. «Так молода и так умна! Всем интересуется. Не верит, что поганые саки могут сделать полезное дело. А когда посмотрит — поверит. Завтра скажу ей, что не буду откладывать и возьму ее в свой гарем немедленно. И будет она у меня самой любимой женой. Она удивится. Бедняжка! Все время повторяет: «Слишком много чести для дочери сборщика податей...» Дочь простого сборщика станет женой царедворца! Я дождусь счастливого дня, красавицу увидит царь царей! Хотелось бы похвастаться... Но нет, пожалуй, не буду ему показывать. Если понравится — заберет! А если прикажет привести во дворец?.. Но

пройдет много времени, прежде чем он узнает. Царь царей! Ненасытнейший из ненасытных. Коварнейший из коварных. Хитрейший из хитрых. Жесточайший из жестоких. Как я ненавижу тебя! Но об этом можно подумать только про себя. Думай и молчи! Ведь давно уже обезглавлены строптивые царедворцы. Правда, у них были непокорные головы, а твоя голова всегда покорна. С такой головой можно дожидаться счастливых дней. Но чем тебя пленила дикарка из Маргианы? Даже говором своим она похожа на девушку из кочевого племени. А ведь есть в ней что-то!.. Да, есть! А как держится на коне! Просто удивительно. В этих сатрапиях умеют выращивать превосходных коней, и дочь простого сборщика с малолетства уже на коне, словно родилась всадницей. Говорят, у сакков-кочевников такие женщины. Но те совсем дикие. В звериных шкурах. А в ней есть что-то пленительное... Завтра скажу ей обо всем. Она заупрямится, скажет, нужно ждать отца, но я уговорю ее. Вместе со свитой увезу ее в мой дворец. Удачная выпала мне в тот день охота!»

Утром они снова встретились вблизи восточных ворот города. Зарина уже без страха, весело приветствовала Артавардия.

— Я рад тебя видеть, моя прелестная госпожа! — говорил Артавардий. — Знаешь, что я надумал? Не будем ждать Мардония. Я увезу тебя сейчас же в свой дворец, и ты станешь госпожой над многочисленными слугами и рабами. Поверь мне, для Мардония не может быть большей радости.

— Как ты добр, господин! Но ведь мы собирались посмотреть крепость.

— Ты все еще не веришь, что непокорные саки строят крепость? — спросил он с усмешкой.

— Не верю, господин. В Маргиане говорят, что саки только умеют стрелять из лука и поедать неисчислимые стада баранов, посланные им богом. Они живут в шатрах и на своей земле ничего не строят.

— А у нас они строят. Посмотришь, госпожа. Да как славно трудятся! Им плетка помогает.

Зарина нахмурилась. Она больше ни о чем не спрашивала, и Артавардий призадумался, как бы развлечь приятную собеседницу.

— Когда же приедет твой отец, Мардоний? Долго он заставляет себя ждать.

— Я жду его каждый день. И сегодня, пока мы будем смотреть крепость, он, возможно, приедет и будет искать меня у этих ворот. Далеко ли крепость?

— На пути в Сузы. Недалеко от пещер, мимо которых ведет царская дорога.

— Вот как! Так мы видели эту крепость! Там возведены высокие стены и башни. Я помню. Такие же, как вот у этих ворот.

— Стоит ли нам туда ехать? Не лучше ли поспешить в мой загородный дворец, как ты думаешь, моя юная госпожа?

— В самом деле, зачем же ездить, когда мы там были всего несколько дней назад.

— Тогда поторопимся в мой дворец, моя любезная госпожа. Там ты узнаешь, какая у тебя счастливая звезда.

— А ты знаешь об этом? — Зарина улыбнулась так весело и беззаботно, что невозможно было заподозрить неискренность.

— У тебя очень счастливая звезда. Поспешим со мною, и ты все поймешь.

— Скажи мне сейчас, мне не терпится услышать об этом.

— Я не могу тебе ни в чем отказать.

Они отошли к цветущей акации, и Артавардий рассказал ей, какие подарки ждут ее во дворце, какие шелка и драгоценности и как много у него прислужниц, которые будут выполнять ее волю.

— Я знаю, ты с радостью пойдешь ко мне: девушка из дальней сатрапии может только мечтать о таком счастье...

— Ты прав, господин, я согласна, — говорила Зарина, стараясь улыбкой прикрыть свое волнение. — Ты оказываешь мне такую высокую честь, что я готова решиться уйти к тебе, не дожидаясь прибытия отца. Ты осчастливил меня, добрый господин. Но, прежде чем поехать в твой загородный дворец, я хочу еще раз поискать моего отца, Мардония. А вдруг окажется, что он ищет по городу свою дочь! Тогда мы вместе с ним прибудем к тебе, и то, что ты скажешь, то будет для меня законом. А если отца не окажется, я поспешу к тебе одна со сво-

ей свитой. Ты говорил, что по царской дороге не больше двух часов езды на хорошем коне. Мы найдем твой дворец, и ты окажешь нам гостеприимство, такое же, какое мы оказали бы тебе, знатный господин, когда бы ты прибыл в нашу Маргиану.

— Ты права, моя юная госпожа. Я вернусь к себе и прикажу готовить пиршество. А ты не задерживайся. Как только узнаешь о прибытии Мардония, так поспеши ко мне. Я вышлю своих слуг к тебе навстречу и велю оказать почести и тебе и твоей свите.

С этими словами Артавардий низко поклонился Зарине и отправился к себе во дворец...

— Вот она, наша победа, подруги!

Зарина стала обнимать по очереди всех своих подруг. Не мешкая, они поскакали прочь из города, к своим пещерам, где совсем близко строилась неведомая им крепость. Там томились бедные пленники. Но как увидеть несчастных? Как сговориться с ними? Как узнать, где они проводят ночь? И как лучше все это сделать? Там стоит грозная стража, как ее устранить? Нельзя терять и минуты. Надо торопиться!

— А как же Ишпакай? Где он найдет нас?

— Мы должны бежать отсюда! Поймите, подруги, сегодня вечером, не дождавшись нас, Артавардий начнет искать меня. Он пошлет своих слуг, и они обыщут весь город.

— А завтра утром его слуги уже поскачут к стенам крепости искать тебя.

— О я глупая, несмышленная!.. Пошлет слуг, и они будут искать меня там. Мне нужно спрятаться в пещере, а потом, через несколько дней, когда он уже всюду побывает и поймет, что я убежала от него, можно будет пойти к стенам крепости.

* * *

Прошло несколько дней. Зарина со своей свитой вернулась в пещеры, чтобы скрыться от знатного господина, который искал ее по всему городу и уже несколько раз присылал своих слуг к стенам новой крепости узнать, не была ли она там; Ишпакай, который не нашел отряда

у восточных ворот, как было условлено, отправился обратно к пещерам, и там они встретились.

— Как же теперь попасть к стенам крепости? — спрашивала Зарина. — Мне теперь уж никак нельзя показываться на глаза охранникам: я могу там встретить слуг царедворца. Не поможешь ли ты нам, Ишпакай?

— Я думаю об этом, но как это сделать? Не знаю, как обмануть охранников. На мне одежда перса-простолюдина. Что же мне сказать? Зачем я приду к ним?

— Когда мы проезжали по городу, — вспомнила Зарина, — у дороги стоял человек с сумой и говорил всем прохожим, что он странствующий лекарь и берется вылечить от любой болезни. К нему обратился хромым человек, и лекарь, раскрыв свою суму, стал вытаскивать оттуда пучки трав. Я видела, как больной подал ему серебряную монетку.

— Ты ловко придумала, Зарина. Я пойду туда бродячим лекарем и постараюсь завязать знакомство с охранниками, сидящими у ворот крепости. Собери-ка мне травы и настойки, которые тебе дала твоя матушка, провозжая в дальний путь. И вы, подружки, — обратился он к девушкам, — поищите у себя.

Тотчас же стали собирать для Ишпакай настойки и целебные травы, взятые из дому на случай беды. У кого-то нашелся амулет из перьев и ножек совы. Зарина дала несколько кожаных ремешков. Ими пользовались для лечения больных рук и ног. При сильной боли ремешком затягивали запястья руки, и через несколько дней боль утихала.

— А знаешь ли ты, как поступить, если больной спросит тебя о своем недуге? — забеспокоилась Зарина.

— Он знает, что сказать, — отвечала за мужа Спаретра. — Он сам лечил меня.

— Если жалуется на боль в животе, — вспомнила молоденькая девушка, — то вели обвязать живот желудком только что убитой овцы. Так меня лечила бабка.

— А на опухоль надо положить кусок войлока, смазанный овечьим пометом, — наставляла Ишпакай Спаретра.

Ишпакай старался запомнить все эти советы. К тому же он многое знал из обычаев персов, так как в неволе

и его не раз лечили всякими снадобьями, сделанными по указанию знахарей.

Небольшой войлочный мешок был вскоре наполнен всякими целебными травами и настойками, и под общее благословение Ишпакай отправился к стенам крепости. Было условлено, что он не вернется до тех пор, пока обо всем не разузнает.

С нетерпением ждали Ишпакая в пещерах. Спаретра беспокоилась о том, как бы в нем не узнали беглого сака. Зарина боялась, как бы ему не пришлось столкнуться с тяжелобольным, которого он не сумеет исцелить. Ведь такой больной может умереть, и тогда Ишпакая убьют, скажут, что он колдун, что в нем сидит злой дух.

Прошло уже несколько дней с тех пор, как Ишпакай ушел, а вестей все не было. Спаретра рвалась туда, чтобы узнать, почему не возвращается Ишпакай, но Зарина не пускала ее.

— Погибнешь там от руки охранника. И мы погибнем без тебя и без Ишпакая. Мы уже близки к цели, так наберемся терпения. Подождем. — Она понимала, что теперь многое зависит от того, насколько разумно они будут себя вести.

— Ну, может быть, пойдет кто-либо из табунщиков? — предлагала Спаретра. — Должны же мы узнать судьбу Ишпакая!

Так и решили. Вскоре две девушки отправились на пастбище, которое находилось в двух днях пути от пещер. Там паслись кони, там было и стадо. Каждые три дня один из пастухов перегонял к пещерам несколько овец, которых тут же приносили в жертву богам, а затем съедали.

Но не успели девушки скрыться за ближайшим уступом, как появился Ишпакай. Он очень устал, изголодался, но был весел.

— Хорошо придумали, очень хорошо! Через несколько дней наши братья будут с нами, — сказал Ишпакай. — Я все узнал. Наши братья в этой крепости. Я даже смог предупредить их, что близок час освобождения.

Криками радости встретили амазонки добрую весть.

— Расскажи! Расскажи! Расскажи! — слышалось со всех сторон.

Ишпакай долго рассказывал о том, как недружелюбно встретили его охранники. К ним уже не впервые при-

ходили бродячие знахари. Они боялись, что знахарь потребует у них много еды и питья, а пользы от него не будет. Ишпакай удивил их тем, что не стал просить еды, а, наоборот, предложил им отведать жареной баранины, которую он принес с собой в суме. Он показал им, как много у него трав, настоек и всякого зелья от разных болезней. И тут ранее недоверчивые люди стали наперебой просить у него совета. Ишпакай каждого лечил чем-нибудь и на третий день уже завоевал такое доверие, что к нему обращались запросто. Тогда Ишпакай завел разговор о пленниках, которые строят крепость. Он узнал о том, что это саки с берегов Яксарта и что они непокорны, неумелы и ленивы. Ночью пленники спят в загоне, где раньше был скот. Им надевают наручники, чтобы не сбежали и чтобы охране спалось спокойней.

— Когда же мы пойдем? Удалось ли тебе договориться с братьями? Смог ли ты сообщить им, что мы завтра же будем там?.. Давайте собираться! — требовала Зарина.

— Мы пойдем темной ночью, когда скроется луна и мы сможем незаметно приблизиться к крепости. В ту ночь нас должны ждать наши братья, они не будут спать. Как только мы перебьем стражу, так сразу же освободим их от оков и поторопимся к своим пещерам. Еще я узнал, — говорил Ишпакай, — что стража меняется раз в неделю. Каждая смена приносит с собой еду для себя и для пленников. Мы прибудем в тот день, когда сменится охрана, и у нас будет целая неделя впереди, чтобы далеко уйти от погони.

— А что ты узнал о наших братьях, все ли живы? — спрашивали девушки.

— Я мало что узнал. Мне не пришлось много говорить с кем-либо из наших саков, я только раз имел случай шепнуть на ухо проходящему саку, что в первую темную ночь мы прибудем для их спасения.

— Ты не видел Фамира? Ты не знаешь его?

— Я никого не знаю. Все они были детьми, когда меня угнали в рабство. Я не знаю их имен. Да и случая не представилось близко подойти к стенам крепости. Я имел дело с охранниками и тому рад.

«Теперь уже недолго ждать, — утешала себя Зарина, — пригоним коней с пастбища, и настанет счастливый час, когда наши братья будут на воле».

...Через несколько дней, темной ночью, отряд Зарины подошел к крепости. Охранник, стоявший на страже, успел поднять тревогу, но тут же свалился, пронзенный стрелой. Амазонки, спрятавшись за уступом, стали обстреливать воинов, которые вышли за ворота крепости. И вдруг, не дав им опомниться, всадницы ринулись в ворота. Было темно, и группа всадников, появившаяся у ворот, показалась охранникам во много раз больше, чем она была на самом деле. Старший из охраны, трусливый старик, решил бежать. Он вспомнил, что есть лестница у стены, и поторопился к ней. За ним последовали и другие, но их настигли стрелы амазонок. При свете зажженных факелов разыгралось сражение. Зарина не щадила врагов. Вместе с ней бесстрашно сражались отважные девушки-амазонки. Меткие скифские стрелы настигали охранников, где бы они ни прятались. Когда вся охрана была уничтожена, Зарина увидела, что трое подруг ранены и нуждаются в помощи. Она поручила Спаретре увести их и вместе с другими бросилась ломать массивную дверь, за которой были пленные саки.

С криками радости обнимали амазонки своих братьев. Со звоном падали цепи, в щепки были разбиты деревянные ошейники. Со слезами смотрела Спаретра, как молоденькая сестра обнимает своего брата.

— Где Фамир?..

Зарина каждому задавала этот вопрос, но саки молча пожимали плечами, не решаясь сказать правду. Тогда Саксафар сказал Зарине, что с Фамиром случилась беда, что он прокаженный и теперь никто, никогда не сможет к нему прикоснуться.

— Где же Фамир? В темнице? Я хочу спасти его! Помогите мне, братья! — Голос Зарины дрожал и срывался.

— Его нет в темнице. Он на воле. Но... к чему ему воля!.. — говорил Саксафар. — Проказа оказалась более страшным проклятьем, чем цепи рабства. Вот мы свободны. Я слышу ржание коней. Они унесут нас к родным шатрам, а Фамир получил свободу раньше нас, но страшный недуг сковал его. Его нельзя увидеть. — Саксафар коснулся плеча Зарины и знаком дал понять, что надо бежать, что оставаться здесь нельзя ни минуты.

Уже за пределами крепости, когда счастливые пленники впервые за долгие дни неволи почувствовали себя свободными, Зарина сказала:

— Я не должна покинуть Персиду, не повидав Фамира. Есть колдуны и знахари, они помогут ему, исцелят его. Мы принесем щедрую жертву богине, она спасет Фамира.

— Но нам нельзя оставаться здесь, — убеждал ее Ишпакай. — Мы все погибнем, если нас застигнут воины Дария. Саки не ведают, что за страшная болезнь проказа, а я видел этих людей, покрытых чешуей подобно страшным рыбам. Их сторонились, в них бросали камни. Не ищи для него спасения, Зарина, — не найдешь...

— Вы уйдете без меня. Я одна найду Фамира. Я увезу его к берегам Яксарта. Я не оставлю его здесь. Покажи мне пещеры, где он прячется, — потребовала Зарина у Саксафара.

Саксафар вместе с Зариной и подругами отправились искать Фамира. Ишпакай, отряд амазонок и освобожденные пленники поспешили к границам Персиды, чтобы этой же ночью возможно дальше уйти от крепости.

На рассвете Зарина была у пещеры, где обычно оставляли пищу для Фамира. С тех пор как он был изгнан из крепости, его никто ни разу не видел. Но пищу он забирал, и потому Саксафар был уверен, что Фамир находится где-нибудь поблизости. Он стал звать Фамира, но никто не отозвался. Тогда Зарина зажгла факел и вошла в пещеру. Она осветила несколько выступов, за которыми мог скрываться Фамир, но его не было. Глубокая темная пещера откликалась стоголосым эхом на каждое слово, на каждый шорох. Но голоса Фамира не было слышно. Волнение охватило Зарину: здесь ли он?.. Может быть, он видит ее и боится подойти? А если Фамир выйдет, подойдет ли она к нему, как тогда на поле брани? Возьмет ли его за руку, осмелится ли посмотреть в лицо? Ишпакай говорит, что это подобно смерти, что это хуже смерти. Ну и что же? Разве поход в Персиду не был смертельной опасностью? Двести саков были в плену у Дария, но только о Фамире болит ее сердце.

— Как спасти тебя, Фамир?.. — прошептала Зарина совсем тихо. — О, если бы ты услышал меня, Фамир!..

СМЕРТЬ ЧЖУН ЦИНА

Тихо и пусто стало в доме Чжун Цина. Не было маленькой принцессы, не было привычной веселой суеты. Редко открывались ворота Фазанов, и нарядная колесница теперь уже никогда не выезжала, некому было ездить на прогулку. И слуги уныло слонялись по дому. Ведь уехала веселая, болтливая Цай Э, которая умела рассказывать такие забавные истории и так ловко успевала подслушивать под каждой дверью. Теперь уже слуги не знали, о чем говорили и что делали господа в своих парадных комнатах. А без этого так тоскливо стоять за дверью и ждать, когда позовет сердитый хозяин! Но печальнее всех была госпожа. Никто ни разу не видел улыбки на ее лице. Зато часто видели, как она проливает слезы. Ей было грустно и тоскливо без любимой дочери. А еще было тревожно: хорошо ли ей? Не одиноко ли на чужбине?

Благородный Бао Пын, вернувшись домой вместе со свитой, рассказал, что маленькую принцессу встретили

с большим почетом и что старый вождь племени с отрядом воинов пять дней и пять ночей искал ее на степных дорогах, чтобы достойно принять и доставить в свой богатый шатер. Но сколько госпожа ни допрашивала, ей так и не удалось узнать, почему свита оставила Голубой Цветок где-то на полпути и не доставила принцессу прямо в шатер вождя племени.

— Помилуйте, добрая госпожа, — говорил Бао Пын, низко склонив свою лысую голову, — как же на полпути? Ведь мы пришли на земли воинственных гуйфан и встретили их. Там все по-другому. На громадных пространствах мы не увидели ни одного дворца, ни одного дома. И там, где вождь племени прикажет поставить шатер, там и появляется его дом.

— Вот я понадеялась на тебя, Бао Пын, а ты оставил мое сокровище где-то в пути и не видел шатра, в котором она будет жить. А может быть, ее увел чужой, злобный человек?

— О госпожа, зачем такие дурные мысли? Ведь чужой человек не пришлет таких даров, какие прислал вам старый вождь кочевого племени. Согласитесь, ведь гуйфаны очень щедры. Каких коней я доставил князю!

Госпожа горестно вздохнула и дала понять, что говорить больше не о чем. Воспоминание о солнечных конях словно бередило рану. Для нее эти кони были причиной зла и страданий.

А Чжун Цин был доволен и весел. Кони, доставленные ему Бао Пыном, были удивительно хороши. Он долго думал, как лучше распорядиться полученным богатством. Двух коней золотистой масти он отправил на царскую конюшню и вскоре после этого получил приглашение принять участие в царском поезде. Все получилось так, как ему хотелось. Сверкали золотые бичи, царские слуги несли деревянные изображения драконов, а в зубах драконы держали царские знаки. Белые лошади везли золоченые колесницы, а по сторонам важно и чинно шли черные быки. Царский поезд проделал долгий путь, и на всем протяжении его встречали люди, склонив головы к пыльной дороге. Чжун Цин даже подумал про себя, что никто не любит красоту царского поезда, потому что у всех глаза опущены в землю.

Но все это уже прошло, и надо было подумать о том, как лучше распорядиться оставшимися конями.

— Как ты думаешь, — спрашивал Чжун Цин жену, — что лучше — обменять коней на голубые жемчужины или увеличить наши владения? Наш сосед предложил мне дать взамен трех коней большой кусок бамбуковой рощи и прилегающие к ней рисовые поля.

— Зачем тебе все это? — отвечала жена. — Для кого нужны бамбуковые рощи? Я стара и больна, а ты тоже не вечен на земле... У тебя и так немало богатств. Были бы с нами дочери и внуки — вот это было бы счастье! — И, обливаясь слезами, она спрашивала: — Зачем тебе солнечные кони? Зачем ты отослал Голубой Цветок? Твои ларцы полны жемчуга, добытого в Чие. Весь дом наполнен драгоценными вазами из яшмы, сделанными в Юй Ши. Уже истлели шелка, затканые золотой нитью, которые ты скопил неизвестно для кого и пожалел дать дочерям на подвенечные платья. Поступай как знаешь. Мне ничего не надо. Теперь меня больше всего в жизни занимают гадательные кости. Щиты черепахи и кости жертвенных животных помогут мне узнать судьбу моей любимой дочери.

— Я собрал в нашем доме несметные сокровища! — закричал в ярости Чжун Цин. — Я дни и ночи провожу в заботах. Меня никогда не оставляет мысль о том, как увеличить наши богатства. Я добыл их хитростью, коварством и величайшим умом. Знаешь ли ты, сколько костей белеет на солнце после разлива рек? Только тогда, когда мы видим их, мы понимаем, как много у нас было слуг и насколько меньше их стало. А ты недовольна! В этом доме меня никто никогда не понимал. И только Голубой Цветок, мое сокровище, принесла мне радость. Только ее я нежно люблю...

Чжун Цин еще не решил, что ему делать с конями, когда снова открылись ворота Солнечных Коней и люди кочевого племени, назвавшие себя гуйфанами, привели с собой еще пятнадцать коней золотистой масти. Чжун Цин решил, что все это происходит во сне. Он долго протирал глаза и не мог понять, что все это значит. Но перед ним стояли живые люди, и кони золотистой масти ржали, как настоящие живые кони. Это был не сон.

— Что это такое? — закричал Чжун Цин, обращаясь к Бао Пыну.

— Это отличные кони золотистой масти, — отвечал Бао Пын. — Они, пожалуй, той же породы, но только не

так хорошо ухожены, как те кони, которых я доставил вашей светлости.

— Откуда же они?

— Думаю, что их прислал молодой вождь племени, которого сумела пленить маленькая принцесса.

— Тогда спроси у них, пусть они скажут, — велел князь.

— Так и есть, — сказал Бао Пын, поговорив с гуйфанами. — Это посланцы молодого вождя гуйфанов. Но они вышли еще до прибытия маленькой принцессы. Должно быть, задержались в пути. Такая щедрость вождя просто удивительна. Никогда не думал, что кочевники могут быть так благородны и так щедры! Мне кажется, что Голубой Цветок будет счастливейшей из женщин.

— Ну что ж... Теперь будем ждать добрых вестей из далекого царства гуйфан. Пусть посланцы моего зятя отдохнут и увезут с собой подарки. А когда вернутся к себе, пусть передадут своему господину мое желание возможно скорее получить добрую весть от моей любимой дочери.

Через несколько дней Чжун Цин сказал жене, что намерен отправиться в дальнее поместье, ко дворцу князя Хуаня, который предлагает ему выгодный обмен.

— Князь Хуань? — удивилась жена. — Ведь ты сам говорил, что он худший из ростовщиков.

— Но ты ведь знаешь, как он богат. Слуги доставят туда коней, и, когда состоится сделка, я вернусь домой.

Госпожа не стала возражать. Она даже не вышла на крыльцо, когда Чжун Цин, окруженный слугами, сел в свою колесницу. Она ненавидела этих великолепных коней, которые были причиной ее разлуки с Голубым Цветком. К тому же ей было безразлично, сколько голубых жемчужин еще прибавится в ларцах князя.

Через три дня колесница Чжун Цина возвратилась. Госпожа удивилась, почему так скоро вернулся муж. Что за кони в упряжке? Гривы обгоревшие... Странно все это. Разве Чжун Цин раздумал ехать к князю Хуаню? И почему князь не выходит из колесницы? Почему слуги бросились к ее ногам и целуют кончики башмаков?.. Они просят прощения. За что? Что случилось?

— О госпожа, — промолвил старый и верный слуга князя, — наш добрый и благородный князь уже никогда

не сумеет сесть в колесницу. Он убит. Кони угнаны. Горе великое пришло в наш дом.

— Убит? Чжун Цин?.. Его нет? Да правда ли это? — закричала госпожа. — Вы лжете, ничтожные! Богатый, здоровый, красивый Чжун Цин убит? Не может этого быть! Проклятье!..

Жена князя стала рвать на себе одежды, распустила волосы и в беспамятстве упала на руки верных слуга-нок.

Прошло несколько дней. Уже состоялись пышные похороны. Уже был вызван из своего поместья муж второй дочери, и он дал обет — три года не заниматься делами своего поместья, не носить парадной одежды, не пировать, не веселиться. Он должен предаваться скорби, как это сделал бы родной сын Чжун Цина. Перед духами предков были сложены драгоценные сосуды, оружие, одежда. Художники приготовили изображения раба и рабыни, руки которых были скованы цепями. Все сделали так, чтобы вечное жилище князя было богатым и удобным и чтобы новая жизнь его в другом мире была такой же, как на земле.

Когда были оказаны достойные почести духу умершего, госпожа потребовала, чтобы слуги сообщили ей, как произошло несчастье. И слуги рассказали, что сумерки застигли их вблизи небольшой деревни, принадлежавшей князю. Это была нищая деревня, долгие годы крестьяне не выплачивали долгов, и потому князь прибегнул к помощи городской стражи, которая забрала у должников всех быков и свиней.

«Эти ленивые пахари отвратительны мне! — говорил князь, когда колесница приблизилась к деревне. — Не будем здесь останавливаться. Как злобны эти черные худые лица! А глаза полны ненависти к их благодетелю».

Колесница уже миновала деревню, солнечные кони летели по пыльной дороге, словно их несли крылья, как вдруг навстречу княжескому поезду вышли оборванные, грязные люди. В глазах у них горел адский огонь, и были они похожи на голодных волков. Человек двадцать таких оборванцев бросились на колесницу и преградили ей путь. Один из них, самый могучий и высокий, разбросал слуг, стащил возницу, а затем...

— Помилуй, госпожа!.. Не заставляй вспоминать са-

мую страшную минуту нашей жизни! — взмолился старший из слуг.

— Говори, я все должна знать! — закричала госпожа в гнев и отчаянии. — Все говори...

— ...И вот этот могучий разбойник вытащил князя из колесницы, привязал его к хвосту лошади и сунул в гривы коней горящую паклю. Трое коней в одной упряжке понеслись, словно сумасшедшие, вниз с горы. А разбойники умчались на солнечных конях, принадлежащих князю. Мы очнулись, когда уже никого не было рядом с нами, и пошли по дороге, окропленной кровью нашего любимого господина... Мы нашли трех коней с обгоревшими гривами, запрягли их в колесницу и привезли останки нашего господина...

Старый слуга, отважившийся рассказать о страшной участи князя Чжун Циня, дрожал от страха. Кто знает, не пожелает ли госпожа казнить слуг, сопровождавших князя в его последней поездке.

Слуги, стоя на коленях, молча ждали. Молчание это было тревожным. Что ждет их?.. Тогда старый слуга сказал:

— О госпожа, слава о твоей доброте прошла по всей Поднебесной... Нет человека в великом царстве Чжоу, который не знал бы о твоём добром сердце. Посмотри, как мы избиты и изранены разбойниками, на нас нет живого места, мы были бессильны перед голодными и злобными разбойниками. Пощади, окажи свою милость...

Госпожа призадумалась. А какая польза ей будет от того, что она казнит своих слуг? Виновы не слуги, а солнечные кони, которые принесли ей уже столько зла. Пусть слуги князя остаются на заднем дворе и будут помощниками самых ничтожных подметальщиков. А вдруг ей захочется узнать, какие слова говорил перед смертью благородный Чжун Цин? Ведь эти слуги были единственными свидетелями последних часов его жизни.

— Убирайтесь отсюда! — крикнула госпожа, обливаясь слезами. — Убирайтесь, чтоб я вас не видела!.. Проклятье этим коням! — повторяла она. — Из-за них погиб прекрасный, добрый и щедрый князь Чжун Цин. Все пропало, все померкло! И где теперь найти проклятых богом оборванцев, загубивших благородного князя? Можно сжечь деревню, чтобы от нее и следа не осталось, но погибнут только старики и дети, а злодеи, совершив-

шие убийство, останутся в живых и будут разбойничать на больших дорогах. У них взяли быков, а они отобрали жизнь у князя.

Целые дни бедная женщина проводила в слезах и воспоминаниях. Теперь ей казалось, что добрее, щедрее и лучше Чжун Цина не было человека на свете. Она приказала каждый день приносить щедрые жертвы богам, чтобы вымолить счастливую жизнь князю в загробном мире. А Бао Пыну было велено написать стихотворное посвящение, в котором были бы воспеты доблести князя Чжун Цина.

* * *

Прошло несколько месяцев, они не принесли госпоже никакого утешения. По-прежнему дворец Чжун Цина был в скорбном молчании. Никто не говорил полным голосом, никто не осмеливался обратиться с чем-либо к госпоже, погруженной в тоску и печаль. И вдруг мертвую тишину дворца нарушили голоса чужеземцев.

— Пришли люди в одежде кочевников, — докладывали слуги госпоже, — не знаем, пустить ли непрощенных гостей.

— Неужели прибыли кочевники из царства гуйфан? — воскликнула госпожа, словно просыпаясь от тяжелого сна. — Какое счастье! Это весть от любимой дочери!

«О мой нежный Голубой Цветок! Ты помнишь о своей бедной матери!» — подумала она.

— Скорее зовите Бао Пына! Где Голубой Цветок? Здорова ли она? Хорошо ли ей в чужой стране?.. Скорее Бао Пына!

Но разве так легко найти Бао Пына? Он постоянно прячется от людей и все пишет и пишет. Госпожа велела написать посмертное посвящение Чжун Цину, но рядом со строчками, которые он пишет по долгу службы, появляются строчки из нового учения Конфуция. И это не случайно. Мудрец умеет мыслить именно так, как мыслит сам Бао Пын.

«Ученый живет с нынешними людьми, а исследует древних, действует в настоящем, а думает о будущем...» И он, Бао Пын, упорно думает о будущем, о том времени, когда не будет таких жестоких и коварных людей.

как князя Чжоу, и когда не будет голодных и обездоленных пахарей, которые так жестоко мстят за жадность господина. Бао Пын отлично понимает, нельзя осуждать этих несчастных. Ведь дети их обречены на голод, нужду и смерть. Если эти люди становятся разбойниками, можно ли их обвинять.

Бао Пына вызвали к госпоже в тот миг, когда он размышлял над этими неразрешенными вопросами. Он думал, что хорошо было бы ничего не видеть и не слышать, а только любоваться восходом и закатом и писать о том, как печально шуршат опадающие листья осенней ивы...

— Скорее поговори с ними, Бао Пын, — торопила госпожа, — спроси о моем сокровище, о моей голубке...

Госпожа не спускает глаз с Бао Пына, словно хочет разгадать слова чужого языка. Ей кажется... или в самом деле на лице Бао Пына — величайшее удивление?..

Он молчит. Он не решается произнести и слова.

— Говори скорее, глупый человек! Не мучь меня! Где моя дочь?

— Госпожа, — Бао Пын разводит руками, — маленькая принцесса не прибыла к вождю племени гуйфан.

— Как — не прибыла?! О боги, дайте мне силы! Как — не прибыла? Ведь ты сам доставил ее туда! Куда ты девал мою дочь? Слуги! Скорее кандалы!.. Казните его: он продал мою дочь! Чудовище! Обезьянье отродье!

— Помилуй, господа! Как можно так говорить! Собери всех слуг, которые были вместе со мной. Они подтвердят тебе, что вождь племени, хромой человек с расплюснутым носом, сопровождаемый большим числом всадников в остроконечных шапках, на быстрых красивых конях, с почестями приняли нашу принцессу.

— А ты расскажи этим посланцам, как встретили принцессу, опиши людей и одежду. Что они скажут?..

И снова изумление на лице старого Бао Пына. Он долго объясняется с кочевниками. И вот старший из них улыбается, кивает и повторяет: «Сэ! Сэ!..»

— Господа! Горе нам! Маленькая принцесса попала к вождю племени сэ. Эти люди, посланцы молодого вождя племени гуйфан, говорят, что воины племени сэ как раз и носят остроконечные шапки.

И снова заговорили посланцы далекой степи. Они что-то требовали, голоса их становились все громче, а

старый Бао Пын становился все мрачнее. А затем он сказал госпоже, что люди племени гуйфан требуют обратно солнечных коней. Их вождь велел сказать, что не хочет расплачиваться за свою доверчивость и раз не досталась ему в жены китайская принцесса, то он желает получить обратно свой щедрый подарок.

— А ты сказал посланцам гуйфан, что нет у нас коней и что князь Чжун Цин погиб из-за них?

— Сказал. Но им дела нет до этого. Они не уйдут, пока не получат достойной оплаты.

— Что же мне делать, порождение осьминога? Как найти мою дочь, мою маленькую принцессу? Скажи им, что я дам бесценные сокровища, только пусть они помогут нам найти маленькую принцессу.

Старый Бао Пын о чем-то долго говорил с посланцами кочевой степи, и госпожа видела, как лица их расплывались в улыбке. Им явно захотелось получить бесценные сокровища из дворца Чжун Цина. Как оживился старый кочевник! А как засиял Бао Пын!.. Нет, нет, он не продал принцессу. Но где же она?

— Что они говорят?.. — не терпится узнать госпоже.

И улыбающийся переводчик спрашивает:

— Какие сокровища предложит им госпожа? Они согласны помочь, обещают найти маленькую принцессу.

— Отдай им самую большую яшмовую вазу, принеси вон тот лаковый сундук — в нем драгоценные шелка, затканые золотой нитью, а на моем черном столике возьми ларец с камнями-самоцветами. Отдай им все это. Таких богатств они не видели во всю свою жизнь. Но ты поедешь с ними, Бао Пын, ты должен вернуть домой Голубой Цветок. С тобой поедет свита и еще вдвое больше слуг.

ВОЛШЕБСТВО ЧЕРНОГО ОЗЕРА

Фамир услышал Зарину. Он был совсем рядом, за ближним уступом. Все его существо превратилось в зрение и слух. Но ему мешало собственное сердце. Оно билось так громко, что, казалось, заглушало голос Зарины. А ему хотелось услышать каждое слово любимой, каждый ее вздох. Он стоял за выступом, стараясь на всю жизнь запомнить этот дивный облик!..

Зарина высоко подняла факел. Во тьме пещеры она была подобна богине, которая спустилась с озаренного солнцем облака. Только там, рядом с божественным солнцем, могут быть такие красивые женщины. Печаль и заботы изменили ее лицо. Оно уже не было таким озорным и радостным, каким запомнил его Фамир в счастливые дни возвращения с победой. Тогда она гнала его прочь, но это были счастливые дни. А сейчас Зарина зовет его, но их разделяет бездна. Глаза ее светятся добротой и лаской.

Сердце Фамира разрывалось от горя. Как ему устоять перед искушением? Как заставить себя навсегда уйти

и не сказать Зарине о том, как она ему дорога и как безмерны его страдания. Фамир смотрел на нее, стараясь запомнить каждую черточку лица, чтобы оно навеки осталось в его сердце, в его памяти.

— Подойди ближе, моя Зарина, — шептали его иссохшие губы. — В последний раз я вижу тебя. Ты уйдешь — и для меня погаснет солнце! Скажи еще слово, прекрасная Зарина!

Фамир едва шевелил губами. Он старался не дышать, чтобы не выдать своего присутствия, но Зарина словно услышала его. Она подошла совсем близко к выступу и голосом, полным скорби, сказала:

— Где же ты, мой Фамир?

И Фамир не сдержался. Он рванулся вперед... Еще один шаг, и она увидит его. Но чей-то голос внутри его крикнул: «Стой, ты погубишь ее! А есть ли у тебя что-либо дороже Зарины?»

— Фамир, я жду тебя! — крикнула Зарина и высоко подняла факел.

Фамир колебался. Может быть, только несколько слов, только три слова!.. Но что такое слова? А жизнь? «Ты загубишь ее!..» Сердце страшно билось, словно хотело выскочить. Он подумал, что Зарина может услышать этот непокорный стук его сердца, он метнулся назад, в темноту... И Зарина увидела его.

— Он здесь! Подруги!.. — закричала она.

А Фамир, спотыкаясь о камни, бежал прочь. Где-то далеко едва-едва пробивался светлый луч. Что-то блестело, — может быть, вода? Он поплывет. Силы оставляют его, ему трудно бежать по камням, но он должен — для спасения Зарины. Только бы она не коснулась его! Наконец-то вода! Он поплывет... Факел Зарины осветил черное озеро и Фамира. Он барахтался в густой черной грязи. Что бы это могло быть?

— Спасайте Фамира! — закричала Зарина, протягивая руки к любимому. — Помогите мне, подруги!

Девушки, стоявшие у входа в пещеру, бросились к Зарине. Но Фамир схватился за камень, выбрался из черной липкой массы и побежал. Он выскочил из пещеры и скрылся в густой зелени листвы.

— Фамир, ты погубишь нас! — кричала вслед ему Зарина. — Остановись, Фамир! Выслушай меня! Знай — я без тебя не уйду из Персиды!

Фамир остановился. Что делать? Мысли путались в голове. Он не подойдет к ней. Но он должен сказать об этом.

— Зарина, пойми, ты мне дороже жизни! Я не могу губить тебя! Живи! Будь счастлива!.. А я пойду.

Фамир услышал, как всхлипывают подруги Зарины. Кто-то, уже не сдерживаясь, громко рыдал. А Зарина, его любимая Зарина, сказала:

— Мы вместе уйдем, Фамир, и, если богине будет угодно, вместе будем жить. А если нам суждено уйти в мир предков, мы и там не расстанемся.

— Ну что ж, Зарина, дай мне один день. Оставь целебные травы, какие у тебя есть, оставь одежду, а завтра я встречу вас здесь. Только дайте слово, что никто из вас не прикоснется ко мне, никто не подойдет ко мне близко.

— Завтра мы придем сюда, Фамир!..

Фамир еще долго смотрел на скалу, за которой скрылась Зарина с подругами. Это уже не сон, не мечта. Она жива, она здесь!

Фамир направился к водопаду смыть липкую грязь. Но, сделав несколько шагов, он свалился — силы покинули его.

Крепкий сон сковал Фамира.

Он проснулся на рассвете и никак не мог понять, что с ним произошло. Весь он в черной липкой грязи. Почему? Что с ним случилось? И вдруг все всплыло в памяти. Зарина, девушки из кочевья... Они спасли всех саков. Он все слышал, все понял. И он пойдет с ними к родным шатрам. А не причинит ли он им зла? Но он обещал прийти, они ждут его...

Фамир побежал к водопаду и стал смывать с себя липкую грязь. Радость и сомнение боролись в нем. Он видел Зарину с горящим факелом. Дрожащими руками вытирал он рубашкой свое тело. Он пойдет к своим сакам, он больше не будет скитаться... Он не подойдет к Зарине, не коснется рукой ее платья. Он... Но что это?!

Кожа показалась ему удивительно гладкой. Он дотронулся до лица — оно гладкое!.. словно ничего и не было!.. Возможно ли? Что это, чудо? Он такой же, каким был прежде. Надо взглянуть на себя в маленькое спокойное озеро. Может быть, ему все это кажется? Не сон

ли это?.. Или боги смилостивились и пришел конец страданиям? Фамир вдруг ощутил необыкновенную силу и бодрость. Он побежал к спокойному озеру и много-много раз смотрелся в его зеркальную поверхность. Свершилось чудо! Он стал прежним Фамиром. Он здоров, и Зарина ждет его. Его братья на свободе. Они вернутся к родному Яксарту. Пусть же это свершится!

Он побежал к пещере, взял травы, оставленные Зариной, захватил одежду, уже непривычную одежду сакского воина. И лук с колчаном здесь. Теперь надо незаметно пробраться к тому месту, где его будет ждать Зарина. Скорее бы настал этот счастливый миг! Она сказала: «Я жду тебя, Фамир!» А было время, когда он стоял у ее повозки и просил показаться, а в ответ он слышал звонкий смех гордой и неприступной красавицы. Слова сказать не хотела! А теперь будто переродилась. Совсем другая Зарина. Это она привела с собой отряд девушек. А сколько понадобилось хитрости и ловкости, чтобы в чужом, враждебном городе, в столице персидских царей, узнать о ничтожных рабах-саках! Как она сумела? Как ей удалось освободить несчастных узников? Только племя саков имеет таких женщин. А он, ничтожный, ходил в шатер китайской принцессы!

Но откуда это чудо? Откуда пришло исцеление? Может быть, это волшебство черного озера? Или добрые духи помогли? О, конечно, так... Грязь черного озера целебна. Вот где истина. Благословенно черное озеро, это оно вернуло его к жизни! Теперь он будет здоровым, вернется в долину Яксарта. Там нет рабов и прокаженных. И как счастливы они будут с Зариной! Теперь она уже не откажется сыграть свадьбу. Белый праздничный шатер, в котором его дожидалась принцесса из царства Чжоу, будет для Зарины. А принцесса? Принцесса вернется домой. Бедняжка! Какой трудный путь преодолела эта тоненькая, маленькая девушка! Хрупкая, как тростиночка. И зачем?

Фамир переоделся. Он снова вольный сын степей. Скорей, скорей искать своих братьев! Скорей увидеть Зарину и сказать ей, что никогда прежде он не любил ее так крепко, как сейчас!

«Снова птица радости вошла в мое сердце», — говорил себе Фамир.

Он пошел искать Зарину. Он заходил в пещеры, где

раньше никогда не бывал, и звал ее, выходил на тропу и вглядывался, нет ли там знакомых всадников. Потеряв терпение, Фамир забыл осторожность. Разве он не знал, что воины Дария будут искать беглецов? И вот несчастье — Фамир увидел их, и воины увидели его. Вот они скажут к нему навстречу. Но нелегко достанется им добыча. Скорее лук! Только в цель! Иначе все напрасно. Нет, не напрасно: свалился толстый, ленивый воин из охраны крепости. Второй целится. Кто опередит? Фамир снова натянул тетиву. И второй свалился! Лошади умчались. Надо бежать. До сумерек скрываться, а потом снова искать своих.

Спрятавшись в густых зарослях подальше от дороги, где лежали убитые воины, Фамир с ужасом представлял себе, что было бы, если бы он не сумел так метко послать свои стрелы. Снова рабство или смерть? Он с благодарностью взял в руки свой лук. Он готов был ему поклониться, как живому существу.

Уже вечерело, когда Фамир, потеряв надежду встретить саков, снова вышел на дорогу. Вот скажут всадники. Кто это? Враги или друзья? Фамир из-за кустов смотрит на дорогу. Вот оно, счастье: это они. И впереди Зарина!

— Братья! — закричал Фамир. — Саки!

— Фамир! — воскликнула Зарина. — Ты пришел, Фамир! Ты вернешься с нами! Скорее на коня! Нельзя медлить!

— Я с вами, Зарина! Свершилось чудо, я здоров! У меня нет проказы! Я не принесу вам зла. Дайте мне копьё. Теперь я буду защитником вашим в трудном пути.

— Скорее к пещерам! — торопил Ишпакай. — Мы пришли за тобой, Фамир, а теперь надо спешить. Ведь воины Дария могут нас настигнуть.

— Они уже были здесь! — воскликнул Фамир. — Я мог стать их добычей. Нас ждет трудная тропа. Скорее в путь!

Они помчались вперед. Фамир и Зарина были рядом.

Возможно, что совсем близко их искали воины Дария. По городу и в предместье шныряли слуги Артавардия, которым было поручено найти Зарину. Все вокруг них было враждебным. Никто не знал, что ждет их впе-

реди. Но они верили в удачу. И каждому из них казалось, что счастливей нет людей на земле.

— Теперь уж нас никто никогда не разлучит, — говорил Фамир, заглядывая в лицо Зарины.

— Кто же может нас разлучить, когда даже царю царей Дарию не удалось этого сделать! — смеялась Зарина.

— Кто может нас разлучить, когда даже боги, которые задумали предать проклятью мое тело, остановились, не причинили нам зла? Мне кажется, что я видел страшный сон, — говорил Фамир, — и теперь проснулся ясным светлым утром. Я жив. Я непрокаженный. И ты рядом со мной, Зарина. Впереди у нас целая большая жизнь. Скажи, Зарина, ты была когда-нибудь такой счастливой?

— В сердце моем большая радость. Может быть, это и есть счастье? Бывало, прежде, когда при мне говорили слово «счастье», я не знала, что оно означает, и понять не могла, откуда это берется.

— Трудно понять! — согласился Фамир. — Это начинаешь понимать лишь после того, как пройдешь сквозь страдания, бескрайние, как наша степь.

— Когда я узнала о том, что ты стал рабом Дария, — продолжала Зарина, — я поняла, что наказана за свою гордость. Но и прежде я была наказана за свое легкомыслие. Это было в тот день, когда мне донесли, что у тебя есть невеста из царства Чжоу. Ведь то была принцесса. Я подумала: она богата, красива, у нее драгоценности, почему бы тебе не жениться на ней?

— О, этого не могло быть! — воскликнул Фамир.

Его слова были так искренни, что нельзя было не поверить ему.

— Глядя на принцессу, я думал только о тебе, — признался Фамир. — Я сказал отцу, что этот цветок не для меня.

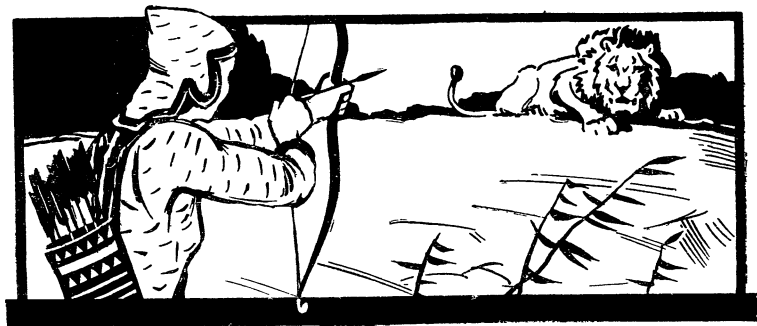
— Теперь отец не станет тебя упрашивать, — улыбнулась Зарина, — он решил взять ее себе в жены. Мне сказали об этом девушки вашего племени.

— Вот этого я не допущу! — возмущился Фамир. — Как только вернусь домой, тотчас же позабочусь о принцессе. Помогу ей вернуться домой. Пусть живет счастливо в великом царстве Чжоу. Ей не пристало доить кобылиц и добывать на охоте мясо дикого ка-

бана. У нее должны быть слуги, и крыша нужна черепичная, а не войлочная. А тебе, Зарина, понравились дворцы в Персиде? Захотелось тебе жить в доме под крышей?

— То, что я видела, показалось мне удивительным. Но я бы не стала жить в такой золотой клетке. Зачем только люди сами устраивают себе неволю? Зачем сами отгораживаются от солнца каменными стенами? Я должна видеть небо. Не могу жить без солнца и ветра. А крыша может быть и тесовая, не обязательно войлочная.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Зарина, посмотри, какое небо! Словно черное покрывало, затканное серебром. Не ты ли выткала его, моя любимая?

— Фамир, ты словно только что родился и впервые увидел ночь. А рассвет ты видел? Погоди немного, погаснут эти маленькие светильники, которые люди называют звездами, и ты увидишь, как прекрасна заря. Взойдет солнце и принесет нам новый день. Как ты думаешь, много ли нам отпущено радостных дней?

— Щедрая богиня не поскупится, она вознаградит нас за наши страдания. Ты заслужила много-много радостных дней, Зарина. Пусть все горести останутся на чужбине...

Весело трещали сучья костра. Весело светили звезды, и счастьем горели глаза. Яркое вспыхнувшее пламя вдруг вырвало из тьмы черные силуэты коней и лицо Фамира, словно вылепленное из красной глины.

— Как хорошо, что ты попал в это чудесное озеро,

Фамир! Значит, черная грязь лечит проказу? Или не проказа это была вовсе?

— Ты, Зарина, принесла мне исцеление. Когда ты позвала меня и я в страхе бежал, боясь, что ты прикоснешься ко мне, я вдруг увидел озеро и бросился в него. Сама богиня привела меня к этому озеру. Я случайно его нашел, а оно принесло нам счастье. Я думаю, что оно целебное. А может быть, охранники ошиблись и у меня во все не было проказы. Они хотели сделать меня еще более несчастным, чем может быть раб, и они это сделали. Так бы я и скитался, как лютый зверь.

— Забудем все дурное, Фамир! Посмотри, как прекрасна заря! Какое светлое утро! И каждый день будет таким...

— Я уверен, что каждый день будет радостен. Но послушай, Зарина... Или мне кажется?.. В стаде какое-то смятение. Что бы могло случиться? Братья наши спят. И девушки отдыхают. Три дня неслись, не зная устали. Истомились. Однако разбудим Ишпакая... Мне кажется, пастухи кричат.

— Беда! Беда! — слышался отчетливый крик пастухов.

Зарина и Фамир, схватив луки, побежали к стаду. По дороге Фамир разбудил Ишпакая и табунщиков. Странная картина представилась им. На стадо напали львы. Старый лев и могучая львица с рычанием раздирали свои жертвы, а их детеныш, совсем еще небольшой львенок, приготовился к прыжку. В опасности был пастух, который пытался разогнать хищников своей громадной плетью. Он поднимал плетью высоко над головой и со свистом опускал ее. Еще одно мгновение — и львенок загубит пастуха. Фамир ловко попал в цель. Львенок свалился, пронзенный стрелой. Но львица, почуввав опасность, бросила свою добычу, и не успели всадники очнуться, как разъяренная хищница вцепилась в лошадь табунщика. Лошадь поднялась на дыбы, но тут львица заметалась, ее настигла стрела Зарины. Фамир добил ее своим мечом. Ишпак стал прицеливаться в льва, но хищнику удалось бежать. И тут все увидели, как поживились львы этой ночью: десять задранных баранов и лошадь табунщика. Зарина и Фамир освежевали шкуры львицы и детеныша — редкие трофеи для саков.

— Вот и день настал! — весело воскликнул Фамир. —

Солнце взошло и обласкало нас. Принесем ему щедрую жертву. Ишпакай, приведи из табуна красивого и быстрого жеребца. Мы ушли от царя царей, но могли бы погибнуть от царя зверей.

И снова двинулся в путь караван. Теперь ему не страшны были марды. Отряд Зарины больше не боялся разбойников. Сто пятьдесят молодых воинов, бывших пленников Дария, служили хорошей защитой. А пока они шли по зеленым долинам и с восхищением осматривали бескрайние поля, опоясанные цепью гор. Все радовало их в пути. Каждую минуту они ощущали счастье свободы.

Молодым сакам очень хотелось насладиться охотой, да и дичь была сейчас не лишней. У отряда оставалось не так уж много припасов. Ишпакай говорил, что скоро на пути каравана встретится река, в которой можно будет добыть рыбу, а поблизости — болото, где много птицы.

— Чудесно это! — говорил Фамир. — Теперь нас все радует. Как ни стараюсь забыть прошедшее, а оно вспоминается. Трудно себе представить, что было бы с нами, если бы не вы, отважные амазонки.

— Я не поверю, чтобы вольные саки покорились персам, — говорила Спаретра. — Вы бы и без нас бежали.

— Саки никогда и никому не покорялись, — вмешался в разговор Саксафар. — Через несколько дней, как только нас пригнали строить крепость, каждый стал готовиться к побегу.

— Как же вы готовились?

— Каждый принес в свое логово камни, из которых мы сделали потом что-то вроде острых ножей. Это нужно было для того, чтобы перетереть звенья цепи и дать свободу рукам. Мы хранили эти камни в одной из пещер. Туда же мы сносили дикие коренья и сухие ягоды. У нас не было ни одного лука и ни одной стрелы, а как уйдешь без этого? Чем перебежешь охранников? Трудно было без бронзового ножа, без меча. Острием камня мы сделали несколько луков и несколько стрел. Все это осталось в пещере. И знают об этом только злые духи.

— И мы видели злых духов в пещере! — воскликнула Спаретра.

— Они пронеслись над нами и даже задели мое плечо, — подхватил Фамир. — Это случилось в первый наш приход в пещеру. Приходили мы ненадолго, когда уда-

валось незаметно отлучиться. И вот, когда увидели, что это убежище злых духов, решили больше туда не ходить. Но прошло немного времени, и мы поняли, что не следует бояться этой пещеры. Ведь духи не причинили нам зла, значит, они покровительствуют нам. К тому же мы рассудили, что, если бы сами персы не боялись злых духов, они превратили бы эту пещеру в царскую сокровищницу, так она была богата и красива. Но персы не пришли сюда. Почему бы нам тогда не воспользоваться этим? Подумав так, мы стали смелее. Мы даже обламывали куски сверкающего камня, хотели потом увезти к себе домой.

— Хорошо, что духи не сделали вам зла.

— Мы даже не всегда их видели. Иной раз они с шумом проносились над нами, а бывало, что и не показывались. Но мы редко приходили в пещеру. От зари до заката, обливаясь потом и задыхаясь от пыли, мы добывали камень для крепости. В цепях и ошейниках мы укладывались спать на голой земле в своем загоне. Когда удавалось отложить для побега горсть ячменя или сорвать немного диких ягод вблизи каменоломни, мы радовались, что настанет день и нам удастся бежать. Мы часто вспоминали Кидрея и жалели, что нас угнали в эту каменоломню. Там, на строительстве дворца, было легче. Но после того как бежал Кидрей, они угнали нас. Как хорошо, что вы пришли, наши избавители! А ведь мы не ждали спасения из дому. Мы знали, что у Мирмира нет такого крепкого войска, какое нужно для войны с Дарием. Разве простым луком и скифской стрелой возьмешь такие крепости? Мы строили крепость, где стены были толщиной в четыре локтя. Нам бы воздвигнуть такие у берегов Яксарта!

— И у нас будут такие, — уверенно сказал Фамир. — Но прежде будем строить дома, срубы деревянные. Мы и пахарей своих будем иметь. Сейчас мы редко едим пшеничную лепешку, лишь тогда, когда удастся обменять своих овец на зерно. Да еще рыщем по степям в поисках скифов-пахарей. А почему бы нам самим не возделывать землю? Разве на берегах Яксарта не вырастет хорошая пшеница?

— Вот еще что придумал! А кто уйдет с табунами? Кто погонит овец в горы? — спросила Спаретра.

— Одни пойдут со стадами, другие будут землю воз-

делывать. Когда нас гнали через селения Персиды, мы видели, как много у них и пастухов и пахарей. Персы хитрые. У них каждый сановник имеет земли, и все они возделаны. Много у них пахарей! В каждом доме слышен стук песта — хозяйки разбивают зерна. И нам бы такой достаток!

— Скажи, Фамир, — спросила Зарина, — почему ты не ушел в ту пещеру, где были спрятаны ваши луки со стрелами и запасы пищи в дорогу? Ты бы мог там прожить...

— Так мог поступить только подлый злодей. Лишить братьев надежды на спасенье! — воскликнул Фамир. — Я бы скорее умер от голода, чем сделал такое!

Уже вечерело, когда отряд подошел к реке.

— О, как разлилась река! — забеспокоился Ишпак. — Когда мы шли сюда, мы легко перебрались с того берега. А теперь как несется! Берега залиты.

— Плоты сделаем, — предложил Фамир. — Срубим вот эти деревья и сделаем плоты. Топоры у нас есть, и ремни кожаные найдутся.

— Тогда за дело! — крикнула Зарина. — Амазонки, помогайте. Не будем отдыхать!

Вскоре на берегу реки под ночным небом зазвенели топоры, повалились деревья и весело затрещали костры из сучьев.

Когда взошло солнце, уже были готовы плоты. На них можно было переправить скот и повозки с поклажей. Лошадей стали загонять в воду. Пока было мелко, они шли охотно, но, дойдя до середины реки, остановились. Одни из них повернули назад, другие стояли и не двигались с места. Табунщики измучились, помогая упрямым животным. Тогда каждый всадник взял под уздцы лошадь, помогая ей преодолеть быстрое течение.

Вместе с другими поплыла рядом со своим серым конем и Зарина. Многие уже достигли противоположного берега, где разгружались плоты, а Зарина все еще боролась с течением. Вдруг ее Серый захлебнулся и стал тонуть. Не призывая никого на помощь, Зарина изо всех сил старалась ему помочь. Конь снова всплыл, но как-то неловко дернул ногой и толкнул Зарину. Она взмахнула руками и стала тонуть. Фамир, стоявший на берегу, с нетерпением ждал Зарину. Он мгновенно бро-

сил ся в воду и поплыл к ней. Вскоре он вернулся с Зариной на руках. Долго возились с Зариной, прежде чем к ней вернулось дыхание. Ее верный друг Серый стоял над ней и смотрел своими умными глазами. Фамиру казалось, что в глазах этих и страх и отчаяние, словно умное животное понимало, что явилось причиной несчастья.

Пока хлопотали вокруг Зарины, переправа уже закончилась, можно было собираться в путь. Но как поедет Зарина? Хорошо ли ей будет в повозке?

— Может быть, ей лучше полежать здесь? — беспокоилась Спаретра.

О Зарине говорили так, словно она была совершенно беспомощна и не могла подняться. Как же все удивились, когда, открыв глаза, Зарина с возмущением заявила, что намерена поехать верхом и что няньки ей не нужны. Она поднялась, подошла к коню, но была так слаба, что едва стояла на ногах. Пришлось воспользоваться повозкой, в которой она не сидела с тех пор, как покинула родной дом. Вот когдагодились мягкие войлочные ковры, заботливо приготовленные матерью!

Фамир сам взял вожжи и, тихо погоняя лошадей, стал вспоминать, как давно-давно — ему казалось, что это было очень давно, — Зарина, перевязав ему плечо, уложила его в эту же самую повозку и погнала коней, чтобы скорее покинуть поле брани, где вражеская стрела чуть не лишила его жизни. Тогда он впервые узнал, как добра и благородна эта смелая, гордая девушка. О Зарине говорили, что она красива и отважна, но что ошибется тот, кто будет ждать от нее доброго слова. Да и подруги Зарины звали ее гордячкой. Теперь Фамир понял, что они завидовали ей, завидовали ее красоте и смелости. Она уже не раз показала и смелость свою и преданность Фамиру. А теперь настал его черед. Теперь, когда опасность уже миновала, он радовался, что спас Зарине жизнь, радовался, что она жива, что она с ним и что вместе они возвращаются в родную долину.

— Фамир, а где мы построим дом? У самой реки?

— Я много думал об этом, Зарина. Не знаю, что скажут старейшины племени, а я бы сказал, что лучше покинуть берега Яксарта... Нам надо уйти далеко, в сторону восходящего солнца. Туда не дотянется жадная рука Дария. Я бывал в тех краях — там сурово,

зато человек там волен. Там не придется платить дань. И там есть Долина Кедров, где могучие деревья упираются в синее небо. Вот где можно построить хороший дом.

* * *

Все кочевье радовалось великой удаче амазонок. Теперь уже девушек иначе и не называли. Только и слышалось: «Амазонки пришли! Амазонки перехитрили! Амазонки спасли наших братьев!»

Для Миромира возвращение амазонок было особенно радостным. Когда вернулся в шатер его сын Кидрей и рассказал, как ужасна жизнь пленников в Персиде и как трудно им рассчитывать на побег, Миромир почти перестал верить в успех похода Зарины. Он понимал, как трудно ей будет осуществить свой замысел, как нужно владеть собой, чтобы не растеряться среди врагов. Ведь каждую минуту они могут лишить ее жизни.

Старый вождь много думал над тем, как поднять степных воинов в новый поход против персов, но видел, что еще не пришло время осуществить такой поход. Кое-что ему удалось сделать. В отдельных кочевьях он договорился с саками. Бывалые воины стали готовить коней и оружие, припасать зерно, но до похода было еще далеко. И вот — счастливое возвращение. Он знал, что Зарина его и отважна и смыслена, но оказалось, что много у нее еще и выдумки, и хитрости, а находчивость такая, какой может позавидовать только вождь племени. И снова Миромир размышлял: когда богиня призовет его в счастливый мир предков, последнее слово его будет о том, чтобы вождем племени избрали Зарину.

ПРИНЦЕССА СНОВА В ПУТИ

Необыкновенное оживление царило во всем кочевье. Весть о том, что племя Миромира вместе с людьми Мадия и другими саками намерено покинуть долину Яксарта и уйти в холодные края, к реке Катунь, дошла до самых дальних шатров, раскинутых в степи. Предстоящее переселение заставило многих призадуматься. А стоит ли? Ведь не так просто покинуть насиженные земли, где все так привычно и знакомо. Одни говорили, что у быстрой Катунь дремучие леса и полно всякого зверя, так что охота там богатая; другие утверждали, что там холодно и в шатре не проживешь, надо дома строить, согреваться у очагов.

Особенно трудно было уговорить стариков.

— Мы выросли на земле предков, и мы должны вернуться к ним. Зачем искать новые земли? И здесь прожить можно.

— Так не о том же речь, — объяснял Фамир. — Нам надо уйти подальше от кровопийцы Ахеменида,

чтобы он не смог протянуть туда свою руку. Те земли свободны от податей, вот почему мы туда пойдем.

— Пусть протянет, — упрямылись старики. — Протянет — отрубим! Куда только девалась храбрость сакских воинов? Прежде саки не были такими трусливыми!

— А там леса богатые. Там пушного зверя столько, сколько мы во всю свою жизнь не видавали, — продолжал уговаривать Фамир. — И степи там привольные. Станем и мы пшеницу сеять. Зачем искать пахарей на других землях? Зачем менять скот на зерно?

Но старики расходились молчаливые и угрюмые. Они не решались покинуть родной край. Фамир понимал, что не скоро все это сладится. Один только Миромир умел предвидеть, как свободно и привольно заживут саки вблизи богатых лесов. Мечты молодых увлекли Миромира. Ему так же, как и Зарине, хотелось скорее увидеть хороший деревянный дом на берегу светлой реки, хотелось пойти на зверя. Саки, побывавшие в тех краях, рассказывали, как много там белки, выдры, енота, как много дичи.

Еще трудней было поднять племя Мадия. Для того чтобы двинулись с места повозки и шатры, нужно было, чтобы прежде всего захотел уйти вождь племени. А Мадий упрямылся. Фамиру никак не удавалось договориться с отцом. Старик стал злобным и еще более неговорчивым, чем прежде. Хоть он и радовался тому, что вернулся домой его единственный сын, но не хотел простить Фамиру его непокорности. И еще одно огорчение было у старого Мадия. Кто-то похитил у него китайскую принцессу. На сердце Мадия лег камень.

Принцесса исчезла внезапно, и Мадий узнал об этом в то утро, когда пошел к шатру Голубого Цветка, чтобы сказать о своем намерении жениться на ней. Он вел на привязи маленького жеребеночка, которого хотел подарить принцессе. Мадий был тогда в добром настроении и заранее придумал, как рассмешить принцессу. Он уже представил себе, как она ему улыбнется и как склонит перед ним свою голову. Но что же он увидел?.. Шатер был пуст. В нем не было ни принцессы, ни служанки.словно они никогда здесь и не жили. Принцесса исчезла вместе со своими циновками и сундуками. Мало того — исчезла ее колесница, не было и коней. А вокруг — никаких следов. И что больше всего возмутило Мадия:

никто вокруг ничего не видел и Мадью не удалось узнать, когда и куда ушла китайская принцесса. Словно все были в заговоре. Но какой мог быть заговор у чужеземной принцессы с людьми его племени? Близкие ему воины говорили, что это могло произойти темной ночью, когда все спали. А хитрая служанка извела немало мяса и так накормила собак, что ни одна не залаяла.

В первую минуту у Мадия появилось желание вскочить на коня и погнаться за беглянкой вместе со своими охотничьими псами. Собаки у него были злые. Они не упустили бы добычи. В другое время они мигом нашли бы беглянку. Но вот беда: ночной дождь смыл следы. Как теперь узнать, куда она скрылась? Мадий раздражил собак, чтобы они стали злее, и поскакал по степи, Но в какую бы сторону они ни бросались, нигде никаких следов. Кто помог ей? Куда они скрылись? Не похитил ли ее вождь кочевого племени, которого китайцы называли «гуйфан»? А может быть, ее выгнала старуха? Ох, и злая же у него старуха! Он только несколько раз успел заглянуть в благоуханный шатер принцессы, а сколько выслушал проклятий от жены!

«Однако поскачу по дороге, ведущей к гуйфанам, — подумал Мадий. — Все равно сердцу беспокойно, словно что-то потерял. А ведь потерял! Много потерял! Ничего не жалел для нее. Одних ягнят сколько отдал! А дичи всякой! А кони, посланные со свитой! Сам отдал пятнадцать лучших коней, слова не сказал. Не для себя ведь старался — для сына...»

— Так не ищи ее, старый пес! Зачем ищешь? — крикнул Мадий в сердцах.

Старик метался. То он скакал по степи, то возвращался. А псы, голодные и злые, кружились вокруг него, и кровь в нем кипела, и печень горела от ярости! Что делать?.. И вдруг Мадий вытащил свой длинный, узкий нож и вонзил в пасть бегущего рядом пса, а потом схватил лук и перестрелял всех собак.

* * *

А виновница этих несчастий, маленькая принцесса из царства Чжоу, в это время, сидя у костра, напевала одну из своих любимых песен, и ей с удовольствием внимали пастухи и молодые табунщики.

Как же попала сюда маленькая принцесса? Может быть, ее похитили эти люди степей? Нет, ее не похитили. Ее доставила сюда верная Цай Э. И надо сказать, что маленькая принцесса была очень рада этому обстоятельству. Ей давно уже наскучило сидеть одиноко, и даже веселые девочки, которые приходили петь и вышивать у нее в шатре, тоже ей надоели.

И вот все переменилось. Это случилось после того, как старый Мадий весь вечер просидел у них и что-то долго и непонятно говорил служанке. Служанка хмурилась и молчала. Она не отвечала старику, а когда госпожа спросила, о чем говорил Мадий, она только махнула рукой. Ночью принцесса проснулась, услышав шорох и возню в шатре. Она увидела... не снится ли ей?.. Все вещи уложены, Цай Э одета, а для принцессы приготовлена теплая одежда.

— Что случилось?

— Госпожа! Мне не до шуток! И тебе не до шуток! Тебе грозит опасность: боюсь, как бы старый Мадий не вздумал взять тебя в жены!

Как ни страшно было маленькой принцессе, но, услышав эти слова, она рассмеялась:

— Ты с ума сошла, Цай Э! Ты поглупела здесь, в стране неведомых сэ! Откуда ты это взяла?

— Госпожа! Мне не до шуток! И тебе не до шуток! Пока ночь темна и люди спят, покинем этот шатер, чтобы никто не смог найти нас. Мы уедем на колеснице далеко в степь, там у меня есть знакомые табунщики; они нам помогут, они спрячут нас до возвращения Фамира. Я знаю, он скоро вернется. Поверь мне, все будет хорошо. Я вижу, ты плачешь, моя маленькая госпожа. Не плачь, не бойся! Твоя верная служанка никогда тебя не покинет. Я никому не дам тебя в обиду.

Дрожащими руками принцесса натягивала на себя одежду.

— Пойдем куда угодно. Я на все согласна. Я ничего не понимаю. Какой-то злой рок тяготеет над нами! Теперь я вижу: гадательные кости предсказали мне неправду. Где же моя счастливая звезда? Как я несчастна!..

Ох и хитра же Цай Э! Когда она успела все это подготовить? У лошадей подвязаны войлоком копыта, соба-

кам брошены куски мяса, колесница едва слышно шуршит по траве, и вокруг тишина, ни звука.

— Только бы никто не вышел из шатра Мадия, только бы ускользнуть незаметно! — шепчет в страхе Голубой Цветок.

— Не бойся, моя жемчужина, никто не выйдет из шатра Мадия, — тихо смеется Цай Э. — Ведь нам покровительствует старуха. Она напоила старика снотворным зельем, чтобы он крепко спал этой ночью. Она же велела молодому табунщику с дальнего пастбища встретить нас. Томира — добрая старуха, хоть и уродлива, как мартышка.

— Ты говоришь, что Томира помогла нам бежать, но ведь совсем недавно ты утверждала, что она злодейка и коварная колдунья.

— К счастью, она оказалась совсем не такой скверной, как я думала. А когда она позвала меня и сказала, что поможет нам с тобой убежать от старого Мадия, я поняла, что она хорошая женщина.

— Но разве нам пристойно жить в шатре табунщика? — спросила принцесса. — Одно дело — жить в шатре вождя племени, который знатностью своей не уступает князю из царства Чжоу, а другое дело — поселиться в шатре табунщика. Боюсь, что мой балгородный отец, князь Чжун Цин, не перенесет такого унижения. Ты подумай, что нам делать, моя заботливая Цай Э. Ты все знаешь и все понимаешь. К тому же ты у меня одна на чужбине...

И Голубой Цветок стала всхлипывать. Она боялась плакать громко, как плакала всегда, чтобы все окружающие слышали и видели ее горе. Теперь она не хотела нарушить тишину.

— Напрасно ты огорчаешься, моя драгоценная госпожа. Я давно уже знаю молодого табунщика, который должен нас встретить. Он вместе со своим старшим братом охраняет богатое стадо, доставшееся им в наследство от отца, недавно погибшего в битве. Эти братья осиротели, но они принадлежат к весьма знатному, прославленному роду воинов. И как ты могла подумать, что я поселю тебя в шатре какого-то бедного табунщика!.. Никогда, моя госпожа, я не забываю о твоей знатности. Разве я могу забыть, как знатен князь Чжун Цин, твой благородный отец?..

— Такие слова — это бесценный дар, моя единственная Цай Э. Пусть добрые духи вознаградят тебя за твое нежное сердце, — вздохнула принцесса, и в голосе ее Цай Э уловила ласковые нотки.

— Однако добрый юноша не заставил себя ждать, — сказала Цай Э, поглядев в маленькое окошко колесницы. — Я вижу его, он спешит к нам навстречу на своем черном коне.

— Ты уверена, что он скачет навстречу нам? А может быть, это другой человек, посланный Мадием, и он причинит нам зло?

Но в это время всадник осадил своего коня перед колесницей и окликнул служанку по имени. Цай Э выскочила из колесницы. А затем молодой всадник низко поклонился принцессе и сказал непонятные, но очень хорошие слова:

— Добро пожаловать, госпожа! Мой дом — твой дом!

Когда Цай Э передала принцессе слова юноши, Голубой Цветок словно расцвела. Она тотчас же позабыла свои страхи и весь дальнейший путь была весела и беспечна.

И вот они зажили в шатре двух братьев. Усилиями верной служанки этот шатер преобразился и стал походить на комнату принцессы в доме Чжун Цина. За голубым шелковым пологом была устроена постель принцессы. Пол был устлан мягкими войлочными коврами. Повсюду стояли резные деревянные сундуки, в которых хранились драгоценности и одежда. Каждый день к шатру Голубого Цветка доставлялась свежая дичь. То и дело пригоняли ягнят, приносили рыбу. И очень скоро принцесса заметила, что старший брат, Аморг, особенно заботлив и внимателен к ней. Как-то во время прогулки Голубой Цветок встретила Аморга, когда он возвращался после удачной охоты. Юноша положил у ног принцессы свою добычу и тут же ускакал. Принцесса потом весело смеялась, рассказывая служанке, как забавно он сделал ей свое приношение.

— Так у них принято, — объяснила Цай Э. — Помнишь, Фамир точно так же приносил тебе в дар добытых им диких уток. Кстати, — заметила служанка, — до меня дошли слухи, что Фамир вернулся. Надо его позвать. Ведь он не знает, где мы сейчас на-

ходимся. Он думает, что мы вовсе покинули долину Яксарта.

— Не торопись, Цай Э, — ответила принцесса. — Мне не очень хочется увидеть Фамира. Пусть это случится когда-нибудь позднее. Мне будет жаль покинуть гостеприимный шатер двух братьев. Здесь нам так привольно живется! Посмотри, каких чудесных зверюшек принес мне Аморг. Они вырезаны из дерева, но выглядят так, словно живые. А вчера я видела танец «Укрощения коня». Мне так понравилось! Я бы хотела еще посмотреть на такие пляски. Не торопись, Цай Э!

— Зачем же нам торопиться, моя драгоценная госпожа? Мы живем здесь привольно и весело. Старая Томира очень помогла нам. Это она позаботилась о том, чтобы пастухи угнали отсюда стадо Мадия, и теперь Аморг единственный хозяин на этом пастбище. Старая Томира называет братьев табунщиками, для нее не существует различий в знатности рода. Но мы ведь знаем, как знатен род Аморга. Ты забудь о старом, противном Мадии. Он сюда никогда не придет.

— Я всегда говорила, что ты, Цай Э, удивительно толковая служанка. И матушка так думает. Она охотно отпустила меня с тобой так далеко. Возьми, Цай Э, мой подарок.

Принцесса сняла со своего мизинца перстень и протянула его служанке.

— А я всегда говорила, что добрее тебя, моя госпожа, нет принцессы во всей Поднебесной.

Голубой Цветок уже привыкла к мысли, что не надо торопиться к Фамиру и не следует бояться старого Мадия. Она радостно встречала каждое утро и весь день проводила в шутках и веселье. Здесь, в степи, она в самом деле расцвела, как цветок. Она перестала думать о будущем. Ей хотелось жить радостями сегодняшнего дня. И вдруг в шатер принцессы пришла Зарина.

— Я хочу помочь тебе добраться к молодому вождю племени гуйфан, — сказала принцессе Зарина. — Я знаю, тебе трудно живется в нашем кочевье. Старая Томира рассказала мне, что тебе угрожал коварный Мадий. Я помогу тебе. До границы соседних земель тебя проводят мои девушки, амазонки. Они не дадут тебя в обиду. К тому же они позаботятся о том, чтобы на пути

вашем не встретился Мадий. Он не должен знать о том, что ты здесь.

Служанка передала принцессе слова Зарины. Голубой Цветок не знала, что сказать. Ей было неловко признаться Зарине, что она не хочет больше видеть Фамира, что ей вовсе не нужен вождь племени гуйфан и что больше всего ей хочется остаться здесь, с юным Аморгом, который кажется ей добрее и умнее всех юношей Поднебесной. Маленькая принцесса ничего не сказала Зарине. Она только кивала ей в знак признательности и все думала, думала, как поступить.

Но вот служанка объяснила Голубому Цветку, что Зарина предлагает сейчас же собираться в дорогу. Мадий уехал на дальние пастбища, можно не бояться погоны. А когда он вернется в кочевье, будет труднее уйти незаметно.

— Ступай к Аморгу, спроси его, что нам делать!..

Принцесса едва сдерживала слезы, так ей стало вдруг горько и обидно за свою судьбу, так страшно и одиноко она почувствовала себя при мысли, что нужно снова собираться в путь. Куда она пойдет без охраны, без мудрого Бао Пына? Она уже раз попала в ловушку, попала в шатер Мадия. А разве такое не может повториться?

Зарина молча ждала ответа. Она видела слезы маленькой принцессы и жалела ее. Но Цай Э не заставила себя долго ждать. Вскоре она вернулась к шатру Голубого Цветка, и вместе с ней пришли братья. Аморг сказал Зарине, что проводит принцессу к границе чужих земель и не оставит ее до тех пор, пока она не найдет вождя племени гуйфан. Улыбкой, кивками, знаками, понятными только Голубому Цветку, Аморг сумел объяснить принцессе, что не следует беспокоиться, что он поможет ей уйти от опасности и Мадий об этом никогда не узнает. При этом он скорчил такую забавную гримасу, изобразив старого Мадия, что принцесса весело рассмеялась и больше уже не тревожилась.

— Ты спроси принцессу, может быть, она хочет увидеть Фамира? — предложила Зарина служанке. — Фамир вернулся.

Цай Э, помня свой разговор с принцессой, сама отвергла это предложение. Она давно уже поняла, что Голубой Цветок вовсе не стремится к Фамиру, а Фамир,

видимо, совсем забыл о принцессе. А ведь она ждала его так долго!

— Пришли нам провожатых, и мы уйдем отсюда, — попросила Зарину служанка.

Как только она узнала, что братья не оставят их и пойдут с ними до границы чужих земель, Цай Э решила, что не следует откладывать такое важное дело. Не так легко уйти тайно, чтобы Мадий не узнал. Сейчас старая Томира прислала сюда Зарину, а что они сделают потом?.. Надо воспользоваться покровительством Томиры.

— Пожелай ей счастья и благополучия, — попросила Цай Э Зарину. — Томира — добрая старуха!

— А я тебе желаю счастья и благополучия, — сказала Зарина принцессе, надеясь, что она ее поймет.

Голубой Цветок поняла. Она вся засветилась от радости, стала кивать Зарине и знаками ее благодарить.

Да, она покинет эти степи. Здесь не было счастья, здесь были одни только страхи. Она не знает, что ждет ее впереди. Но ведь каждому человеку положено немного счастья?

— Каждому! — ответила Зарина.

Она подумала о том, как много пришлось перенести этой маленькой хрупкой девушке с хорошенькой головкой и такими крошечными руками. «Ведь она беспомощна, как младенец. И зачем только понадобилась принцесса злему и упрямому Мадью?» Хорошо, что старая Томира, вероятно из ревности, позаботилась о принцессе, спрятала ее от старика. Ведь могло случиться и так, что Мадий забрал бы ее в свой шатер.

— Счастье надо добывать. А иной раз оно и само приходит, только надо разглядеть, — говорила Зарина.

И слова эти были для нее полны большого значения. Она не сумела разглядеть свое счастье, а потом добывала его, да как тяжело...

Когда Зарина покидала шатер Аморга, Голубой Цветок вдруг поняла, что никогда больше не увидит эту девушку, которая пришла к ней с доброй вестью. Ей захотелось сделать Зарине что-нибудь приятное. Принцесса бросилась к своему резному сундучку и вытащила оттуда белое шелковое покрывало, расшитое фениксами. Это был свадебный подарок матери. Такие покрывала никогда не продавались, их расшивали к свадьбе и дарили

невестам. Голубой Цветок накинула покрывало на плечи Зарины и сказала на прощание несколько слов на языке саков.

В назначенный день, в сумерках, к шатру Аморга прискакали амазонки, присланные Зариной. Цай Э стала быстро собирать принцессу в дорогу. Братья-табунщики обещали проводить их до границы земель гуйфан. Чтобы не задерживаться в пути и не обращать на себя внимания встречающих, решили разобрать колесницу и погрузить ее на вьючных коней. Принцессу переодели в одежду сакских девушек. Тронулись в путь.

Это был очень приятный путь. С тех пор как Голубой Цветок покинула свой дом, ей еще ни разу не было так весело и спокойно, как сейчас. Может быть, потому, что рядом с ней скакал на лошади Аморг — самый веселый человек на свете. И, хотя принцесса знала мало слов на языке саков, она отлично умела объясняться со своими спутниками.

Через несколько дней они приблизились к границам земель гуйфан. Голубому Цветку и Цай Э этот путь показался удивительно коротким. Теперь надо было расстаться с братьями-табунщиками, а без них уже не будет веселого смеха, шуток и песен. Да и девушки-амазонки покинут их. Маленькая принцесса очень с ними подружилась. Ее удивляло, что молоденькие девушки с длинными косами и бусами на шее так ловко стреляют из лука и всегда попадают в цель. Ей нравилось, как бережно они ухаживают за своими конями и украшают их пестрыми попонами и нарядной сбруей...

Ах, как быстро промчались эти дни!

Когда они проезжали мимо дубовой рощи, Цай Э вдруг сказала:

— Ты помнишь эту рощу, моя маленькая госпожа? Мне кажется, что здесь мы встретили хромого Мадия. Помнишь, наша колесница застряла меж двух могучих дубов, а в это время прискакали всадники Мадия, и мы так доверчиво последовали за ними.

— Помню. Вот здесь мы простились с моей свитой, с верными слугами, посланными моим добрым батюшкой. Как давно это было... Мне кажется, прошла целая вечность.

— Что ты, милая госпожа, прекраснейшая из дочерей Чжоу, ведь это было совсем недавно! Не прошло и

двух лет с того дня. Но мы не должны печалиться: у нас появились близкие люди из племени сэ. — И она многозначительно посмотрела на братьев-табунщиков. — Вспомни, госпожа, сколько добрых людей встретилось на нашем пути. И эти храбрые девушки, которые охраняют нас от злых разбойников, снующих по степным дорогам, и красивая Зарина; она тебе так понравилась, что ты одарила ее ценным подарком. А ты знаешь, госпожа, Зарина — дочь вождя племени, она из очень знатного сакского рода!.. Это почти что княжеская дочь. Она по знатности нисколько тебе не уступает. Но, узнав от старой Томиры о твоей беде, она пришла к тебе, чтобы помочь. Должна признаться, моя прекрасная госпожа, мне очень грустно уезжать отсюда. Я полюбила людей племени сэ за их простоту и благородство. Даже самые знатные из них не так коварны, как иные князья в царстве Чжоу.

— А Мадий? — воскликнула принцесса. — Ты хочешь сказать, что он благородный человек?

— Ну, Мадий — это точно старый Гуаньцзы. Страшно подумать — ведь ты могла бы стать женой Гуаньцзы, если бы не покинула свой дом.

— И мне грустно уезжать отсюда, моя добрая Цай Э. Твои слова — одна справедливость. Как мне жаль, что у нас нет черепахи и я лишена возможности погадать и узнать, что ждет меня впереди!

Но маленькая принцесса не успела досказать свою мысль Цай Э. Отряд амазонок был явно чем-то встревожен. Аморг взял под уздцы лошадь маленькой принцессы и отвел ее в сторону от дороги, за стволы деревьев. И тогда маленькая принцесса увидела, что девушки-амазонки вынимают стрелы. Не разбойники ли? Младший брат Аморга о чем-то горячо спорит с Цай Э. Наконец-то служанка поспешила к своей госпоже.

— Не бойся, госпожа. Ничего не случилось! Сюда приближаются какие-то всадники. Амазонки увидели их и приготовились защитить тебя. Не бойся! Тебя не дадут в обиду!

— А меня никто не похитит? Как ты думаешь, Цай Э? Я вся дрожу от страха, но все же хочу посмотреть на этих разбойников.

Принцесса пристально вглядывалась в приближающихся всадников.

— Посмотри, Цай Э! — закричала принцесса, хватая служанку за руку. — Не сон ли это? Посмотри, наша свита идет к нам. И впереди Бао Пын! Ущипни меня, Цай Э. Скажи, здорова ли я? Как могли попасть сюда мои слуги и служанки? Ведь я рассталась с ними два года назад!..

— Не стреляйте, остановитесь! — крикнула во весь голос Цай Э. — Здесь нет разбойников! Это благородные посланцы великого царства Чжоу!

Цай Э бросилась к Аморгу и стала ему все объяснять. Он подал знак амазонкам, и сразу же все опустили луки и стали прятать в колчаны стрелы.

А принцесса не верила своим глазам. Она ждала, когда добрый Бао Пын приблизится к ней. Ждала и боялась: а вдруг это вовсе не он. А если это действительно Бао Пын со свитой, то откуда они взялись? Или все остальное было тяжким сном и не было Мадия? Нет, нет! Это не сон!

И маленькая принцесса бросилась на шею старому Бао Пыну, который улыбался ей ласковой, доброй улыбкой. Бедняжка, она не верила своему счастью и ощупывала старика, словно он был ненастоящий.

А в это время Аморг разговаривал с посланцами племени гуйфан. Это они проводили Бао Пына со свитой до границ сакских степей. Он узнал, с какой целью прибыла сюда свита знатного князя Чжоу, и с грустью подумал, что настал час разлуки. И вдруг Аморг понял, что еще долго не сможет забыть веселый смех маленькой принцессы и долго еще печаль не покинет его, потому что память о Голубом Цветке будет жить в каждом уголке его шатра, где жила она... И он будет вслух вспоминать об этих счастливейших днях...

С грустью прощался Аморг с полюбившейся ему принцессой. Он ничем не выдал своей тоски, он молча любовался Голубым Цветком, но молчание иной раз бывает красноречивее самых горячих слов...

А маленькая принцесса засыпала вопросами своих старых слуг. Ей было дорого каждое слово о родном доме. И вдруг она увидела свою старую няньку. Это было так неожиданно и так хорошо, словно сюда, на границу сакских степей, перенесли часть княжеского дворца из долины Хуанхэ.

— Моя нянька! Моя старая добрая нянька!.. — воскликнула принцесса.

Голубой Цветок стала обнимать и целовать желтое, морщинистое лицо своей няньки, которая вырастила всех пятерых дочерей Чжун Цина.

— Как ты попала сюда, моя старая нянька? Можно подумать, что добрые духи перенесли тебя на своих крыльях!

— Зачем же духи, моя голубка! Быстрые кони твоего отца доставили нас сюда. Нас прислала к тебе твоя добрая матушка. Как ни трудно мне было, а пришлось ехать: никому нельзя было доверить наш Голубой Цветок. Когда твоя добрая матушка узнала, что ты в плену у неведомых сэ, она собрала нас всех, самых преданных слуг, и сказала: «Ступайте и привезите мне мою единственную дочь, мой Голубой Цветок!»

— И вы увезете меня домой? В наш дворец с деревянными драконами?..

Маленькая принцесса то плакала, то смеялась, а Цай Э стояла словно каменная.

Девушек-амазонок удивило все происходящее. Они ничего не понимали. А старый Бао Пын подошел к ним и, отвесив низкий поклон, словно он был во дворце Чжун Цина, сказал на языке саков:

— Я видел, как вы хотели защитить нашу маленькую принцессу, думая, что ей грозит опасность. Я видел, как вы приготовили свои луки, чтобы встретить врага меткой стрелой. Но вам не пришлось тратить сакские стрелы. Ведь мы друзья маленькой принцессы, и мы пришли за ней из долины великой Хуанхэ. На моей великой родине хорошему человеку желают десять тысяч лет счастья. И я желаю вам того же. Мы расстанемся друзьями и, быть может, когда-нибудь встретимся на великих караванных путях, где встречаются люди разных племен. Простись с благородными сакскими девушками, госпожа. Теперь твои слуги будут охранять тебя. Мы доставим тебя домой, к твоей доброй матушке. Бедная госпожа осиротела и ждет тебя, единственную наследницу огромных богатств Чжун Цина.

— Осиротела? Умер мой добрый отец Чжун Цин? Как же так? Когда?.. — Слезы душили маленькую принцессу. — Как все это случилось? Моя бедная матушка

одна, совсем одна в целом доме? И самых верных слуг она услала ко мне? Бедная, бедная!

— Так случилось, моя прекрасная госпожа. Наш князь Чжун Цин верил, что проживет десять тысяч счастливых лет, и ровно столько приготовил себе богатств. А случилось иное. Но ты будешь счастлива, прекрасная дочь Чжун Цина. Теперь ты сама выберешь себе жениха по сердцу.

— Ты прав, мой добрый, верный слуга. Мой отец, князь Чжун Цин, всегда говорил, что твоя мудрость приносит ему пользу. Не правда ли? Он очень ценил тебя. И я ценю твои слова, они подобны драгоценным жемчужинам. Мое сердце наполнилось скорбью. Тяжелую весть ты принес мне. Но я признаюсь тебе: рядом со мной стоит юноша племени сэ, который достоин войти в мой дом. Добрее и веселее нет человека на свете! А какой он ловкий наездник, если бы ты видел! Какой борец! Какой силач! Какой стрелок! Он сын знатного воина. А вместе с ним поедет его любимый брат, так много сделавший для нашего спасения, не правда ли, моя добрая Цай Э? И, если двое достойных юношей из племени сэ согласятся войти в наш дом, тогда все увидят, как счастье и благоденствие придет вместе с ними. И тогда мы скажем, что гадательные кости показали нам истину и есть у нас счастливая звезда. Скажи им обо всем этом, мой добрый слуга Бао Пын. Скажи с достоинством, на языке племени сэ. Я знаю слишком мало слов, а если они не поймут меня, то могут не согласиться покинуть землю своего племени.

— Согласятся! — рассмеялась счастливая Цай Э.

И она тут же стала объяснять братьям, как прекрасно все получилось. Умер старый князь Чжун Цин, и все переменялось. Аморг станет князем и владельцем несметных богатств. Цай Э не находила слов. Но тут вмешался Бао Пын и, как просила его принцесса, с большим достоинством обо всем рассказал. Братья смущенно улыбались. Им было и радостно и удивительно. Случилось то самое, о чем каждый из них втайне мечтал, еще сидя в своем шатре и слушая песни маленькой принцессы, такие непонятные и такие красивые...

— Мы с радостью последуем за тобой, если нам окажут такую честь, — сказал Аморг. — Но что нам де-

лать? Наши стада, наши кони, что с ними будет? Их надо пригнать сюда.

— Зачем? — воскликнула маленькая принцесса. — Разве у моего отца, богатого князя Чжун Цина, мало коней, мало овец? Пусть стада станут достоянием племени!

Но младший брат Аморга стал возражать. Он сказал, что пригонит сюда стада. И если Голубой Цветок вместе со свитой не будет торопиться и подождет немного у границы царства Чжоу, то вскоре он догонит их и с ним будут драгоценные кони. Аморг остался, а брат повернул в степь за конями.

Тут началось прощание. Голубой Цветок захотела обнять каждую из амазонок, и для каждой она находила ласковое слово на непонятном для них языке. Но девушки отлично все понимали, и каждая срывала со своего седла какое-либо украшение, чтобы оставить Голубому Цветку добрую память о себе. А принцесса велела раскрыть свои сундуки, и каждой амазонке была выдана какая-нибудь драгоценная игрушка. Кому достался розовый лотос, кому — белый голубь, а кому — маленькое зеленое чудовище.

— А теперь в добрый путь! — сказал Бао Пын, почему-то усиленно моргая своими добрыми близорукими глазами, словно их засыпало горстью песка. — Я верю, что у нас будет счастливая дорога, моя хорошая маленькая госпожа. Ты очень повзрослела и изменилась с тех пор, как мы расстались с тобой на этой дороге. Ты перенесла много невзгод, и боги земли, луны и воды благословляют тебя за мужество и терпение. Ты заслужила свое счастье. Я рад, что юноша Аморг из сакского рода, что он сын знатного воина. Это соответствует твоей знатности, и твоя матушка, увидев вас, почувствует себя счастливой. Я сам представлю Аморга госпоже и скажу о нем хорошие слова.

Голубой Цветок бросилась на шею Бао Пыну и поцеловала его в желтую, морщинистую щеку. Маленькая принцесса отлично знала, что так не делают в знатных домах Чжоу, но ей так хотелось от всего сердца поблагодарить Бао Пына. Ведь он принес ей счастье и благополучие.

— В добрый путь! — кричали девушки-амазонки, подняв вверх свои колчаны со стрелами.

— В добрый путь! — кричали братья-табунщики, заглушая слабый и тоненький голосок маленькой принцессы.

— Мы еще встретимся с прекрасными девушками племени сэ? — спрашивала маленькая принцесса.

— Как вы думаете, Голубой Цветок приедет в наши степи? — спрашивали друг друга девушки-амазонки.

— Я думаю, что все мы еще когда-нибудь встретимся на больших караванных путях вселенной, — говорил мудрый Бао Пын, видя слезы на глазах маленькой принцессы. — Люди всегда встречаются — так задумано богами.

СВАДЬБА

После возвращения пленников степь в долине Яксарта словно раскололась надвое. Люди племени Миромира готовились к переселению в новые края; саки из племени Мадия не могли не прислушаться к голосу своего вождя, а Мадий долго и упрямо отговаривал их. Он старался убедить своих саков, что не стоит покидать долину Яксарта, запугивал, сулил несчастья, убеждал, что на новом месте будут беды неслыханные. Он предсказывал, что скот погибнет от мора и болезней, а для коней не найдется пастбищ и тогда саки станут жертвой самых ничтожных разбойников.

Стараниями Мадия дурная молва пошла по всей степи. Молодых она не испугала; молодые саки, вернувшиеся из Персиды вместе с амазонками, только и думали о том, как бы им скорее перебраться на новые земли. Им хотелось по-новому устроить свою жизнь. Их деды и прадеды были кочевниками и не жаловались на свою судьбу. Но, с тех пор как они вернулись из Персиды,

столько было разговоров о лучшей жизни в стороне восходящего солнца, что хотелось скорее попасть в эти новые края. Зато старики прислушивались к голосу Мадия и не торопились с решением.

Однако настал день, когда Миромир понял, что победил Мадия. Вся степь ожила и зашевелилась. Все готовились к великому переселению. Женщины валяли войлок, готовили теплую одежду, сушили мясо, заготавливали сыры. Мужчины мастерили повозки, обновляли седла и упряжь, готовили пищу в дальнюю дорогу.

— Степь поднимается, — говорил Миромир, радуясь тому, что саки прислушиваются к его словам. — Степь гудит, всполошилась, словно муравейник, шевелится, — будет большая перекочевка.

— Многие боятся дальнего пути, боятся детей загубить, — говорила жена Миромира.

Она не признавалась мужу, но в мыслях не разделяла его надежд на лучшую жизнь в чужом краю. Ей не хотелось расставаться с привычными местами, где прошла ее молодость, где много было радостей и горестей.

— Они боятся потому, что не верят в наш добрый замысел, — отвечала Зарина. — Почему они сомневаются?

Ее раздражали долгие сборы и недоверие многих сакв, особенно тех, кто никогда не покидал долину Яксарта.

— Иные, кто сидел прежде сложа руки, взялись за иглу, стали шить детям теплую одежду, меховые сапожки, шапки из лисьих хвостов, — рассказывала Зарина матери. — В такой одежде холод не страшен в долгом пути. Сколько они увидят небывалого, чего прежде не видели и не знали! Скорее бы это сбылось!

«Скорее бы это сбылось!» — так думал и Фамир.

Когда они вернулись из далекой Персиды, то решили, что свадьбу сыграют на новом месте, в долине Катунь. А поэтому время для них тянулось дольше, чем для всех остальных. Впрочем, не только Зарина и Фамир задумали сыграть свадьбу в долине Катунь. Многие юноши, вернувшиеся из Персиды, нашли себе достойных невест среди амазонок. Они также мечтали устроить свою жизнь по-другому: не кочевать в повозках, а осесть вблизи рек и лесов, где добрая охота, где можно построить теплый дом. Им захотелось пожить в тишине и

покое, чтобы не ждать нашествия кочевых разбойников, а еще хуже — воинов Дария.

Они стремились покинуть долину Яксарта, куда снова могли прийти сборщики податей от царя Персиды. Саки, побывавшие в плену у Дария, не могли забыть страшные дни, проведенные в неволе. Саки решились. И не потому, что поверили Миромиру и не поверили Мадия, а потому, что молодые настояли на своем, а старики не хотели с ними спорить, не захотели делить семьи.

Долго собирались в дальнюю дорогу, и наконец настал день, когда костры задымились сразу у всех шатров. Саки в последний раз воздали щедрую жертву своим богам. Они просили одной милости: отвлечь от людей племени голод, болезни, падеж скота и другие беды, которые всегда подстерегают человека в дальнем пути. Для жертвоприношений не пожалели молодых коней. Все было сделано так, как этого требовали обычаи дедов и прадедов. Ведь они немало кочевали по белу свету в поисках счастья и благополучия.

И вот были сняты войлочные шатры. Хозяйки погрузили на скрипучие повозки свой несложный скарб, навьючили коней и быков. Вслед за табунами пастухи погналы отары овец.

И потянулся нескончаемый обоз повозок. Крик детей, лай собак, блеяние овец и причитания старух — все слилось в привычный, такой знакомый в кочевье гул. Но теперь кочевье было на колесах, и оно гудело на пыльных дорогах, на тропях, ведущих в горы, на берегах рек и озер, двигалось к горам Алтая.

Уже ушло кочевье Миромира, а Мадий все еще упрямылся и не решался покинуть свою долину, и люди его племени ждали. Не стал только дожидаться Фамир со своими сверстниками. Еще на пути из Персиды они решили, что непременно покинут долину Яксарта. Зная упрямство Мадия, Фамир решил уйти вместе с Миромиром. Да и как могло быть иначе, когда Зарина, которая должна составить счастье его жизни, уходит вместе со своим племенем! Разве не с ней мечтал он об этом, покидая пещеры Персиды? Не они ли бросили клич по всей степи, призывая молодых саков отправиться вместе с ними?

Мадий в гневе выслушал сына. Он был уверен, что Фамир не решится покинуть отца, не отважится оставить свое племя. Разве не племя вырастило молодого воина?

— И как это ты осмелился перечить мне, своему отцу? — кричал Мадий.

Лицо его перекошилось от ярости. Он хрипел и задыхался, выплевывая бранные слова.

— Как ты мог отречься от своего славного рода? Ты уйдешь, и мое проклятье последует за тобой повсюду. Больше тебя не примет мое племя! Уж лучше бы ты не вернулся из Персиды!

— Когда твоя ярость утихнет, ты сам поймешь, что неправ, — сказал на прощанье Фамир.

Слова Фамира оправдались. Когда ярость утихла, старый Мадий поразмыслил и решил, что надо идти вслед за Миромиром. С давних пор племя Мадия жило по соседству с более могучим и многочисленным племенем Миромира. Вместе они кочевали, вместе ходили войной на кочевников других земель, вместе переживали радость победы и горечь поражения. Племя Мадия, значительно меньшее, имело много беспомощных стариков. Живя по соседству, Мадий нередко прибегал к помощи Миромира. Подумав обо всем этом, Мадий решил, что не следует ссориться с Миромиром. И вот он велел своим людям собираться в дальнюю дорогу.

— Многие наши саки в родстве с людьми Миромира, — сказал Мадий старейшинам племени, — не будем же разлучаться с ними.

Однако Мадий рассердился, когда увидел, как быстро собрались в путь люди его кочевья.

— Напрасно вы так торопитесь, — говорил он. — Времени достаточно. Нам нет нужды нагонять Миромира.

Старый Мадий хотел появиться в долине Катуня внезапно, он боялся, что Фамир успеет обосноваться в кочевье Миромира и не вернется в шатер отца.

Ранней весной саки покинули долину Яксарта, а в долину Катуня пришли уже осенью. За это время многое переменилось. В иных семьях старики не доехали — умерли в дороге, а было немало таких, у которых дети родились в пути. Жизнь шла своим чередом.

— Будет ли сакам счастье на новых землях? — спрашивали старики.

Одно удивляло Зарину: когда радость приходила в какую-нибудь семью, то весть эта не сразу передавалась по всему кочевью, часто только случайно становилось

известно, что в такой-то повозке родился сын, а там-то выздоровела старуха, выпив зелье, приготовленное знахарем. А вот когда беда случалась, весть об этом распространялась необычайно быстро и всюду подымался ропот. Люди говорили, что беда пришла от перекочевки и что никогда не было бы такого несчастья, если бы они не покинули долину Яксарта.

Нередко случалось, что саки приходили к Миромиру с жалобами. Но старый вождь и слушать их не хотел.

По-разному жили люди в своих шатрах и повозках. Каждый по-своему понимал то новое, к чему стремилось племя, покидая родные края. Но когда прибыли в долину Катунь, то все одинаково обрадовались и все согласились с тем, что хороши здесь и зеленые леса и быстрые реки. Очень скоро охотники смогли убедиться в том, как много здесь пушного зверя. А рыболовы порадовались щедрости здешних рек.

— Прокормит терпеливых, — говорили они о быстрой Катунь.

— Все это наше! — радовался Миромир. — Сюда уже не придут сборщики податей Дария. Здесь наши сакские стрелы пригодятся для доброй охоты.

И Мадью пришлось вскоре признать, что земли на Катунь обильны и богаты. Он дал понять Фамиру, что прежние распри надо забыть, и вместе с другими принялся мастерить себе деревянный сруб из крепких лиственниц.

Приход племени Мадия в долину Катунь был радостным событием для Фамира и Зарины. Зарина не любила Мадия, но ей было тяжело думать, что она разлучила Фамира с отцом и оторвала его от племени. С давних пор повелось у саков, что сын своего племени всегда помнил о том хорошем, что дали ему соплеменники. А еще больше почитал сак своих родителей. С какой радостью Фамир помогал своему отцу строить дом, корчевать землю для посевов, искать пастбища для скота! Он снова стал заботливым сыном.

Люди хорошо строили дома, хоть это было непривычным для них занятием. Вскоре многие старики уже не уступали в работе самым искусным молодым сакам, которые побывали в Персиде и там, в рабстве, научились этому мастерству.

Зарина нередко вспоминала слова знатного персид-

ского царедворца, который говорил, что саки научились строить на земле персидской.

То тут, то там рядом с шатрами вырастали крепкие деревянные дома, теплые и светлые, пахнувшие свежими душистыми стружками.

— Хотел Дарий сотворить зло, а сделал нам добро, — смеялся Миромир. — Все, что наши сыновья увидели хорошего в Персиде, все постарались запомнить, чтобы жизнь свою украсить. Да и жизнь после рабства стала для них дороже. Другими глазами посмотрели вокруг. Словно впервые увидели степи, леса и горы. Тяжко вольному человеку, сыну степей, в рабстве! И как радостна свобода после этих испытаний!

Саки всегда славились своей искусной резьбой по дереву, но никогда прежде это искусство не ценилось так высоко, как сейчас, когда можно было украсить резьбой свой дом. Прежде как похвастаешь своим мастерством? Если сосед не подойдет к твоему коню и не посмотрит, каких причудливых зверей ты вырезал для украшения седла, то и не узнает, как ты искусен. А теперь каждый видит твое мастерство. Только постарайся! Можно украсить резьбой окна и двери. Если хочешь, можешь вырезать карниз под крышей. И люди старались показать свое умение. Жилище строилось на много лет. Его уже не собирались бросать. Стоило потрудиться!

Вместе с другими принялась за хозяйство и Зарина. Она пряла шерсть, валяла войлок, вышивала пестрые попоны. Зима проходила в трудах и ожидании. Зарина все чаще смотрела на небо: скоро ли прилетят птицы? Фамир все чаще приходил к прозрачному ключу, где весеннее солнце плавило хрупкие льдинки, а холодная ночь снова делала их хрустальными. Здесь он встречал Зарину. Она приходила с высоким кувшином для воды. Поговорив у ключа, они вместе шли смотреть свой новый дом, крепкий и душистый, как этот старый лес, который шумел вокруг, кивая зелеными ветвями.

Дом строили высокий, красивый, на много счастливых лет. Уже закончили резное крыльцо, затянули ковром пузырем маленькие оконца.

— Лучше дворца Дария, — говорила восхищенная Зарина. — Я не видела там такой резьбы, какую делают саки. Все у них из камня, из мрамора. Страшно там... Каждое слово с гулом ударяется в стены.

— А ты не жалеешь о дворце Артавардия? Ведь ты могла там жить. У нас не будет ни голубого бассейна, ни золотых рыбок. И розы здесь не растут.

— А разве не лучше наша быстрая Катунь и вот этот серебряный ключ? Здесь такая вкусная вода! — смеялась Зарина.

Каждый раз, когда Фамир вспоминал о Персиде, Зарина удивлялась: как он может думать, что дочь сакского вождя могла бы жить во дворце хранителя царских сокровищ!

— Тебя бы умащали благовонными маслами и кормили бы дичью на золотом блюде, — говорил Фамир. — А одежды какие!

— А ты, вольный сак, мог бы жить в золотой клетке? Ты смог бы спать во дворце, где гулко раздается каждый шаг и каждый вздох? Ты смог бы целыми днями валяться на мягких коврах и не видеть голубого неба? А что случилось бы с твоим горячим конем? Захирел бы конь! Да и ты размяк бы и превратился в немощного старца. Поживешь так и забудешь, как ветер гудит в ушах, как эхо звенит в горах и как птицы поют на рассвете. А я чем хуже тебя? Почему меня можно спрятать за каменной стеной? На что мне это? Я бы разнесла стену и убежала в степь. Не спрашивай больше про дворец Артавардия! Не для меня эти дворцы. А царедворцы мне ненавистны. Сколько племен покорили и всех чужеземцев сделали рабами! Никогда не забуду о пленниках-саках.

Но вот распустились почки. Потеплело. Весело затрубил рожок пастуха, созывая стадо. Проснулся и зазвенел птичьими голосами лес. Зазеленели луга. С веселой песней готовилась к свадьбе Зарина.

Настал желанный день.

Рано проснулись птицы. Рано проснулась Зарина. Во все новое оделась невеста. На плечах у нее — горностаявая накидка. Голубые, небесной свежести рукава расшиты причудливым узором из розовых лотосов и синих ирисов. На голове короной уложены косы и в них вплетены золотые нити. Ноги обуты в красные сафьяновые башмачки. Серьги и браслеты дополнили праздничный наряд невесты.

У дома нетерпеливо топчутся горячие кони. На них лучшие попоны, расшитые легкими пестрыми цветами. Вся упряжь сверкает позолотой. Конские головы укра-

шены новыми масками оленей. Отец помогает дочери сесть на коня и вместе с сыном и гостями сопровождает ее к подножию холма, где назначена встреча с женихом.

А Фамир с нетерпением ждет невесту. Он пришел вместе со своими сверстниками. На нем новый кафтан, мягкие красные сапоги, золоченая секира за поясом. Он подходит к невесте, останавливается и, взяв ее за руку, говорит:

— Дай руку, Зарина! Пусть помогут нам боги земли и неба, боги луны и солнца, боги воды и ветра!

Тут им надели брачные ожерелья, связали руки Зарины и Фамира венками из молодых трав и повели к вершине холма. Здесь уже их ждали жрицы. С восходом солнца они должны принести в жертву коня. Но вот солнце взошло. Принесена жертва. У божества выпросили счастье и благополучие молодым. Прежде чем спуститься с холма, Фамир обратился к Зарине:

— Где будешь ты, там буду и я.

И невеста ответила жениху теми же словами. Заиграли лютни, забили барабаны, и нежной трелью залилась пастушья свирель. Молодые сели на коней, и торжественная вереница всадников последовала за ними до самого дома.

На пороге нового дома их встретила мать Зарины. В руках у нее ветви зеленой ивы. Она благословляет ими жениха и невесту. Зарина ступает правой ногой на камень у порога, а Фамир говорит ей:

— Будь, как камень, тверда. Уничтожай тех, кто причинит тебе зло. Побеждай врага.

В доме уже все готово к пиршеству. Стены увешаны коврами. На одном из них — богиня плодородия с древом жизни в руках. Перед ней стоит воин, он просит богиню сделать дом невесты счастливым. У ковра постлана шкура оленя. Зарина и Фамир садятся на шкуру и разламывают пополам сладкий пирог. Это знак гостям, что можно приниматься за еду.

Много было приготовлено угощений: дикие утки, фазаны, круглые сыры, овсяные лепешки с медом — чего только не было!

За пиршеством старый вождь припомнил свой последний поход в Персиду. Он просил Фамира, чтобы тот не забывал, какой смелой была в битве Зарина.

— Отныне мы неразлучны, — ответил Фамир. — В любой поход пойдем вместе. Вместе отстоим земли саков от врагов.

А когда собралось столько гостей, что и сидеть было негде, тогда старый Миромир протянул дочери подарок:

— Посмотри, Зарина, богатым будет твой дом с таким украшением.

Зарина развернула огромный бархатный ковер, какого никогда еще не видели саки. Это было редкое сокровище, поистине царский подарок. Женщины восторгались, рассматривая ковер. Здесь можно было увидеть и чубарого оленя, и грифона, и всадников.

— Такой подарок принесет тебе счастье! — сказала мать.

* * *

— Отправляюсь я с отрядом в дальние горы, к одноглазым аримаспам, — говорил Мадий сыну, — узнаю, где они золото добывают. Не пойдешь ли со мной?

— А зачем тебе золото? Это Дарию нужно золото, он чеканит монеты — дарики. Ему и украшения нужны для дворцов и храмов. А тебе на что?

— И мне золото нужно. Было бы у меня золото, я бы торг устроил с другими племенами, — размышлял Мадий. — На золото все добудешь! А разве плохо иметь золоченую колесницу?

— А как ты собираешься добывать золото? Или ты намерен отобрать его у аримаспов? — спрашивал Фамир. — Не грешно ли грабить своих же? Аримаспы такие же саки, как и мы.

— Искать будем! Зачем отбирать? Всем хватит!

Но Мадий вовсе не собирался добывать золото в горах. Он хотел повести своих воинов в горы потому, что лелеял мечту — силой отобрать золото у аримаспов. Но, для того чтобы собрать хороший, сильный отряд, надо было договориться еще с кем-нибудь. К Миромиру он не решался обратиться, а вот молодой Саксафар казался ему подходящим. Кому из молодых не захочется разбогатеть? Мадий решил, что если ему удастся уговорить Саксафара, то за ним пойдут еще многие бывалые воины.

Мадий велел Томире припасти много хмельной браги и позвал к себе Саксафара. Старик не сразу расска-

зал о задуманном. Вначале он говорил о том, как трудно живется в этом холодном краю.

— Вот, к примеру, если начнется падеж скота, ни один колдун не знает, какими заклинаниями здесь выгоняют злых духов. А если не остановят падеж, то наступит голод.

— А что же делать? — спрашивал Саксафар.

Охмелев от браги, он словно увидел все то страшное, о чем говорил ему старик.

— Надо запастись зерном, — продолжал Мадий, — тогда можно от голода спастись. Но как получить зерно? Только имея золото, можно добыть его.

— Зачем золото? — отвечал простодушно Саксафар. — Можно посеять зерно, я уже мотыгу припас. Тут есть хорошие земли. И Фамир собирается пахать землю. У нас всего будет вдоволь. А охота здесь такая богатая — добывай зверя сколько хочешь.

— А я знаю, где золото есть, — говорил старик, подливая брагу Саксафару. — Если хочешь, пойдем со мной к дальним горам, что в стороне восхода, не поленись. Оттуда вернемся с большим богатством.

Уже охмелевший Саксафар стал вспоминать о том, как много неудач претерпел Мадий, когда пытался разбогатеть. Он напомнил Мадью, как тот ходил в дальние кочевья с табунами добрых коней и как, потеряв коней, привез в свое кочевье китайскую принцессу.

— Увели у меня это сокровище, Голубой Цветок, — пожаловался Мадий и тяжело вздохнул. — Так и не пришлось узнать, кто это сделал.

— Не узнал? — засмеялся Саксафар. — Разве Зарина не рассказала тебе, как посылала своих девушек провожать принцессу? Пятьдесят амазонок сопровождали китайскую принцессу к границам племени гуйфан.

— Зарина? Ведь принцесса исчезла задолго до ее возвращения. Вот оно что! Значит, принцесса пряталась! Где? А я обыскал всю степь и не нашел ее. Как она смогла?..

— Не знаю, где пряталась принцесса, а Зарина могла ей уйти. Уж если Зарина чего захочет, все сможет!

Так и не договорились о походе. Саксафар был пьян и все смеялся над Мадием. А Мадий уже не мог думать о походе: его мучила обида, ярость затмила все. Сколько раз он говорил Фамиру, что не следует лезть под баш-

мак этой своенравной гордячки. Ух, и злодейка же она! Но недолго Фамир будет с ней... Разве можно жить с такой обидой в душе? И как это она вскружила голову Фамиру? Ей этого мало! Теперь она лишила старика единственной отрады. На что ей понадобилось отсылать китайскую принцессу? И почему Фамир не остановил ее? Не понял сын, что тоскливой стала жизнь старого Мадия. Что за жизнь без битв, без походов, без наживы! Для чего жить? Никакой радости!..

Дни и ночи Мадия преследовала мысль о мести. Вначале он хотел пойти к Зарине и спросить, зачем она это сделала. Потом старик надумал говорить с Фамиром. Но, поразмыслив немного, решил, что не станет разговаривать о случившемся. Зачем унижать свое достоинство? Он не выдаст своих огорчений. Но, прежде чем отправиться в поход на аримаспов, он должен расправиться с Зариной. И не будет ему покоя, пока он не выполнит задуманного. Как же это сделать? Хорошо бы поскорее сбросить камень с сердца. Фамир мешает. Они совсем не бывают в разлуке. На охоту ходят вместе. Дома вместе. И даже на рыбалке неразлучны.

«А как же Фамир? Что будет с ним? А ты сделай так, чтобы он не узнал. Надо так сделать, чтобы никто не узнал». Нет Мадию житья с таким камнем на сердце... Надо избавиться от этого камня. Сын простит отца. Он поймет. Разве Фамир не знает, что Мадий никому никогда не прощал обиды? А тут такая обида, что желчь закипает и сердце прыгает в ярости. Нет, нет, нет! Он не простит Зарине!

КОВАРСТВО МАДИЯ

Мо-новому зажили саки в горах Алтая. Само собой получилось, что многие уже не считали повозку хорошим жилищем, да и шатры постепенно исчезали и служили лишь кровом для пастухов на дальних пастбищах. Но если шатры и повозки сменились деревянными домами, то и утварь постепенно менялась. Сейчас уже не было надобности пользоваться только кожаной посудой, бурдюками, ведрами из овечьих шкур, сосудами из кожи; можно было завести глиняные кувшины, миски и горшки. Сидя на месте, легче было позаботиться о запасах пищи. Если удавалось поймать много рыбы, то ее сушили на солнце, коптили, старались сохранить надолго. В лесу собирали съедобные травы и ягоды — делали запасы на зиму. Еще больше стали заботиться о войлоках, о шкурках пушнины, из которых можно было шить теплую одежду.

Молодые женщины радовались этим переменам. Им нравилось приносить домой свежую ключевую воду в

глиняном кувшине. Они с удовольствием расшивали мягкие беличьи шкурки. Девушки украшали свои одежды нежным мехом горностая, которого никогда прежде не видели. Никогда раньше саки не добывали так много пушного зверя. Здесь охотники научились искусно выслеживать зверя, ставить на него капканы и ловушки.

Саки старательно возделывали небольшие куски земли. Много было радости, когда собрали первый урожай ячменя и пшеницы. Люди зажили в довольстве и благополучии. Теперь уже к Миросмиру приходили не с жалобами, а с добрыми вестями. Только Мадий по-прежнему был хмурым и невеселым. Злоба, затаенная против Зарины, не давала ему покоя.

— Не знаю, что делается с отцом, — сетовал Фамир, — все злится, словно кто его обидел. А когда я позвал зайти в наш новый дом, он сказал, что ноги его у нас не будет.

— Не знаю, чем он недоволен, — отвечала Зарина. — Я не видела его со дня свадьбы. На что же ему обижаться?.. А ты бы спросил его, Фамир. Не пойти ли нам к нему? Может быть, в хозяйстве его что-то не ладится? Или овцы мрут? На новом месте все иное. А я думаю, старик скучает. Он привык к походам, к войне. Скучно ему здесь.

— А ведь верно, что скучно. Он хотел уйти в горы к аримаспам, золото добыть задумал. Я отказался с ним пойти; может, это его рассердило? Трудно с ним стало. Как заупрямится — с места не сдвинешь!.. Помнишь, как он не хотел уходить из долины Яксарта? А когда пришел сюда, ему понравилось.

Фамира огорчало недовольство отца, и он все больше сокрушался об этом.

— Сейчас только бы и жить, радоваться удачам на новом месте, а отец мой такой хмурый, с людьми не разговаривает! — жаловался Фамир Зарине.

Как-то осенью, когда Фамир уже снял первый урожай со своего маленького поля, Зарина сказала, что надо пойти к Мадью.

— Пойдем! — звала она Фамира. — Отнесем старику подарок, пусть посмотрит, какую мы пшеницу вырастили. Вместе с нами порадуется.

Сбор первого урожая на маленьких полях, возделанных саками, превратился в праздник. Все поздравляли

друг друга и радовались удаче, как, бывало, радовались победе в походах.

Правда, не все жили этими радостями. Те, кто не оставил шатра и повозки, упрямо настаивали на своем. Они были уверены, что труд пахаря унижителен для воина. Они говорили, что перестанут быть отважными воинами, если будут земледельцами. Однако, живя вместе, они, так же как и землепашцы, старались предвидеть, какая будет весна — ранняя или поздняя, теплое ли будет лето. Колдуны придумали заклинания против злых духов. А охотники вместе с пахарями заботливо устраивали хранилища для зерна. Раньше об этом не приходилось думать. Если удавалось обменять овцу или жеребенка на маленький мешочек пшеницы, то обычно это приурочивали к какому-нибудь празднику. В канун праздника все женщины принимались разбивать зерно в каменных чашах. Целые дни слышался стук пестов. Потом пекли лепешки на горячих углях, и несколько дней детвора ела лакомое угощение. А потом, когда не оставалось ни зернышка, снова ели баранью похлебку, заправляя ее съедобными травами. Саки очень любили дикий чеснок и всякие травы, дающие кислоту. А здесь, в долине Катуня, было раздолье. Ранней весной детишки отправлялись на сбор трав и ягод.

Когда Зарина и Фамир пришли в дом Мадия, старая Томира готовила пищу. Над костром, разложенным посреди дома, висел черный котел. Дым уходил в дыру, проделанную в крыше. Но, прежде чем выйти наружу, он наполнял все жилище и слепил глаза. Старик, сердитый и угрюмый, сидел в углу. Он даже не посмотрел на гостей и не проронил ни слова, когда Зарина подала Томире мешочек с зерном.

Фамир подсел к отцу и стал расспрашивать о хозяйстве.

— Если у тебя овцы болеют, скажи Зарине, она умеет исцелять, — предложил Фамир отцу.

— Кто сказал, что скот болеет? — вмешалась старуха. — Все это выдумки!

— А ты откуда знаешь? Старая, косматая! — поднял голову Мадий. — Это хорошо, если Зарина сумеет предотвратить мор. Я позову ее на пастбище. Это очень хорошо! — повторил он.

Зарина тут же спросила, когда следует пойти на пастбище и много ли овец болеет. Старик пообещал позвать ее, как только понадобится. Настроение у него явно улучшилось, и это обрадовало Фамира.

Возвращаясь домой, Фамир похвалил Зарину за смекалку. Это она ему подсказала, о чем говорить с отцом.

— И как это ты догадалась, что у старика такая беда случилась? — удивлялся Фамир.

Прошло несколько дней, и, к радости Фамира, старый Мадий пожаловал в их дом. Он пришел сказать, что ждет Зарину на пастбище и что ей следует завтра же прийти туда с самого утра. Старик сокрушался, что много пало овец. Боялся, что все стадо погибнет.

— Если есть какие-нибудь амулеты, принеси их с собой. Неизвестно, сколько еще падет овец. Надо скорее найти исцеление. А еще лучше, если знаешь заклинания, тогда наверняка спасешь мне стадо...

— А много ли овец на ближнем пастбище? — спросила Зарина.

— На ближнем пастбище тысяча овец, а на дальних — три тысячи.

На том и расстались.

Не успел старик уйти от Фамира, как разыгралась гроза, и страшная молния, осветив небо, ударила в деревянный дом, стоящий на опушке леса. Старик видел, как дом этот охватило пламенем и как обезумевшие люди с криком бежали от огненной стрелы, посланной небом.

«Дурное предзнаменование, — подумал Мадий. — В одно мгновение жилище человека превратилось в пепел. Хорошо, что люди успели бежать и спаслись от кары богов, а ведь не всегда убежишь!..»

А Мадий все раздумывал. Он еще не решил, как расправиться с Зариной. Ночью он метался во сне. То ему снилось, что он погружается в грязную воду и тонет, то вдруг за ним гнались убитые им собаки. Он просыпался, с ужасом думал о том, что такой сон не к добру, снова засыпал и снова видел дурные сны.

Утром Мадий поспешил на пастбище и, дожидаясь Зарину, долго думал о том, как обмануть, как убедить ее в том, что овцы болеют идохнут. Трудно было в это поверить. Овцы были здоровы.

«Хоть бы одна пала!» — подумал старик. И он тут же палкой убил одну овцу.

Вскоре пришла Зарина. Она подала Мадью целый мешочек амулетов. Тут были обглоданные кости собак, подобранные где-то в степи, ножки совы, связанные с перышками, голова и хвост петуха и другие амулеты, которые саки подвешивали на шею больного животного.

Старик по-прежнему был злым и хмурым. Он молча забрал приношения Зарины и, подумав немножко, сказал, что надо приехать ночью, когда овцы корчатся от боли и кричат.

— Когда же ночью?

— Лучше всего в полночь, — сказал Мадий. — Через два дня родится молодой месяц, вот и хорошо бы в эту ночь напоить больных овец целебным питьем и сказать все заклинания, какие помогают.

Зарина пообещала приехать, хоть и понимала, что все это ни к чему. Она видела, что старик хитрит. Ей очень хотелось подойти поближе к животным, посмотреть их как следует и сказать старику, что ему все это показалось. Но вдруг она подумала, что говорить это Мадью бесполезно. Если Фамиру никогда не удавалось побороть злобу и упрямство Мадия, то вряд ли это удастся ей.

Зарина покинула пастбище в дурном настроении. Впервые она подумала о том, нет ли тут злобного замысла, не прослышал ли старик, как была увезена китайская принцесса, не задумал ли худого.

Зарина стала вспоминать, как вел себя Мадий при встрече с ней, как был зол и не приветлив. Ей пришлось в голову, что старик хочет нанести ей обиду. Она бы не удивилась, если бы Мадий отравил десяток овец и сказал бы потом Фамиру, что она их загубила.

Зарина ничего не сказала Фамиру — она побоялась, что он посчитает ее трусливой. Но, когда Фамир узнал, что старик велел ей приехать в полночь с целебными травами, он рассердился и стал бранить Мадия за причуды.

Однако Зарина приготовила отвар целебных трав и собиралась отвезти их Мадью, но случилось так, что к вечеру того дня, когда ее ждал старик, она занемогла. Жар и озноб заставили Зарину остаться дома. На пастбище поехал Фамир.

Зарина с нетерпением ждала возвращения мужа. Глиняный светильник с бараньим жиром едва освещал жилище, и, глядя на его мигающий огонек, Зарина вспомнила дворец Дария и множество золоченых светильников, которыми были увешаны мраморные колонны. Артавардий говорил тогда, что дворец бывает особенно красив, когда зажигают все эти светильники и сверкают камни-самоцветы.

Зарина то металась в жару, то предавалась воспоминаниям. Время тянулось для нее бесконечно.

«Почему Фамир так долго не возвращается?» — беспокоилась Зарина. Ей захотелось взять коня и поскакать на пастбище, но тут же стало стыдно за свою тревогу. Ведь сын мог просто присесть к костру Мадия. Ну, так и есть: отец обрадовался, увидев Фамира, и теперь они могут сидеть у костра до утра. Зачем тревожиться?..

Так, в тревожном ожидании, Зарина задремала. Она проснулась от протяжного ржания Серого.

— Фамир? Что это он не идет? Где же он?

Зарина выбежала из дому и увидела Серого без всадника и без попоны. Уже светало. Она тут же вскочила на коня и в страшной тревоге поскакала на пастбище. У пастушьего костра Зарина спросила мальчишек, давно ли был здесь Фамир. Пастухи сказали, что Фамир не приходил.

— А Мадий?

— Мадий был здесь, но сейчас его костер погас. Старик, должно быть, ушел.

Предчувствуя беду, с бьющимся сердцем, Зарина погнала Серого к тому месту, где два дня назад разговаривала с Мадием. И здесь никого не было. Она увидела только догорающие угли костра.

«Что за наваждение! — подумала Зарина. — Где же может быть Фамир? Почему конь без него вернулся?»

Она носилась по пастбищу, забыв о недуге, пристально вглядываясь в каждый куст. И вдруг... нет, нет!.. Это ей почудилось. Словно во сне соскочила Зарина с коня и склонилась над телом убитого.

— Фамир! Фамир! — Зарина звала убитого, словно могла поднять его своим горестным криком. — Вражеская стрела отравлена. Кто послал эту стрелу? Кому понадобилась твоя жизнь, Фамир? Горе, горе великое!

Зарина в отчаянии металась вокруг и звала пастухов.

Кто же убийца? Ведь здесь не было чужих! Пастухи?.. Зачем бы они стали убивать? Кто же? Откуда пришел убийца? Теперь всему конец!..

Зарина рыдала, склонившись над Фамиром. И вдруг ей представились пещеры Персиды и Фамир, только что вышедший из черного озера. И вспомнились слова, что если богиня не даст им счастья на земле, то они вместе уйдут в страну предков. Она не оставит Фамира одного. Она уйдет вместе с ним. И там, в другой, неведомой им жизни, они будут вместе.

— Эй, пастухи, скорее сюда! Горе великое! Фамир убит! Ищите злодея!..

С криками прибежали пастухи.

— Горе всему племени! — причитал старый пастух. — Померкло солнце для Фамира!

Пастухи уложили убитого на брошенную здесь попону и понесли домой. Весть о несчастье быстро разнеслась по всему кочевью.

С воплями и причитаниями люди бежали к дому Мадия. Впереди всех была Зарина. Ей хотелось скорее увидеть старика и вместе с Мадием найти убийцу. В ней боролись два чувства: то ей хотелось узнать, кто убийца, и отомстить; то появлялось желание скорее умереть, чтобы не оставлять любимого Фамира одиноким ни на один час. Зарина была в смятении. По дороге к Мадию она вдруг подумала, что Фамиру плохо без нее, и вернулась к себе домой. Но, постояв немного у изголовья Фамира, она поспешила к Мадию.

Зарина видела, как люди ворвались в дом с криками: «Несчастье! Убийство!..»

Мадий, растерянный, взъерошенный, молча смотрел на толпу. И вдруг из толпы вышла Зарина.

— Вместе будем искать убийцу Фамира, старик! — Ломая руки, она умоляла сейчас же вместе с ней поспешить на поиски.

Но Мадий, словно окаменевший, с ужасом смотрел на Зарину. Заслоняясь руками, точно перед ним было привидение, старик кричал:

— Откуда ты? Откуда?

На лице его был написан такой ужас, что Зарина вдруг все поняла.

— Саки! — крикнула Зарина. — Отец убил сына! Вот

убийца Фамира! Горе мне! Он для меня приготовил смертельную стрелу. Коварный Мадий ошибся! Он убил собственного сына! Пусть его постигнет справедливая кара!

Мать Фамира, старая Томира, с воплями бросилась к дому сына.

— Смерть убийце! — кричали саки. — Верши суд, Миромир!

— Такого злодейства не было на моей памяти, — сказал Миромир. — Кидрей, — обратился он к сыну, — надо связать Мадия. Прежде чем мы с почестями похороним Фамира, будет казнен его убийца!

— Пусть умрет в тяжких муках! — кричали саки из племени Мадия. — Мы не простим ему такого злодейства! Среди зверей лесных, среди змей болотных нет подобных!

— Как поднялась твоя рука? — спрашивала Мадия Спаретра, наступая на него с кулаками.

Мадий, точно каменный, стоял опустив голову, не видя и не слыша никого. В ушах его звучали одни и те же страшные слова: «Фамир убит! Фамир убит!» Он знал, что его ждет страшная казнь. Но он не думал о ней. Он думал о Фамире. Кто-то заколдовал его и поднял его руку на сына. Как это случилось? И зачем он обрек на смерть Зарину? Разве не она спасла ему Фамира?..

— Колдовство! Колдовство! — закричал, как безумный, Мадий, выкатив глаза, потрясая кулаками. — Все погибло! Все кончено! Казните! Не мучьте! Зачем мне теперь жизнь? Не нужна она мне! Все из-за нее!.. Из-за колдуньи Зарины... Она виновница моих несчастий! Смерть, иди ко мне... Я жду тебя!..

Мадий недолго призывал смерть на свою голову. Его связали и потащили в степь.

Мадия привязали за ноги к необъезженному коню. Конь понесся по степи, и обреченный на смерть Мадий погибал медленно, в тяжких муках. Люди его племени еще долго стояли в степи, глядя, как скачет горячий, необъезженный конь.

Люди стояли и думали о том, что бесславной была жизнь Мадия, бесславно она и кончилась. Никто не станет заботиться о духе умершего, никто не будет воздвигать ему усыпальницу для вечной жизни в другом мире.

И там, в другой жизни, некому будет позаботиться об этом злобном существе...

— Столько несчастий причинил своим же сакам!.. Сына не пощадил!.. — причитали женщины.

К концу дня, когда кроваво-красное зарево заката зловеще повисло над степью, когда люди разошлись и только вороны кружились в поисках пищи, в степь вышла старая Томира. С воплями и причитаниями брела она по степи, стараясь найти останки своего мужа. Сердце подсказывало ей, как тяжело он отомщен и как страдает теперь, всеми брошенный, и она хотела предать земле то, что осталось от Мадия...

— Что делает человека несчастным?.. — вопрошала небо старая Томира.

«Я С ТОБОЮ, ФАМИР!»

Я не оставляю тебя, — шептала Зарина, расшивая Фамиру одежды в последний путь. — Для тебя погасло солнце, и для меня оно погаснет. Иначе, кто же позаботится о тебе в другой жизни, куда ушли все предки саков и куда уйдут потомки?..

Никто не знал, что ждет саков в той, другой жизни, но деды и прадеды Зарины верили в загробную жизнь и считали своим долгом позаботиться об умерших. Все, что имели саки в своей земной жизни, они отдавали ушедшему. И не только самую красивую одежду, быстрых коней и лучшую еду, но и женщину, которая была бы с ним неразлучна.

Миромир сказал дочери, что намерен отдать Фамиру одну из рабынь, захваченных в последнем походе. Эти рабыни кочевали вместе с пастухами, перегоняя стада с одного пастбища на другое. Старик считал, что он угодит духу умершего Фамира, если отдаст ему в прислужницы одну из своих рабынь. Но Зарина молчала, словно и не слышала отца. Она думала о своем.

— Я с тобою, Фамир! — повторяла Зарина каждое утро, начиная свой день, полный забот и трудов.

С горечью думала она о том, что трудится не для земного счастья. Сейчас всюду нужно поспеть и, ничего не откладывая, все сделать для любимого. Она никому еще не сказала о том, что вместе с Фамиром уйдет в мир предков. Отец хочет отдать свою рабыню, но разве рабыня сумеет быть такой заботливой? Разве она знает, что любил Фамир при жизни? Никто лучше Зарины не сумеет оберегать Фамира. И разве она не сказала Фамиру тогда, на вершине холма: «Где ты будешь, там буду и я». Но она сказала об этом еще и раньше, стоя у пещеры, когда все думали, что он болен проказой и обречен на смерть.

«Но ты еще так мало жила на свете! — говорила сама себе Зарина. — Ты еще не узнала счастья. Ты только коснулась его рукой, и оно тут же ушло от тебя. Разве тебе не хочется жить и видеть восход солнца? Разве тебя не радует быстрый бег коня? Ты в скорби, в слезах, а все же сердце твое, помимо твоей воли, радуется жизни. Что ты задумала, Зарина? Оттуда еще никто никогда не возвращался...»

«Я должна, я выполню свой долг, — отвечала сама себе Зарина, — я никому не скажу об этом, все сделаю для богатого погребения, а потом пойду к любимому, и никто не остановит меня».

Вместе с отцом и братом Зарина выбирала место для усыпальницы. Нужно было выбрать достойное место, где потом будут воздвигнуты гробницы саков. Они должны быть вдали от жилья, чтобы алчный человек, потерявший совесть и честь, не смог ограбить дом умершего. Но курганы саков следует воздвигнуть в самом красивом месте, чтобы, став на вершину кургана, можно было далеко вокруг видеть горы и долины и чтобы вольный ветер приносил к дому мертвых добрые вести о живых, которые помнят ушедших и приносят жертвы богам.

И они нашли такую долину и назвали ее Долиной Безмолвия. Она была в стороне от жилья и в стороне от дорог, ведущих в другие земли, к другим племенам.

Днем и ночью мать и плакальщицы сетовали на тяжкую судьбу Зарины. А Зарина молча выслушивала их печальные вздохи и с прежним усердием продолжала готовить вечное жилище для любимого. Много у нее бы-

ло забот, но вместе с ней трудились родные и близкие люди. Они считали своим долгом сделать что-то для загробной жизни Фамира. Зарина не раз думала о том, что если бы не трудились люди ее племени, то ей вместе со всей родней пришлось бы готовить усыпальницу не менее двух лет.

Чтобы соорудить гробницу Фамиру, саки притащили с дальних гор громадные валуны для кургана Срубили в лесах сотни могучих лиственниц. Днем и ночью работали плотники. Они тесали бревна бронзовыми топорами, старательно подгоняя их друг к другу. Они выполняли желание Зарины, которая стремилась сделать усыпальницу такой же крепкой и высокой, каким был их дом.

Охотники добыли много ценных шкурок соболя, горностая и лисицы, а женщины нашивали тысячи лоскутков меха, украшали одежды Фамира. Мех красили в зеленый, синий и красный цвета, и пестрый мех делал одежду праздничной и нарядной.

С любовью готовили наборы сбруй, украшения для седел искусные резчики. Они знали, что рядом с усыпальницей Фамира будут захоронены его лучшие кони, и потому заботились о том, чтобы возможно богаче их украсить. Позаботились также о праздничных масках для коней, о пополах и чепраках.

И вот настал день, когда сруб был готов и его опустили в глубокую яму. Рядом с усыпальницей поставили загородку для коней.

Зарина пожелала, чтобы из вековой лиственницы выдолбили просторный саркофаг, в котором поместились бы двое.

Фамира бальзамировали, нарядили в праздничные одежды и, уложив в повозку, повезли прощаться в соседние кочевья. Старый обычай саков требовал торжественного прощания со всеми соседними племенами. В каждом кочевье умершему дарили коней, одежду, упряжь, еду; всюду выражали сочувствие родным.

Хмурым осенним утром повозка с Фамиром и плакальщицами двинулась в Долину Безмолвия. Проститься с Фамиром пришли все люди кочевья. Рядом с Зариной шел брат Кидрей, отец с матерью и все близкие родственники. Как ни тяжело было на душе Миромира, он не переставал думать о судьбе своей дочери. Он тревожился о судьбе своего племени, которому нужен был

молодой и отважный вождь. А Миромир давно уже решил, что, как только боги призовут его в другой мир, его место займет Зарина. Старый вождь часто представлял себе, что будущее его племени окажется в верных руках, если за него возьмутся молодые крепкие руки Зарины. По замыслу Зарины и Фамира, состоялся великий переход в долину Катуня, где прежде не было саков.

Полтора саков вернулось из плена, двести сакских девушек побывало в Персиде, каждый человек имеет глаза и уши, все они что-то увидели, но только двоим пришли в голову разумные мысли. Это были мысли Зарины и Фамира о том, как сделать жизнь племени более счастливой.

Зарина и Фамир заставили его задуматься над тем, как улучшить жизнь своего племени. Они говорили о том, как много маленьких саков ушло в страну предков, не начав даже ходить. Дети болели и гибли в холодных шатрах. Каждая мать, родившая сына, хотела, чтобы у нее вырос воин. Но она не знала, вырастет ли ее дитя. И вот Зарина и Фамир задумали строить дома, и теперь у людей будет другая судьба.

Миромир идет вслед за повозкой и смотрит в спокойное лицо Фамира. Он лежит словно живой в своей праздничной одежде. Рубаха на груди открыта и видна татуировка. Причудливые звери и птицы, изображенные на груди воина, предохраняли его от злых сил на земле и точно так же будут хранить его от зла на том свете.

Медленно и печально движется процессия к Долине Безмолвия. Рядом с Зариной заботливая мать. Она не спускает глаз с любимой дочери. Дурные мысли теснятся в ее голове. Почему Зарина надела свои лучшие одежды? Почему так нежно целовала ее, уходя из дому? Почему не велела приводить рабыню?

— Что ты задумала, Зарина? Беспокойно у меня на сердце, дочка...

Но вот и Долина Безмолвия. Вот и усыпальница. Дождь все усиливается и заливают деревянный саркофаг и одежды, принесенные сюда.

Все, что нужно человеку для хорошей жизни, уложено в просторном доме мертвого. Рядом с усыпальницей стоят пятнадцать коней золотистой масти. Для них приготовлено место. Кидрей берет бронзовый молоток и уби-

вает коней. Их бережно укладывают за перегородку в сверкающей сбруе, с оленьими масками на головах.

Все родные вместе с Зариной спускаются в усыпальницу. Наступают последние минуты прощания. Миромир озабочен. Он привел с собой рабыню, которая дала согласие сопутствовать господину. Жрица-прорицательница долго наставляла девушку и сумела внушить ей, что смерть будет легкой, а жизнь в доме мертвых будет радостной и беспечной. Миромир ждет, когда жрица даст девушке яд.

Зарина берет свою лютню и в последний раз играет любимому Фамиру. Она помнит, как он восхищался ее игрой. Фамир впервые услышал ее в той, чужой стране... Там, где было настоящее счастье. Тогда мечты сулили им радость, а теперь...

Зарина играет, и мысль уносит ее к прошлому, к тем дням, когда она стремилась в чужую страну спасти любимого... Повсюду их подстерегала опасность, но она верила в счастливую звезду. Теперь все позади. Настал миг расставания. Дочь вождя должна сдержать слово. Будь мужественной, Зарина!

Зарина мысленно прощается с отцом, матерью, братом и подругами. И вдруг, бросив к ногам Фамира лютню, выхватывает из ножен меч. Вот блеснуло лезвие... Мать с криком бросается к ногам дочери, а Миромир вырывает из рук Зарины меч и на нем клянется, что дочь его Зарина не лишит себя жизни.

— Ты нужна своему племени и для племени останешься жить, — обращается старик с мольбой к дочери.

Зарина, подняв свой меч, молча уступает место рабыне. Но, как только жрица протягивает девушке чашу с ядом, Зарина стремительно выбивает ее из рук рабыни и пронзает себя мечом. С воплями бросились к ней Миромир и старая мать, с криками окружили их подруги. Девушки говорили ей о своей любви и преданности, просили Зарину взять их с собой, но Зарина была безмолвной, она ушла в мир предков, туда, где ждал ее Фамир.

И, поняв это, подруги завернули Зарину в белое шелковое покрывало, расшитое фениксами, и положили ее рядом с Фамиром. На Зарине были богатые одежды мидийской принцессы, в которых она побывала во дворце Дария, но подругам это показалось недостаточным. Как им выразить свою любовь? Как проявить свою заботу?

И вот каждая стала срывать с себя свои любимые украшения и клала рядом с Зариной. Они отдали своей любимой подруге все кольца, ожерелья, серьги и браслеты.

Затем вместе с родными Зарины люди стали переносить в дом умерших ковры и войлочные циновки, все убранство их дома.

Обливаясь слезами, Спаретра поставила у изголовья деревянный столик с резными ножками и уложила на нем мешочки с едой, зеркало и гребень, маленькую лютню Зарины. А добрая Мирина принесла еще много разной еды, чтобы ушедшим в неведомый мир надолго всего хватило.

Бережно прикрывали дом умерших ветками курильского чая. Стволами лиственниц закрыли могилу. А затем засыпали гробницу землей и стали сваливать громадные валуны.

Много дней воздвигали высокий курган люди племени Миромира. Долго трудились, не зная покоя ни днем ни ночью. А когда гробница была готова, Миромир взобрался на вершину, чтобы увидеть, хорошо ли светит здесь солнце, далеко ли видны горы и реки. Старик долго стоял на вершине кургана. Слезы застилали ему глаза, и он плохо видел дали. Но он почувствовал, как душистый степной ветер коснулся его легким крылом, и старик подумал, что этот резвый степной ветер будет приносить сюда вести о жизни кочевья. И если жизнь эта будет такой, какой хотела ее сделать Зарина, то эту весть услышит его дочь и она будет довольна.

— А племя наше все еще сильное и могучее! — произнес Миромир громко, чтобы его слышали саки у подножия кургана и захороненные в усыпальнице.

Это были первые слова, сказанные им с тех пор, как умерла Зарина.

Трудно было старому вождю примириться с таким несчастьем. Давным-давно уже никто из сакских жен не уходил вслед за умершим. Не для того ли саки старались уводить чужеземных девушек во время битвы...

Великое горе!.. Но если Миромир устоял и выдержал, то он еще покажет сакам, на что способен его род. Он осуществит замыслы своей любимой дочери. Он не будет знать ни сна, ни покоя, пока не сделает то, что задумала Зарина. Он хотел отдать дочери поводья своего коня, но

богиня задумала другое, и теперь он должен крепко сидеть на коне, пока не настанет его последний час.

Ветер трепал его седые волосы. Слезы текли по его черным впалым щекам, изрезанным глубокими бороздами...

* * *

Миромир выполнил свою клятву. Он не согнул головы под тяжестью горя. И, как было давно, в дни молодости, он трудился изо всех сил. Племя Миромира зажило в достатке и благополучии.

Долго еще правил старый вождь Миромир. В памяти саков многие годы жила любимая дочь Миромира, Зарина. И степной ветер, душистый ветер полей, приносил к вершине кургана добрые вести.

А курганы в Долине Безмолвия еще столетия хранили память о мужественных и благородных саках, которые жили когда-то на этой земле и оставили по себе добрую память.

КУРГАНЫ В ДОЛИНЕ БЕЗМОЛВИЯ

Послесловие

Долина Безмолвия. Здесь мы расстались с героями нашей повести. Мы расстались с ними на Алтае, где они жили почти двадцать пять веков назад. Кто же они, эти кочевники-саки? Что мы знаем о них? Сохранились ли какие-нибудь страницы истории, которые рассказали бы нам об этих людях?

Предания далекой древности сообщают о кочевых племенах, некогда населявших просторы Средней Азии. Это были среднеазиатские скифы, или саки, как их называли персы. В этих сказаниях кочевники-скифы рисовались мужественными воинами и благородными людьми. В древней Греции из века в век передавались легенды о воинственных женщинах скифского племени, которые принимали участие в войнах с персами и мидянами. Греки называли их амазонками.

Однако сведения древних авторов были очень отрывочными. Они не давали широкой картины жизни и быта кочевых народов. Эти сообщения значительно дополнены находками советских археологов.

Археологическая экспедиция Академии наук СССР и Государственного Эрмитажа на протяжении многих лет ведет раскопки древних курганов Алтая, которые сохранили много ценных памятников культуры далекого прошлого.

Эти курганы расположены в долине Пазырык, вблизи реки Большой Улаган.

Отправимся в путешествие на Алтай, и тогда мы вместе с археологами увидим живую страничку истории, которая расскажет нам о прошлом древнего народа.

Мы совершим свое путешествие по Чуйскому тракту — великолепной автомобильной дороге, проложенной в горах Алтая. Вот она, извилистая лента Чуйского тракта. Она тянется по долинам рек, через горные перевалы, мимо альпийских лугов, к вершине горы Чикэтаман. Отсюда виден Алтай во всей его первозданной красоте. В синем небе сверкают покрытые вечными снегами горные вершины, свежая зелень лугов сменяется дремучими лесами. Тихо плещутся в долине изумрудные воды Катунь. Но вдруг на пути ее скалистое ущелье — и тогда река несется стремительным потоком.

В старинной алтайской песне есть такие слова: «О Катунь, бежишь ты подобно белому коню по серым скалам нашего Алтая...»

А по берегам реки пасутся отары овец, табуны коней. Богатый, красивый край! Но вот блеснула на солнце река Большой Улаган, и мы оказались на крутой, извилистой тропе, ведущей в Пазырыкскую долину.

Как выглядит эта таинственная долина, спрятавшаяся в стороне от всех дорог? Чем она примечательна?

Тихой и таинственной кажется Пазырыкская долина, и, может быть, потому ее хочется назвать Долиной Безмолвия.

Здесь нет воды и потому нет жилищ. Здесь безлюдно. И если бы не древние курганы, сложенные из громадных валунов, то можно было бы подумать, что здесь не ступала нога человека.

Археологи внимательно осматривают курганы. Ведь каждый курган — усыпальница древнего человека, который жил здесь еще во времена царствования персидского царя Дария I.

Как давно это было! Прошли тысячелетия.

Кто они, эти люди далекого прошлого? Может быть, это были те самые племена аримаспов, которые, по рассказам древних греков, жили где-то на севере, среди гор, изобилующих золотом? В легендах говорится, что могучее скифское племя аримаспов селилось в горах рядом со стерегущими золото грифами и отважные охотники убивали грифов и отбирали у хищных птиц золото. Трудно сказать, так ли это было. Вряд ли древние люди добывали золото, отбирая его у хищных птиц. Но археологи давно уже убедились в том, что в далекой древности здесь добывали золото. А если, как говорят летописи, сюда приходили иноземцы, то не для того ли, чтобы отбирать у жителей гор драгоценный металл?

В те давние времена селения кочевников-скифов были раскинуты на громадных пространствах — от Карпат на западе до Памира и Алтая на востоке. Там, где были корма для многочисленных стад, там и появлялись их жилища. Но пришло время, когда богатые скотоводы, владевшие громадными стадами, стали строить себе дома и становились оседлыми. А пастухи по-прежнему кочевали в поисках хороших пастбищ.

О чем же расскажут эти безмолвные свидетели прошлого — курганы Пазырыкской долины? Кто построил эти усыпальницы? Были ли эти люди кочевниками? Или они стали оседлыми и строили себе дома из этих высоких красивых лиственниц?

У археолога всегда много хороших планов. Но, когда руководитель Горно-Алтайской археологической экспедиции профессор Сергей Иванович Руденко должен был решить, какой же курган раскапывать на этот раз, он был в затруднении.

Профессор Руденко уже более двадцати лет ведет раскопки алтайских курганов. Он знает, что многие усыпальницы ограблены еще в далекой древности.

Какой же курган сохранил свои сокровища? Может быть, вот этот большой курган?

Начали снимать громадные валуны. Их нелегко унести отсюда — каждый из них весит до полутонны. Стук молотов и ломов оживил безмолвную долину.

Рядом с древней усыпальницей появились легкие палатки археологов, задымилась костры. На помощь археологам пришли алтайцы, жители близлежащего колхоза, расположенного на берегу реки Большой Улаган.

Прошло много дней, прежде чем удалось снять камни, убрать бревна, покрывающие могилу, и тогда глазам археологов представилась усыпальница.

Это довольно большой деревянный сруб, вкопанный в землю. Он сделан точно так, как и в наше время строят деревянные дома. Огромные, хорошо отесанные бревна тщательно пригнаны друг к другу. Они не истлели и выглядят совсем новенькими. Но спуститься в этот дом нельзя. Все здесь сковано толстым слоем льда. Что же это, хорошо или плохо? Оказывается, очень хорошо! Это просто счастье для ученых. Ведь вещи, сохранившиеся среди льда, не могли истлеть. Значит, они предстанут перед нами в том виде, в каком были положены сюда двадцать пять веков назад.

Как ни трудно будет извлекать из ледяных оков содержимое кургана, ученый не может не радоваться такой удаче. Он ждет с нетерпением первых находок.

Как образовалась в кургане вечная мерзлота? Этот вопрос давно уже интересует ученых. Дело в том, что по климатическим условиям горного Алтая здесь не бывает вечной мерзлоты. А вот под каменными курганами ее не раз находили.

После тщательных исследований ученые пришли к выводу, что вечная мерзлота образовалась здесь искусственно. Они объясняют это тем, что курганы были воздвигнуты в осеннюю пору. Влага и мороз проникли в могилу и сковали льдом все находившееся в ней. А летом, когда солнце согрело землю, тепло его не проникло сквозь каменные глыбы и не расплавilo образовавшегося льда. Так лед и остался там на долгие века, пока его не тронули археологи.

Как же извлечь из могилы все эти сокровища? Трудная это задача! По опыту прежних лет профессор Руденко знает, что единственный способ в целости сохранить содержимое усыпальницы — медленно оттаивать лед. Рубить его нельзя, если не хочешь повредить ценные находки.

Лед заливают кипятком. Днем немножко помогает горячее алтайское солнце. Впервые за две с половиной тысячи лет оно посылает в курган свои живительные лучи. Археологи работают по колено в ледяной воде, копаются в мерзлой грязи, и от этого руки их посинели и распухли. Зато глаза сияют радостью. Все, кому посчастливилось

работать на раскопках обледеленного кургана, переживали счастливые дни.

Сколько разнообразных находок!

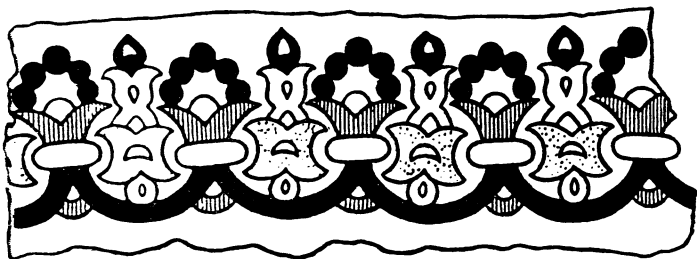
Здесь и кожаная посуда с украшениями из цветного сафьяна, и нарядная женская одежда из шелка и меха, и головной убор древнего воина. Художница экспедиции Вера Михайловна Сунцова с восхищением рассматривает беличий нагрудник, отделанный выдрой и горностаем. Но горностаи необычны: древняя франтиха покрасила его в голубой цвет.

История археологии не знает случая, когда бы тысячелетия хранились предметы из кожи, меха, тканей и войлока. Много прекрасных вещей было найдено в гробницах египетских фараонов, но тончайшие египетские ткани, изделия из кожи и дерева превращались в прах, как только к ним прикасалась рука археолога. Каждый предмет приходилось быстро заливать парафином, чтобы не дать ему рассыпаться. Здесь же, в алтайском кургане, все так хорошо сохранилось, словно уложено несколько дней назад. На столике лежит кусок сыра. Он так свеж и appetiten, что собака, не считаясь с его тысячелетней давностью, с удовольствием проглатывает предложенный кусочек. Это был самый выдержанный в мире сыр.

Вот большой войлочный ковер, расшитый пестрыми аппликациями. На нем изображена богиня плодородия с деревом жизни в руках, а перед ней всадник. Он одет в короткую синюю куртку, перетянутую в талии поясом, за плечами пестрый плащ. Штаны узкие, в обтяжку. Ковер обрамлен бордюром из цветов, переплетенных геометрическим орнаментом. Искусные вышивальщицы с любовью украшали свой дом, и, по обычаю предков, все лучшее, что было в доме, они отдавали умершему.

Сфинкс. Аппликация на настенном войлочном ковре.

Аппликации на войлочном ковре.

Красные, синие, зеленые, лиловые краски яркие и сочные. Ковер удивительно хорошо сохранился и впоследствии был выставлен в Государственном Эрмитаже на выставке памятников культуры древних алтайцев.

Профессор Сергей Иванович Руденко переживает самые счастливые минуты своей жизни. В кургане найдены неоценимые сокровища! Но ученый ждет еще большего. А вдруг сохранились и тела захороненных?..

С волнением раскрывал ученый деревянный саркофаг. Он сделан из вековой лиственницы и так тяжел, что его невозможно поднять и вытащить наружу. Пришлось снять плотно пригнанную крышку. И вот взору собравшихся предстали погребенные в кургане древние жители Алтая.

В саркофаге поместились двое: сакский воин и женщина. Они выглядят так, словно их уложили сюда несколько дней назад. Воин смуглый, чуть скуластый; женщина белолицая, с маленькими изящными руками. Археологи рассматривают тела захороненных. Они бальзамированы, видимо, тем же способом, о котором сообщает древний историк Геродот. Мужчина скальпирован. По всей вероятности, пострадал в битве. Но все же прическа сделана из черных волос, вероятно отданных ему его верным слугой. На груди воина — татуировка, сложный рисунок, подсказанный фантазией древнего художника. Тут и крылатый хищник, напоминающий кошку, и олень с орлиным клювом и длинным кошачьим хвостом.

— Знатный был человек! — говорит профессор.

Такая татуировка несомненно подчеркивала муже-

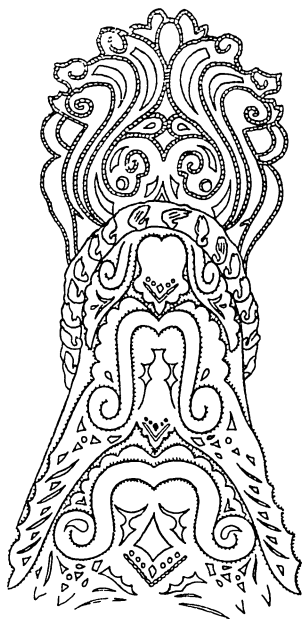

ство и знатность воина. Он безусловно верил в то, что изображения фантастических животных помогают ему защищаться от враждебных сил.

Тело женщины также бальзамировано. Видимо, она добровольно приняла смерть и потому облачена в нарядную одежду с украшениями. Совсем не так была похоронена женщина, останки которой обнаружены в другом кургане. Ее скелет был найден на крышке саркофага. Ни одежды, ни украшений рядом. Можно предположить, что она не хотела добровольно принять смерть и была брошена в могилу без почестей.

Но вернемся к саркофагу неведомого нам вождя племени. А может быть, это был глава большого рода? Судя по богатству погребения, это был знатный человек и ему были оказаны все почести, какие обычно воздавались людям богатым и влиятельным. Все самое лучшее и самое ценное было положено в усыпальницу умершего. И для спутницы его, добровольно принявшей смерть, было дано все необходимое для жизни. Здесь не только еда и одежда. На маленьком низком столике лежит кожаный мешочек, вышитый аппликациями, а в нем — гребень и серебряное зеркало. Видимо, женщина эта была музыкантшей, потому что рядом с саркофагом покоится маленькая арфа.

И вот перед ученым воскресает образ древней красавицы в нарядном платье, в изящных башмачках, расшитых замысловатым узором. Она сидит на мягком войлочном ковре с арфой в руках. Ноги у нее сложены калачиком. Не потому ли на башмачках расшита бисером подметка? Ученый внимательно рассматривает нарядные башмачки сакской красавицы и отдает их художнице, которая тут же начинает рисовать, тщательно

Орнамент на женской обуви.

*Деревянные украшения
на упряжи.*

подбирая яркие краски, соответствующие пестрой аппликации.

Трудная и необычно увлекательная работа захватила всех участников экспедиции. Каждый день приносит что-то новое, удивительное, неожиданное. И, может быть, потому, что с таким трудом извлекали из льда каждый предмет, все найденное здесь особенно поражаало воображение ученых.

— Всего можно было ожидать, — говорил профессор Ру-

денко, раскладывая на столе довольно большой бархатный ковер. — Но это просто необъяснимо! Ведь давно уже считают, что бархатные ковры впервые появились в четырнадцатом веке новой эры, всего пятьсот лет назад. Что же это значит?

Профессор с восторгом рассматривал рисунок только что найденного ковра. Конные всадники, грифоны и чубарые олени...

— Позвольте, — вспоминает профессор, — эти всадники на алтайском бархатном ковре весьма сходны с такими же изображениями на барельефах и печатях, найденных среди развалин древнего Персеполя. Развалины относятся к пятому-шестому векам до новой эры, они насчитывают две с половиной тысячи лет. Следовательно, можно предположить, что это самый древний бархатный ковер во всем мире...

Так находки сами рассказывали о далеком времени и помогали ученым воскрешать давно забытые страницы истории.

— Надо теперь внести поправку в историю изготовления ковров, — говорил профессор своим помощникам. — Наша находка позволяет отодвинуть искусство изготовления бархатных ковров почти на два тысячелетия. Любопытная поправка!

Вопрос о том, когда были созданы вещи, найденные в усыпальнице, когда жили люди, похороненные здесь, все больше занимал ученых. Но как получить ответ на это? Видимо, сами находки ответят.

Ученые знали, что за стеной усыпальницы должно находиться захоронение лошадей. Древние воины, жившие здесь, на Алтае, в те давние времена, были неразлучны с лошады. Естественно, что в загробную жизнь вместе с одеждой и пищей, вместе с оружием и украшениями отправлялись и верные помощники воина — их быстрые кони.

И вот они найдены, прекрасные верховые кони сакского воина. Их было четырнадцать, и все они отлично сохранились вместе с пышным убранством. Все здесь красиво и нарядно: сбруя, украшенная резьбой по дереву и золотой фольгой, пестрые попоны, чепраки из китайских тканей — все привлекает взоры археологов.

Не часто удастся ученому погладить золотистую шерсть лошади, убитой две тысячи пятьсот лет назад! Кони эти погибли не в битве, не случайно. Они были убиты для того, чтобы сопровождать воина в другой, загробный мир. Здесь же был найден бронзовый молоточек. По всей вероятности, этим молоточком и убивали лошадей, ударяя в самую уязвимую часть головы.

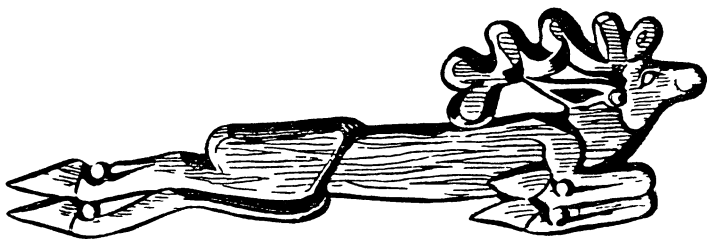
Профессор Владимир Оскарович Витт, который долгие годы занимается исследованиями по истории лошади, был приглашен на раскопки Пазырыкских курганов специально для того, чтобы посмотреть на древних лошадей Алтая. Профессор Витт с увлечением изучает необычайную находку. Он вскрывает желудки коней, изучает состав древних кормов. Это помогает ему узнать, что захоронение было сделано поздней осенью: кони ели осенние травы. Профессор доволен результатами своих исследований. Ему представилась возможность увидеть верховых коней далекой древности, не уступавших лучшим породам боевых коней Парфии и Бактрии, прославленных во всех странах древнего Востока.

Профессор увидел красивых, с подстриженными гривами коней, которых любили и холили. Никто никогда не бил их нагайкой. Это видно по тому, что нигде нет рубцов, следов удара; только игрушечная плетка найдена рядом с конями.

Тут были кони, жившие под навесом, и лошади, которых содержали под открытым небом. Может быть, они были подарены покойному в час последнего прощания,

когда, согласно обычаю саков, умершего возили прощаться в соседние кочевья?

Профессор Витт уже более двадцати лет изучает захоронение коней в алтайских курганах. Ученый обратил внимание на то обстоятельство, что в этих курганах чаще всего встречались кони рыжей масти. Это соответствует данным историков прошлого, которые сообщали о том, что древние народы Средней Азии всегда отдавали предпочтение рыжей, «солнечной» масти. В те давние времена, о которых упоминают историки, Бактрию называли золотисто-конной. Может быть, это было связано с культом солнца? Ведь известно, что кочевые народы Средней Азии приносили в жертву солнцу лошадей.

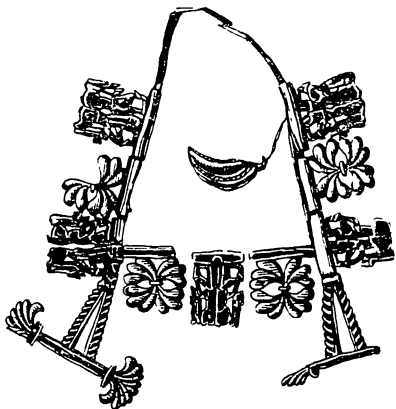
Украшение на уздечке.

В индийской мифологии рассказывается о том, что колесницу солнца везут рыжие кобылицы, лучи солнца — это золотистые волосы их развевающихся грив. Утренняя и вечерняя заря — это близнецы, которых родила солнцу божественная кобылица. Точно так же рассказывается о рыжих и красных конях в индийских сказаниях древности (ведах), а также в священной книге зороастрийцев — Авесте.

Очень хороши украшения на седлах, уздечках, сбруях. Каждая уздечка украшена набором резных фигурок из рога или дерева. То волк побеждает барса, то тигр нападает на оленя, то хищная птица терзает фантастического зверя. Все в движении, все удивительно динамично и изящно. Резчики по дереву были великолепными художниками.

Судя по богатому убранству лошадей, по изысканным

украшениям седел, чепраков и попон, можно предположить, что вождь племени, захороненный в этом кургане, был знатным человеком. Возможно, что он имел торговые связи с другими странами, в том числе и с Китаем. Иначе как попали к нему великолепные китайские шелка? У него было достаточно много слуг, возможно — рабов, которые растили в табунах этих крепких, красивых коней, заботились об этих украшениях и вышивках.

Узденка.

Здесь много тканей, и как они разнообразны! Вот тонкая, мягкая материя, вытканная из шерстяного пуха, а вот шерстяная ткань с диагональным рисунком. Ткани окрашены в синий, красный, коричневый, зеленый цвета. Из них делали верхнюю одежду, шили мужские рубахи или отделывали чепраки.

Внимание ученых привлек войлочный нагрудник. На нем можно увидеть сцену жертвоприношения. У алтаря

Узор ткани.

или курильницы — женщины. Две из них, стоящие непосредственно перед алтарем, в богатой одежде, с коронами на головах, по всей вероятности — царицы. А позади них — менее нарядные женщины, прислужницы. Вся композиция этой сцены, костюмы, молитвенные позы женщин говорят ученым о том, что эта ткань была изготовлена в Передней Азии не позднее V века до новой эры.

Рядом с тканями, сделанными людьми Алтая, были найдены китайские ткани. Седельный чепрак сакского вождя, покрытый превосходной шелковой тканью типа чесучи, украшен изящным рисунком. На белом шелку вышиты стилизованные деревья удун и сидящие на них

Подвески из дерева. Украшения на уздечке.

фениксы. Ученые предполагают, что китайские ткани, найденные в Пазырыкских курганах, самые древние из всех известных китайских тканей.

Домашняя утварь, одежда, многочисленные разнообразные украшения конской упряжи, сделанные с удивительным вкусом, говорят о том, как высоко стояло изобразительное искусство древних алтайцев. Это искусство, названное учеными искусством «звериного стиля», было присуще многим поколениям наших далеких предков.

Люди древнего Алтая очень хорошо знали повадки зверей. Наблюдая за ними во время охоты, видя их в движении, в ожесточенных схватках, древние художники свои наблюдения отображали в художественной резьбе и рисунке.

До раскопок в горном Алтае о скифо-сакском искусстве судили по золотым вещам, найденным на юге России. Знаменитые серебряные амфоры для вина из Чертомлыцкого кургана около Никополя, золотые браслеты, серьги с подвесками, железные мечи с золотыми рукоятями, бронзовые светильники, зеркала из бронзы — все это были предметы, созданные для

людей, несомненно богатых и знатных. Со всем о другом говорят находки, полученные в курганах горного Алтая. Эти находки рассказали о том, что великолепное искусство древних саков было народным. Оно было доступно как богатым, так и бедным. Ведь изделия из дерева, кожи и меха найдены в самых разнообразных погребениях: как знатных вождей племени, так и бедных людей. Ученые

*Голова оленя в клюве грифа.
Вырезано из дерева.*

еще увидели, что понятие «звериный стиль» никак не в состоянии охватить все те многообразные формы искусства, которыми владели древние художники. Наряду с изображениями зверей нередко встречаются изящные рисунки с растительным и геометрическим орнаментом.

У древних алтайцев можно увидеть рисунок лотоса. Лотос — священное растение, почитаемое у берегов Нила и Ганга. Еще в очень давние времена лотос получил распространение в Египте. Позднее изображение этого

растения появилось в Ассирии, а оттуда оно перешло к персам и скифам. И вот в одном из Пазырыкских курганов ученые увидели самые обыкновенные предметы одежды и обуви, украшенные сложной, красивой композицией из цветов лотоса.

Так еще в далекой древности сталкивались и обогащали друг друга культуры многих народов.

Раскопки алтайских курганов, которые велись

Украшение из дерева на седле.

на протяжении многих лет, дали много ценных находок. И каждый предмет, извлеченный из гробницы древнего человека, был какой-то строкой в исторической летописи, оставленной нам древними народами. Ученые имели случай убедиться в том, что сообщения древних историков, и, в частности, Геродота, имеют все больше подтверждений. Так, у Геродота рассказано о различных обычаях и обрядах скифов, об их верованиях. И вот многие из его сообщений были подкреплены находками в алтайских курганах.

Древний историк Геродот сообщает об обычае скифов бальзамировать тела умерших вождей племени и помещать вместе с умершими женщину. Как мы уже знаем, ученые убедились в справедливости этого сообщения. Там же Геродот подробно рассказывает о том, как скифы выполняли «очистительный» обряд после похорон. И вот в одном из курганов были найдены все необходимые предметы для такого обряда: курильница с камнями, древки-шестиноги, семена конопли в мешочках. Геродот писал, что скифы раскаляют камни, кладут их в маленький шалаш; на эти камни бросают семена конопли и окуриваются дымом от расплавленного семени.

Рассказывая о божествах, почитаемых скифами, Геродот упоминает о богине Апи. Не эта ли богиня изображена на большом войлочном ковре, найденном в Пазырыкском кургане? Но, если мы находим подтверждения тем многочисленным обрядам и обычаям древнего народа, о которых упоминает Геродот, почему бы нам не поверить в легенды?

Древние историки оставили нам великолепные легенды, в которых рассказывается о мужестве, патриотизме и благородстве кочевников-скифов. Греческим историком Полиеном была записана легенда о табунщике Шираке, который на две тысячи четыреста лет предвосхитил подвиг Ивана Сусанина.

Это было во времена Дария I. Персидский царь, воюя с саками, которые шли против Дария тремя отрядами, разбил первый отряд, взял у побежденных саков их одежду и оружие и отдал все это своим персам. Переодев своих воинов, Дарий повел их против второго отряда саков. Решив, что перед ними свои же саки, противники Дария доверчиво подпустили их совсем близко и

были полностью разбиты. Третий отряд не стал сопротивляться и покорился персам.

Сакские цари Саксафар и Омарэ стали обсуждать случившееся. Они должны были решить, каким способом разгромить персидское войско. В это время к ним пришел табунщик из пустынных мест — Ширак. Он взялся хитростью уничтожить персидское войско. Предчувствуя свою гибель, Ширак просил царей только об одном: не оставить его детей, дать им коней и денег. Цари дали обещание позаботиться о детях Ширака, и табунщик ушел, пообещав царям победу.

Прежде чем пойти в стан врагов, Ширак изранил себе ножом уши и нос. И так, окровавленный, пришел к царю Дарию. Он сказал, что его изуродовали сакские цари, клялся, что хочет отомстить им, и предложил повести войско Дария кратчайшим путем, чтобы окружить саков. Он велел взять еды и питья не более чем на семь дней.

— Я поведу вас путем, только мне известным, — сказал табунщик. — Саки погибнут от вашего меча!

Ширак повел громадное персидское войско. Он вел персов семь дней и завел в пустынное, бесплодное место, где не было ни воды, ни пищи.

— С какой целью, — спросил его тысячник Роносбат, — задумал ты обмануть такого великого царя и такое множество персов? Зачем привел ты их в безводную пустыню, откуда нет возврата?

— Я хотел победить! — отвечал табунщик Ширак. — Я задумал отвратить беду от соотечественников своих, саков. И вот мне удалось известить вас, персов, жаждою и голодом...

По приказанию тысячника Роносбата Шираку отрубили голову. А войско персидское погибло в пустыне, и в этой войне саки победили персов.

У Геродота сохранилось много любопытных страниц, посвященных многочисленным военным столкновениям могучего персидского войска Дария I со скифами. В 512 году до новой эры Дарий потерпел первое серьезное поражение в войне со скифами, обитавшими на юге. Об этом событии Геродот писал: «Персидский царь покорил все своей власти на Азиатском материке, положил мост на шее Босфора и перешел на Европейский материк; здесь покорил фракийцев, соединил мостом берега

реки Истра, вознамерившись все подчинить себе и по ту сторону реки...»

«Скифы... решили вовсе не давать настоящего открытого сражения, но, разделившись на два отряда, отступать со своими стадами, засыпать попадающиеся в пути колодцы и источники и истреблять растительность.

Порешивши все это, скифы вышли навстречу Дариеву войску, для чего послали вперед лучших всадников; все повозки, на которых жили их дети и женщины, и весь скот с ними они отправили заранее с приказанием двигаться неизменно на север. При себе они оставили лишь столько скота, сколько требовалось для прокормления; все остальное отправили вперед».

О подвигах скифских воинов рассказывают и летописи древних историков, и легенды, сохранившиеся в памяти народов. К сожалению, совсем мало сообщается о женщинах скифского племени. Однако есть великолепная легенда, записанная персидским историком Ктесием. В ней рассказывается о мужественной и отважной сакской царице Зарине, о ее красоте и благородстве. Ктесий рассказал о женщине, которая сама возглавляла отряды воинов.

Древний историк Арриан писал, что во времена Александра Македонского (324 год до н. э.) сатрап Мидии Атропат прислал Александру Македонскому сто женщин, «которых полагают амазонками и которые были наряжены в одежды мужчин-всадников, за исключением того, что носили секиры вместо копий и легкие щиты вместо тяжелых».

Прежде чем сделать какие-либо выводы и обобщения, ученый много раз сравнивает, сличает и сопоставляет различные факты, исторические события и достоверные записи древних историков с теми памятниками материальной культуры, которые ему посчастливилось добыть во время раскопок.

Так, собрав воедино все те данные, которые сохранились в истории о кочевниках-скифах, и все те удивительные находки, которые были получены в обледенелых курганах Алтая, ученый пытается воскресить далекое прошлое, отдаленное от нас тысячелетиями.

О чем же рассказали ученым находки из Пазырыкских курганов Алтая?

Эти находки помогли ученым воспроизвести целую

картину жизни кочевых племен древнего Алтая. Кочевники-скифы, жившие на этих землях в те далекие времена, создали совершенно своеобразную, самобытную культуру, в которой отразились и особенности климата тех мест, и условия быта.

Скотоводство было основным источником существования древних алтайцев. Кочевые племена селились на высокогорных пастбищах, кочевали вдоль зеленых долин, вблизи рек и озер. Летние пастбища были далеко от зимних, и кочевник вез с собой все необходимое ему для жизни, наполнив скарбом высокие двухколесные повозки, которые в пути заменяли жилища, навьючив многочисленных коней. А когда приходили на пастбище, тут же быстро раскидывали кочевья и, как видно по находкам, строили такие же войлочные юрты, в каких еще недавно жили кочевые киргизы. Кочевой образ жизни требовал утвари, удобной для перевозки. Вот почему в курганах найдены всевозможные кожаные сумки, ведра, кожаные фляги, мешки, которые так нужны были в походах. При оседлой жизни все это было заменено глиняной посудой.

Многочисленные вещи из кожи, найденные в алтайских курганах, по всей вероятности, и говорят о недавнем кочевом быте древних алтайцев. Можно предположить, что Пазырыкские курганы были воздвигнуты в то время, когда алтайцы еще кочевали, но уже умели строить деревянные дома. Иначе почему же усыпальница древнего вождя сделана точно так же, как и в наше время строят деревянный сруб?

Ученые смогли убедиться в том, что древние алтайцы весьма чтили гробницы умерших. Это соответствует и древним летописям, которые сохранились до наших дней. У Геродота сказано, что в ответ царя скифов Иданфирса послу Дария Гистаспа на вопрос последнего, почему он уклоняется от сражения, последовал ответ: «Почему я не тороплюсь сразиться с тобою? Объясню тебе это. У нас нет городов, нет засаженных деревьями полей, нам нечего опасаться, что они будут покорены или опустошены, нечего поэтому и торопиться вступать с вами в бой. Если бы вам крайне необходимо было ускорить сражение, то вот: есть у нас гробницы предков; разыщите их, попробуйте разрушить, тогда узнаете, станем ли мы сражаться с вами из-за этих гробниц или нет».

По всему видно, что люди этого древнего племени, которые соорудили курганы в Пазырыкской долине, свято чтили культ предков и старались делать свои священные могилы недоступными для врагов.

Изучая находки археологов в курганах Алтая, ученые как бы прочли летопись, оставленную нам далекими предками. Они узнали о жизни, нравах и обычаях древних племен.

* * *

Вот мы и посетили Пазырыкскую долину. Мы словно совершили путешествие во времени и очутились в гостях у наших далеких предков, которые жили на этой земле еще во времена персидского царя Дария. Все, что нашли ученые в усыпальнице древнего воина, помогло нам узнать о том, как жили, как трудились и как воевали, защищая свою свободу и свои земли, кочевники-скифы.

Вещи, найденные в алтайских курганах, доставлены в Ленинград, в Государственный Эрмитаж. Сокровища этой новой коллекции расскажут нам о своеобразной культуре древних алтайцев, которые внесли и свою лепту в общечеловеческую культуру.

О Г Л А В Л Е Н И Е

К родным очагам	3
Откуда принцесса?	14
Не тоскуй!	31
Фамир не придет!	40
Ишпакай вернулся из плена	52
Куда девать Голубой Цветок?	62
В добрый путь!	68
О ком же думает Фамир?	77
«Греки назвали бы вас амазонками»	86
В пещерах Персиды	93
Крылатые быки у входа	107
Вот они, рабы-саки!	114
Смерть Чжун Цина	123
Волшебство черного озера	132
Возвращение	139
Принцесса снова в пути	146
Свадьба	162
Коварство Мадия	173
«Я с тобою, Фамир!»	182
Курганы в Долине Безмолвия. <i>Послесловие.</i>	189

Для средней школы
Моисеева Клара Моисеевна
МЕЧ ЗАРИНЫ

Ответственный редактор *Г. А. Дубровская.*

Художественный редактор *Е. М. Гуркова.*

Технический редактор *Т. М. Страхова.*

Корректоры *Т. П. Лейзерович* и *Э. Н. Сизова.*

Сдано в набор 14/XII 1964 г. Подписано к печати 14/IV 1965 г. Формат 84×108 1/32. Печ. л. 6,5.

Усл. печ. л. 10,66. Уч.-изд. л. 10,52. Тираж 75 000 экз. ТП 1965 № 458. Цена 42 коп.

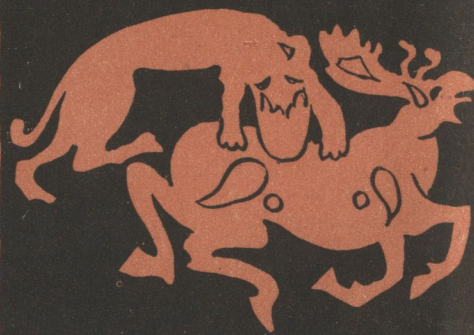
Издательство «Детская литература».

Москва, М. Черкасский пер., 1.

Типография «Пунане Тяхт», г. Таллин,
ул. Пикк, 54/58. Заказ 2602.

Цена 42 коп.